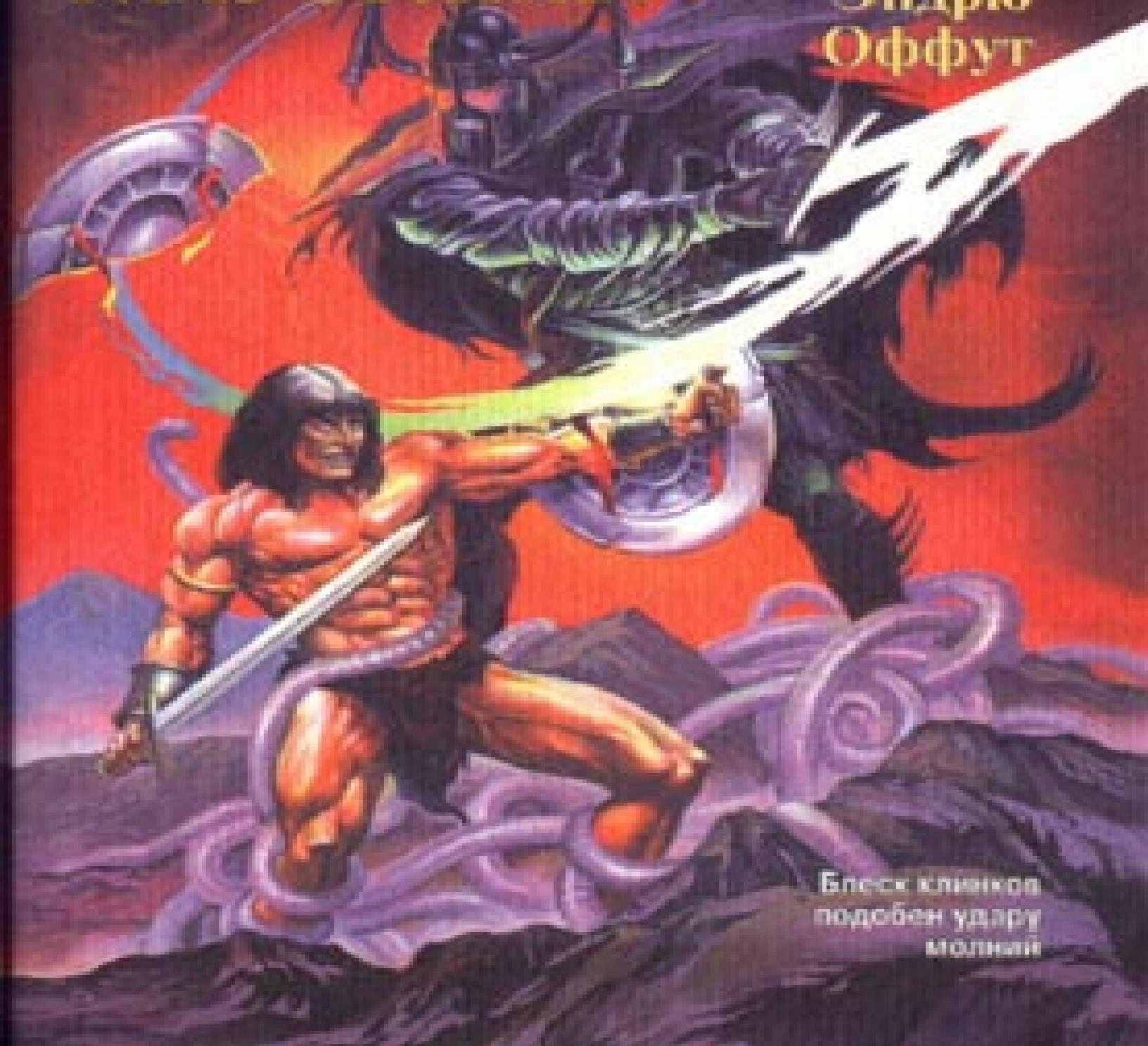

САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

ГЛАЗ ЭРЛИКА

Эндрю
Оффут

Блеск клинков
подобен удара
молнии

- Эндрю Оффут

- [Пролог: МЕЧ](#)
 - [1. КОНАН ИЗ КИММЕРИИ](#)
 - [2. ХАССЕК ИЗ ИРАНИСТАНА](#)
 - [3. ПРОЩАЙ, ШАДИЗАР](#)
 - [4. ЧУДОВИЩА](#)
 - [5. ПОВЕСТЬ О ДВУХ ВОЛШЕБНИКАХ](#)
 - [6. ВОЛШЕБНИК ЗАМБУЛЫ](#)
 - [7. ИСПАРАНА ИЗ ЗАМБУЛЫ](#)
 - [8. СТРАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ](#)
 - [9. СМЕРТЬ СРЕДИ БАРХАНОВ](#)
 - [10. ШАТРЫ ШАНКИ](#)
 - [11. ШПИОНЫ ЗАМБУЛЫ](#)
 - [12. ЭСКОРТ ДЛЯ ДВУХ ВОРОВ](#)
 - [13. ЗАМБУЛА](#)
 - [14. ГЛАЗ ЭРЛИКА](#)
 - [15. КОНАН-ГЕРОЙ](#)
 - [16. КОНАН-БЕГЛЕЦ](#)
 - [17. КОНАН-ВОР](#)
 - [18. КЛЮЧ К ЗАМБУЛЕ](#)
 - [19. «УБЕЙ ЕГО!»](#)
 - [20. МЕЧ НА СТЕНЕ](#)
 - [21. ТРОН ЗАМБУЛЫ](#)
-

Эндрю Оффут

Меч Скелоса

...Он глухо зарычал, словно тигр, в котором сила зверя сочетается с разумом демона.

Бальзак

Пролог: МЕЧ

Двое, обнаженные, с отметинами на телах, оставленными голодом и искусством палача, стояли на дне каменного колодца и смотрели вверх. На площадке перед дверью у верхней ступени лестницы, ведущей в подземную темницу, четверо глядели на них в ответ. Трое из них носили бороды; двое были в кольчугах и шлемах. На двоих были длинные широкие одежды, а на одном

— странный головной убор. У троих на бедрах висели спрятанные в ножны мечи, а четвертый — держал в гладкой, без морщин руке меч.

Молодой человек в странной феригийской шляпе и длинной розовато-лиловой мантии оторвал взгляд от стоящих внизу пленников и обратился к тому, на ком были разноцветные одежды:

— Ты получил от этих двух пленников все, что тебе требовалось, господин Хан? Теперь ты хочешь, чтобы их убили?

Человек с жирными черными волосами, закрученными в локоны, с выступающим животом и в то же время с недурной наружностью, — этот человек в подпоясанной серебряным поясом, окаймленной золотом мантии, переливающейся разными красками, приподнял брови.

— Да, — сказал он, — однако ты, конечно же, не собираешься сам спуститься туда и исполнить роль палача?

Один из двух солдат ухмыльнулся под своим заостренным кверху бронзовым шлемом на чехле из кожи поверх губки. Он издал слабый звук, и человек в мантии и с мечом в руке бросил на него хмурый взгляд. Однако тут же на его квадратном лице появилась слабая улыбка, и он снова обратил взгляд к хану.

— Нет, мой господин. Я прошу только, чтобы ты подождал некоторое время и посмотрел. Совсем недолго, мой господин.

Неподалеку от них низкая железная жаровня на кривых ножках прижималась к земле, словно черный демон, чья голова была пламенем, отбрасывавшим жутковатые отблески на стены темницы. По обе стороны от человека в мантии стояло по ведру: в одном был песок, в другом — вода. Присев на корточки, этот человек с квадратным, чисто выбритым лицом положил меч наземь, острием от себя. Лезвие было прекрасной работы, длинный, смертоносный лист сияющей стали, а черенок исчезал в серебряной рукояти, изображающей шею и поднятую голову дракона. Поперечная перекладина, или гарда, образовывала его крылья, а топазовая головка эфеса венчала голову дракона, словно сверкающим желтым золотом.

Что-то бормоча, сидящий на корточках человек посыпал меч грязью из ведра с землей. Он испачкал таким образом клинок, рукоять, гарду и головку и позаботился о том, чтобы оружие было покрыто грязью все целиком. Тот солдат, что был постарше, явно не одобряя его действий, смотрел в землю, и лицо его было угрюмым. Так обращаться с оружием, сделанным с подобным искусством и трудом, конечным продуктом гения какого-то мастера-ремесленника!

Перевернув меч, маг — ибо он совершенно очевидно был магом — повторил свои действия. Все это время он продолжал непрерывно бормотать свои чародейские заклинания.

Не обращая внимания на то, что темная, как вино, мантия, тугу натянулась на его

обращенных кверху ягодицах, маг встал на четвереньки, словно поклоняясь клинку. Но на самом деле он продолжал бормотать, одновременно выдувая мощную струю воздуха поверх оружия. И снова он постарался покрыть меч целиком, на этот раз невидимым образом, своим дыханием.

Земля зашевелилась, потом слетела, когда маг поднял меч и трижды рассек им воздух этой молчаливой, душной комнаты. Сам воздух застонал, разрезаемый этим острым клинком.

Обнаженные, покрытые шрамами пленники пристально глядели снизу вверх на эти обряды. Они обменялись взглядами, полными недоумения и опаски, и вновь обратили глаза вверх. Оба могли узнать волшебство, когда видели его, ибо их родной Иранистан, расположенный еще дальше к Востоку, вряд ли можно было назвать свободным от присутствия магов и гостей из пространства, расположенного между измерениями.

Так же пристально смотрели хан и оба солдата, и они тоже чувствовали, как волосы шевелятся у них на затылках и слегка перехватывает дыхание. Они знали, что наблюдают за колдовством. Они могли только спрашивать себя, какую цель оно преследует и какого результата добьется здесь, в этой холодной и мрачной темнице.

Маг окунул руку в ведро с водой. Снова и снова он окроплял меч и окунал руку, и опять окроплял меч — и все время бормотал. Все это, совершенно очевидно, шокировало того же старшего из охранников; этот человек повидал на своем веку сражения и относился с большим уважением к хорошему оружию. Любой мог купить топор, но меч был произведением искусства и большого мастерства. Ветеран долго собирал деньги, чтобы купить тот меч, который сейчас висел у него на боку. Он обращался с ним с большим уважением и заботой, чем со своей женой, которая, в конце концов, обошлась ему не так дорого. Плотно сжав губы, он наблюдал, как согнувшийся маг покрывает клинок худшим врагом хорошего лезвия, сделанного из стали: водой.

Теперь солдат, возможно, несколько смягчился: подняв меч вверх, с которого капала вода, маг продол жал говорить певучим, гортанным голосом. Едва шевеля губами, он пронес лезвие сквозь пламя, танцующее над жаровней.

Металл зашипел, словно охваченный сверхъестественным гневом. Перевернув его, маг повторил свои действия и, надо полагать, слова своего проклятия или колдовского призыва.

Наконец, все еще бормоча невразумительные заклятия, маг поднялся на ноги. Без всякого предупреждения и почти не целясь, он метнул меч, как копье, в стоящих внизу обнаженных пленников. И теперь заклинатель заговорил громко, и все поняли слова:

— Убей его.

Меч все еще был в воздухе — полоска серебра, когда маг произнес эти слова ужасающим тусклым голосом, полным угрозы и злобы, которые были словно смертоносные споры, заполняющие чашечку Черного Лотоса из накрытых тенью рока джунглей Кхитая. Солдат и хан не отрывали глаз от меча — так же, как и двое иранистанских пленников внизу. Один из них, покрытый шрамами, с ввалившимися щеками и животом, попытался увернуться от клинка, летящего к нему острием вперед. Тогда послышались голоса, бормотание губ, не принадлежащих магу; свернулся ли летящий клинок за долю секунды до того, как погрузился в грудь уклоняющегося человека... чуть-чуть влево от центра?

Пораженный таким фантастическим образом, которым с охотой пользуются более беспечные рассказчики и сочинители историй, прямо в сердце, иранистанец резко содрогнулся; потом испустил предсмертный вздох и упал. Он не замер сразу же, но

задергался в предсмертных судорогах. Меч погрузился глубоко. Он вздрагивал над поверженным телом.

— Просто замечательный бросок, Зафра, — удивленно сказал хан после того, как смог вырваться из уз цепенящего шока. — Мне и в голову не приходило, что ты...

Внизу второй пленник схватил дракона-рукоять меча, торчащего, как тонкий могильный знак из серебра и стали, над трупом его товарища. Он вытащил меч, выпустив ручеек крови, и посмотрел наверх, на наблюдавших за ним четверых пленивших его врагов. Все мысли и чувства читались в его ввалившихся, блестящих от голода глазах: хан! Сам хан, всего в нескольких локтях, а у иранистанца в руках меч-Неторопливыми, размеченными шагами обнаженный чужеземец подошел к основанию лестницы. Его взгляд был прикован к хану. Кровь капала с меча в его руке.

За спиной мага мечи со скрежетом вылетели из отделанных сверху деревом ножен, — два наемника приготовились защищать своего правителя. Разделаться с иранистанцем, ослабевшим от пыток и недостатка пищи, будет делом нескольких секунд. Без сомнения, охранники недолго прожили бы, если бы их хан был убит, ибо он был сатрапом Турана, а Империя Турана была могущественной и ревнивой, как жеребец, для которого только что миновала пора юности.

Молодой маг поднял руку, останавливая охранников, и спокойно сказал:

— Убей его.

Иранистанец поставил ногу на вторую ступеньку, когда меч ожил в его руке.

Дракон изогнулся, потом изогнулся еще раз; он вырвался из руки узника, пальцы которого разжались от удивления.

Меч быстро повернулся и стремительно бросился на иранистанца, словно клинком управляла могучая невидимая рука. Пленник машинальным, защищающимся жестом выбросил вверх руку — и клинок почти прошел через запястье. Кисть руки повисла на лоскутке кожи, кусочке мышцы и осколке расщепленной кости. Меч немедленно изменил направление удара и погрузился в грудь человека — чуть слева от середины.

Иранистанец, отброшенный назад силой вонзающегося клинка, зашатался и упал навзничь. Так он и остался лежать — одна босая пятка на нижней ступеньке лестницы. Его ноги судорожно дергались. Меч торчал из его тела и вздрагивал, словно увенчивающий рукоять серебряный дракон был живым и яростным.

Маг повернулся и взглянул на своего хана коричнево-гранатовыми глазами, холодными, как само целомудрие. Его квадратное, безбородое лицо под высоким головным убором не выражало ровным счетом ничего: ни торжество, ни ожидание не освещали его черт. Теперь он совершенно не обращал внимания на двоих охранников, чьи сердца были словно заполнены страшной стужей, холодной, как сталь, — заколдованная сталь.

— Впечатляюще, волшебник!

Маг поклонился в ответ на слова своего хана. И когда его лицо таким образом на мгновение исчезло из поля зрения остальных, он улыбнулся, ибо был молодым магом, только что вышедшем из подмастерьев, и не часто получал похвалы, и его будущность и богатство были еще под сомнением. Теперь он знал, что и то, и другое ему обеспечено болееочно, чем самому хану. Он был теперь не подмастерьем, а волшебником, которому Актер-хан знал цену.

— Заколдуй так тысячу мечей, — продолжал правитель, когда маг выпрямился, — и у меня будет армия, не требующая никакого содержания и почти не занимающая места, — и

непобедимая!

— Ах, мой господин, — осмелился возразить юный маг, — я показал тебе нечто ужасное и впечатляющее, и ты немедленно думаешь только о том, чтобы получить больше!

Один из солдат судорожно сглотнул воздух. Однако, когда его правитель заговорил, он понял, что отныне с этим вызывающим содрогание демоном в человеческом облике придется обращаться с осторожностью и уважением, — вместе с его феригийской шляпой, змеиными глазами и всем остальным.

— Не посчитай меня неблагодарным, волшебник... хотя я не потерплю наставлений от тебя.

Глаза хана сместились в орбитах во направлению к двум стражникам. Это было молчаливое напоминание, что пленники стали теперь трупами.

— Я сожалею, но только два клинка могут быть заколдованы одновременно таким образом, мой господин, — сказал маг. Возможно, хан отметил, что он не извинился; но никаких комментариев не последовало.

— Почему?

Взгляд мага переместился на солдат; затем снова пристально уставился на хана.

— Сейчас здесь не от чего нас охранять, — сказал хан. — Подождите за дверью.

После минутного замешательства, когда солдаты раскрыли было рты, но закрыли, оставив слова не произнесенными, они удалились. Их повелитель не взглянул им вслед; он продолжал смотреть в лицо мага, который доказал, что если ему чего-то и не хватает, то только лет.

— Почему? — повторил хан.

— Это закон Скелоса, откуда происходят те чары, которые я наложил на клинок, господин Хан. Необходимо употребить верные древние слова именно нужным образом и в нужном тоне и использовать четыре стихии именно в нужном порядке и пока произносятся некие особые слова заклятия; стихии, охватывающие все предметы: землю и воздух, воду и огонь.

— Очень жаль. Однако... великое деяние, и я поражен и очень доволен, волшебник. Ты будешь носить это.

Кольцо с огромным солнечным камнем перешло с пальца на ладонь, с ладони

— к ожидающей руке и оттуда — на палец мага. Его поклон был не очень низким, и он ничего не сказал.

— Я возьму этот меч.

— Я так и думал, что мой хан пожелает этого. И мне пришла в голову другая мысль, и потому я хотел, чтобы стражники здесь не присутствовали. Может быть, мне лучше наложить чары на клинок, уже принадлежащий моему мудрому господину?

Хан положил руку на украшенную драгоценностями рукоять кривого меча, поднимающуюся над его левым бедром.

— Да! Клянусь потрохами Эрлика — да!

— Меч должен быть омочен в крови сразу же после того, как будет наложено заклинание, мой господин.

— Да, я думаю, мы сможем найти кого-нибудь, кто отдаст свою никчемную жизнь, чтобы его хана защищал подобный клинок, волшебник! Действуй!

И сатрап Замбулы вытащил меч с драгоценной рукоятью и подал его своему магу Зафре.

1. КОНАН ИЗ КИММЕРИИ

Высокий юноша сжал коричневый локоть девушки и сильно шлепнул ее по заду. Она танцующим шагом выскользнула из-под удара, встряхивая длинными волосами цвета гривы чалой лошади, и одарила юношу взглядом, сочетающим в себе упрек и ласку. Сегодня ночью он ее бросил. Позвякивая сделанным из монет поясом, девушка пошла своей дорогой, а парень пошел своей.

Она поторопилась дойти до хорошо освещенного квартала, потому что здесь был самый худший район Города Грешников. Глотки быстро перерезали в этих темных узких улочках местности, известной под названием Пустыни, и еще быстрее — в темноте переулков, скользких от отбросов и блевотины.

Высокий юноша сделал не более четырех размеренных шагов, прежде чем повернуть и войти как раз в такой узкий переулок. Даже на дне колодца видимость не могла быть намного хуже. Больше всего света было на углу улицы за спиной — его давала пара ламп, выполненных в форме львов, у входа в шумную таверну. Этот свет некоторое время следовал за юношей, но вскоре померк.

Запах бросился в ноздри и попытался поразить обоняние миазмами разлагающегося мусора, застарелого вина, прокисшего в бурдюках, сырой земли, вывернутой рядом с домами; а темнота попыталаась в то же самое время погасить пылающие голубые глаза юноши. Отсутствие морщин на лице этого человека позволяло заключить, что он молод. Но нечто сродни твердости оружейной стали в его глазах опровергало такое заключение. Более внимательный наблюдатель заметил бы, что этот черноволосый гигант, которому явно не исполнилось еще и двадцати лет, многое повидал, многое пережил и вынес... и восторжествовал над всем. Никто не мог быть настолько глуп, чтобы поверить, что этот кинжал и меч в потертых, старых ножнах из шагреневой кожи не были смочены кровью.

Все это, и его размеры впридачу, придавали юноше уверенность; он повернулся в переулок, почти не замедляя шага.

Его самоуверенность была непринужденной самоуверенностью молодости, самонадеянностью волка среди собак. Он избавил мир от двух кошмарных оживших мертвецов, этот силач, рожденный на поле боя; он воровал, пока спящая жертва лежала всего на расстоянии пары футов от него; он убил двоих волшебников, добивавшихся его смерти, и еще высокорожденного владыку Кофа; и он разбивал чары и отправлял в мир иной так много людей, владеющих оружием, что потерял им

счет, — и все это несмотря на свои невеликие годы. Это были всего лишь собаки, лающие на волка, и волк был более крупным, и более быстрым, и более жестоким и злобным, чем они, он излучал уверенность, придаваемую умением, как свеча создает сияющий нимб вокруг своего пламени.

Волк свернулся в переулок, и собаки ждали.

Один шаг сделал поджарый, гибкий, как кошка, человек, вышедший из черной тени у стены, острие его меча смяло тунику на мускулистом животе юноши.

— Стой спокойно и убери руку с рукояти меча, Конан, иначе я налягу на меч, и у тебя появится второй пупок.

Холодные голубые глаза свирепо взглянули на человека, стоящего по другую сторону обнаженного клинка. Тот был среднего роста — это означало, что добыча была выше его на

целый фут. На нем был длинный темный плащ с поднятым капюшоном; во мраке переулка даже зоркие глаза молодого киммерийца не смогли разглядеть заговорившего с ним. Конан стоял неподвижно, и его мозг посыпал всему его большому телу сигнал расслабиться. Очень медленно и осторожно он перенес одну ногу назад. А потом вторую; и когда давление на переднюю часть его туники прекратилось, он выпятил вперед покрытые мускулами ребра, чтобы удержать острие меча и заставить противника поверить, будто он находится на пару дюймов ближе, чем на самом деле.

— Клянусь Белом, богом всех воров, — сказал Конан, — что это за идиотские выходки? А как насчет Кодекса Бела, приятель: воры не грабят воров?!

— Просто... стой спокойно, Конан, если тебе дорого твое брюхо.

— Я никогда не двигаюсь, если меч пытается пропороть мою тунику, — сказал Конан, и в тот момент, когда он договорил эту ложь, за его спиной послышался шорох ткани.

Пора было прекращать дальнейшую игру. Конан был не из тех, кто позволяет проткнуть или оглушить себя из-за спины только потому, что существует угроза спереди. По крайней мере, он мог видеть клинок человека в плаще; клинок же за спиной мог оборвать его жизнь, и он бы так его и не увидел. «Если мне повезет сегодня ночью, — думал Конан, — противник вперед сделает выпад машинально и проткнет того коварного подлеца, что стоит за моей спиной!» Темнота, как говорили восточные мудрецы, мешает не только честным людям, но и бандитам. Конан не стал задумываться над тем, что здесь все были бандитами.

Он уже опускался на корточки и не перестал двигаться, чтобы подождать возможного удара поверх головы; за долю секунды до того, как его ягодицы соприкоснулись с узловатыми икрами, он нырнул в сторону. В тот же миг его рука метнулась поперек тела к рукояти меча.

Он услышал в воздухе завывание и по этому звуку понял, что стоящий сзади человек замахнулся отнюдь не мечом: сопротивление воздуха было слишком сильным. Вырывая свой собственный меч из ножен, Конан увидел, что в руках у нападавшего дубинка. Это была палка пяти футов длиной и толщиной с женское запястье. Конан заметил также, что человек в капюшоне не нанес удара мечом.

«Странно, — думал Конан, не прекращая двигаться. — Если один держал меня на острие меча, то почему второй пытался оглушить меня сзади — и, почему тот, что с мечом, не проткнул меня или, по крайней мере, не ранил, когда я шевельнулся?»

Поднимаясь в боевую стойку с чуть согнутыми коленями, он выбросил вперед свой собственный клинок. Человек в капюшоне предпочел отскочить назад, а не отражать подобный удар своим мечом. Двигаясь, все время двигаясь, Конан продолжил выпад — и острие меча поднялось под безошибочным углом и вспороло глотку человека с дубинкой. Тот отшатнулся назад, и только теперь Конан заметил моток веревки в его левой руке.

Раненый наткнулся спиной на стену и стоял, пока жизнь вытекала из его горла вместе с алым потоком крови. Конан, сохранив боевую стойку и обнажая зубы в кровожадной ухмылке, повернулся лицом к другому противнику... который упал на колени. Меч звякнул среди отбросов, покрывающих землю.

— Не убивай меня, Конан. Пожалуйста. Я не пытался убить тебя. Я не стал бы этого делать. Веришь мне? Я не вооружен. Видишь? Ты ведь не станешь убивать безоружного человека?

— Я мог бы, — сказал Конан, скрывая удивление. — Встань.

Человек в длинном темном плаще повиновался.

— Повернись. Сними этот капюшон и иди передо мной, туда, где есть хоть какой-

нибудь свет.

Человек в плаще стоял и никак не мог решиться повернуться спиной.

Волк рявкнул:

— Шевелись!

— Я... я... пожалуйста...

— Шевелись, черт бы тебя побрал. Я не наношу ударов в спину. Если бы я собирался убить тебя, я сделал бы это лицом к лицу. Мне было бы приятно посмотреть на выражение твоих глаз и на то, как кровь, булькая, вытекает из твоего рта, словно выблеванное вино.

Человек в плаще, казалось, зашатался от намеренно устрашающих слов киммерийца. Он откинулся назад капюшон, и Конан мог видеть блеск его глаз, застывших от ужаса. Он увидел также, что по лицу бандита проходит шрам, разделяющий пополам его бороду. Пленник издал звук, похожий на всхлипывание, и повернулся, весь дрожа. Конан на мгновение присел на корточки, чтобы вытереть клинок о тело другого бандита, который теперь упал и лежал неподвижно, не дыша. И еще Конан подобрал упавший меч нападавшего.

Он встал и сделал шаг. Человек в плаще услышал и заспешил торопливым шагом, но не бегом, впереди киммерийца к выходу из переулка.

В Пустыне Шадизара, куда не заходил никто из стражников, люди улетучились с улицы в тот же самый миг, когда появился перепуганный человек, за которым следовал другой, огромного роста, несущий в руках не один, а два обнаженных меча. Человек в плаще шагнул в круг света от масляного факела, пылающего в скобе над дверью, выкрашенной в красный цвет.

— Стань прямо здесь, — сказал Конан. — Дверь публичного дома — как раз подходящее для тебя место. Как твое имя?

— Явуз, — сказал бандит, наблюдая за тем, как гигант осматривает меч, острие которого так недавно потревожило складки его открытой спереди туники, но не его душевное равновесие.

— Мы вовсе не собирались тебя убивать, — добавил Явуз умоляющим тоном.

— Нет, — сказал Конан. — И вы знали меня. Вы ждали именно меня, а не просто любого прохожего. Вас послали за мной. Тот человек, что нанял вас, одолжил тебе этот меч, не правда ли? Я нужен был ему живым, да? Меня должны были ударить сзади, пока ты сделал так, чтобы я стоял тихо и смирно, словно вол, тупо встречающий молот мясника. Та веревка, которую держал твой приятель, предназначалась для того, чтобы меня связать.

Конан поднял взгляд. Глаза Явзу расширились еще больше.

— Клянусь Белом... откуда ты все это знаешь? Я был обманут?

— Ты обманулся только мыслью, что такая жалкая тварь, как ты, продажная душа, может меня схватить. Некий человек из Иранистана нанял тебя, чтобы ты доставил меня к нему, живого, но связанного, словно необъезженного жеребца... так, чтобы он мог мне задать несколько вопросов.

В глазах Явзу Конан прочел подтверждение своим словам.

— Во имя Митры — этот иранистанский пес послал нас за колдуном, да?

— Конечно, — улыбаясь, сказал Конан и взвесил на руке меч Явзу. — Этот клинок происходит с гор Ильбарса. Я видел один такой раньше в руке человека из Иранистана. А теперь — куда вы должны были доставить меня? Говори, или...

— Ты ведь не собираешься убить меня?

— Я не вижу для этого причин. А ты?

— Нет! Ни одной!

— Сними свой левый башмак.

— Мой... левый башмак?

— Да. Поторопись! У нас не вся ночь впереди. Я нетерпелив, а твой наниматель потеряет терпение прежде, чем мы с ним встретимся.

— А! Ты хочешь, чтобы я отвел тебя к нему, да?

Видя, что его жизнь продлится на время, необходимое для того, чтобы отвести предполагаемую добычу к чужестранцу, который его нанял, — и что может представиться возможность нырнуть в какой-нибудь переулок и дать деру,

— Явуз присел на корточки. Он торопливо развязал шнурки на одном из своих коротких мягких башмаков. Это меня не задержит, думал он; я покажу этому могучему, свирепому гиганту, как надо бегать, с босой ногой или обутому!

— Стань в дверях, — приказал Конан, пряча меч в ножны и перенося ильбарский клинок в правый кулак. Кулак этот выглядел достаточно большим, чтобы свалить быка.

Явуз повиновался. Конан присел и, не отрывая от него угрожающего взгляда, принял ощупывать плотно утоптанную землю, пока его пальцы не наткнулись на кость.

— А!

Кость, которую Конан нашупал на мостовой этого грубого и не признающего законов квартала Шадизара, была костью от ножки цыпленка, и он поднял ее. Ухмыляясь по-волчьи и абсолютно без всякого юмора уставившемуся на него Явузу, он бросил кость в башмак, потом поднялся и ногой подтолкнул короткий башмак его владельцу.

— Надень его. Завяжи шнурки. Явуз закусил губу, отчего его разделенная шрамом борода дернулась. Было видно, что он дрожит.

— Это... колдовство?

— Да. Попытайся только убежать, когда мы с тобой пойдем на встречу с твоим клиентом, и эта кость убьет тебя.

Явуз, трясясь, натянул башмак и завязал шнурки из сыромятной кожи. Потом он выпрямился, перенес тяжесть тела на эту ногу и вздрогнул от боли. И понял — ему не убежать.

— Ты видишь? Как я и сказал. Попытайся только скрыться, и кость замедлит твой бег, заставив тебя хромать, — а я убью тебя. Колдовство. А теперь отдай мне свой плащ, чтобы, когда я буду идти рядом с тобой, держа этот клинок в руке, никто не увидел его под плащом. Ты пойдешь рядом со мной, Явуз, а не впереди, как пленник. И не отставай.

— Но... моя туника порвана на спине. Конан продемонстрировал ему в ухмылке свои зубы и зловеще глянул холодными голубыми глазами из-под черных бровей.

— Прекрасно. Ночь не холодная, а ты, похоже, весь вспотел в таком плаще. Давай, снимай его!

Несколько минут спустя Конан надел длинный темно-коричневый плащ — предварительно сильно встряхнув его в надежде избавиться от всяких маленьких шестиногих обитателей, — и одеяние сразу стало казаться коротким. Край его заколыхался где-то выше его икр, когда он зашагал рядом с более низкорослым Явузом, который, однако, был совершенно обычного среднего роста. Ни один случайный наблюдатель не заметил бы, что плащ ни разу не отлетел в сторону от правого бока высокого юноши; он придерживал его там двумя пальцами, чтобы прикрыть длинный меч, который нес в руке.

— Мы направляемся к базару, — заметил Конан.

— Да, — прихрамывая, сказал Явуз. — Иранистанская собака устроилась в хорошей таверне, за границами Пустыни.

— Не называй его собакой, собака; ты на него работал! Покажи-ка свой кошелек.

Рука Явзуза машинальным защитным жестом схватилась за квадратный кошель, который он носил на поясе, на двойной бечеве; Явуз опасался воров.

На его руке сомкнулась ладонь Конана. Его глаза расширились, когда пальцы сжались сильнее. Очень быстро он почувствовал боль. Наемник чужестранца с далекого Востока знал, что в этой большой руке осталось еще много силы. Явуз одной рукой отвязал кошелек и передал его идущему по другую сторону Конану. Мощная, как тиски, хватка отпустила его руку. Явуз опустил глаза и увидел на коже четыре отчетливых белых отметины; у него на глазах они покраснели, когда кровь хлынула обратно в кисть руки. Кулак, достаточно большой, чтобы свалить быка, подумал Явуз. Как же, этот парень-переросток мог бы того быка задушить!

— О Митра, — пробормотал Явуз.

— Нет, Кром, — сказал Конан.

— Что?

— Я употребляю для ругательств имя Крома. Богов в Шадизаре было множество, и некоторые из них были непонятными, а другие — непристойными, а их обряды и того хуже.

— Ну, тогда Кром, — сказал Явуз и подумал про себя: «Кто такой Кром?»

— Хлам, — добавил Конан, роясь в кошельке своего пленника. — Хлам... неплохое колечко. Украдено так недавно, что у тебя не было времени продать его скупщикам, да? И несколько медных монет... а это что такое? Два золотых! Хо-хо, держу пари, они все еще теплы от руки иранистанца! Скоро я их верну. Ты ведь их не заработал. Держи; весь остальной этот хлам мне не нужен.

— Хлам!

— Да. Изумруд в этом латунном кольце настолько мал, что на вырученные с него деньги ты не сможешь прокормиться и двух дней.

— Латунном!

— Вытащи его снова и поиграй им, пока мы идем. Вот увидишь, когда мы дойдем до места назначения, твои пальцы позеленеют. Далеко еще?

Явуз снова привязал кошелек к поясу двойной бечевкой и не стал открывать его, чтобы «поиграть» кольцом.

— Нет... не очень далеко, — сказал он. — Ты, отдающий назад медные монеты и кольцо, о котором ты знаешь, что оно украдено... хорошо идти с человеком такого размера. Никто тебя не останавливает. Все отходят в сторону.

Конан ухмыльнулся.

— Тебе случайно не нужен наемный убийца, а? С ловкими руками, спокойный, умеющий держать язык за зубами?

— Вряд ли. Кроме того, ты калека.

— Я хожу так, потому что ты положил кость в мой башмак! Я в прекрасном состоянии, как золотая монета Турана!

— Что ж, сейчас ты в Заморе. Иди, Явуз. Я хочу поговорить с иранистанцем, а не с отмеченным шрамом хромым из выгребных ям Шадизара!

— Ты не собираешься убить меня, ведь правда, Конан?

— Возможно, и нет. Но я начинаю терять терпение. Несмотря на хромоту, Явуз

прибавил ходу. Они свернули на одну из улиц в квартале от базара, который отмечал начало более приличной части Шадизара. Двою одетых в форму солдат из городской стражи, неторопливо идущих им навстречу, взглянули на эту парочку, не прерывая своего негромкого разговора. Сказать, что Конан не любил подобных людей, было бы преуменьшением. Однако в эту ночь он совершенно определенно не собирался искать неприятностей с людьми, следящими за соблюдением законов Шадизара. Он сделал большую уступку, заскрипев при этом зубами, — ступил на середину улицы, чтобы позволить стражникам пройти ближе к домам. Они сделали это и пошли дальше.

На скрипучих старых цепях покачивалась вывеска; на ней была изображена голова рычащего льва. Голова и грива были выкрашены в алый цвет.

— Здесь, — сказал Явуз.

— Загляни внутрь. Посмотри: видно ли того, кто нам нужен.

Явуз на секунду взглянул за дверь и торопливо шагнул назад. При этом он наступил на кость в своем башмаке и сморщился от боли.

— Да. Он здесь. Сзади слева, рядом с бочонком, одет в зеленую каффию.

Пальцы Конана вновь стиснули руку Явуза, пока киммериец заглядывал в таверну.

— Угу,

— он обернулся. — Твой плащ будет висеть завтра утром на крючке сразу за дверью, Явуз. Тебе нужно будет только назвать свое имя хозяину.

— Но...

— Сейчас не холодно, а мне он понадобится, когда я пойду к столу этого шакала, — чтобы скрыть его клинок у меня в руке.

— Митра! — сказал Явуз и поправился: — Кром! Ты не собираешься просто войти и прирезать его?

— Сделаю я это или нет, тебя не касается, маленький Явуз, очень маленький Явуз. Ты свободен и жив. Я приказываю тебе исчезнуть отсюда и зарыться поглубже.

Явуз, получивший свободу и подобный приказ, не стал тратить время на удивленные взгляды или выражение благодарности за сохраненную жизнь. Он, хромая, поспешно скрылся.

Конан вошел в таверну под знаком Красного Льва.

2. ХАССЕК ИЗ ИРАНИСТАНА

Человек, сидящий в одиночестве в дальнем углу «Красного Льва», был довольно красив. Его усы и короткая, остроконечная бородка были черными, и почти такими же были его глаза. Он носил головной платок на восточный манер; зеленая ткань закрывала его макушку и спускалась с трех сторон на плечи. Шнур, сплетенный из перевитых по спирали полосок желтой и черной ткани, удерживал этот головной убор на месте. Рубашка с длинными рукавами была желтой, а широкие, свободные шаровары — красными; таким же был и пояс на талии. Широко расставленные глаза смотрели на Конана с узкого лица, на котором выделялись большой длинный нос и выступающая вперед челюсть.

Киммериец подошел прямо к его столу. Руки киммерийца вынырнули из-под темно-коричневого плаща Явзу и выложили перед сидящим две золотые монеты и трехфутовый «ножик», сделанный высоко в горах Ильберса.

— Эти золотые монеты я забрал у человека с бородой, разделенной шрамом. Их недостаточно, чтобы заплатить такому человеку, который мог бы меня схватить.

Левая рука его собеседника продолжала охватывать глиняную кружку цвета хны; пальцы правой лежали на виду на ближайшем к нему углу стола. Он глядел снизу вверх на очень молодого человека, возвышающегося над ним. Молодой или нет, но этот парень был опасен; это мог видеть каждый — каждый, кто знал, на что смотреть.

Он был необычайно высок и массивно сложен. Копна черных волос была ровно подстрижена на лбу над голубыми глазами. На нем была короткая туника из хорошей зеленой ткани, надетая на голое тело, и ее необычно глубокий треугольный вырез выставлял напоказ рельефные пласти мускулов на могучей груди. Меч и кинжал свисали со старого, изношенного кожаного пояса, низко опущенного на узкие бедра. На груди юноши на кожаном шнурке был подвешен племенной амулет — жалкое подобие «ювелирного изделия»: довольно длинная капля красно-коричневой глины, усыпанная кусочками желтоватого стекла, которые совершенно определенно не были самоцветами. Возможно, это было что-то имеющее отношение к его религии, какой бы она ни была, или талисман против болезни или дурного глаза. Помимо амулета, единственным украшением было красивое золотое колечко на мизинце левой руки. В него был вделан небольшой изумруд, и оно не было похоже на мужской перстень.

От этого юноши исходило ощущение, почти аура, едва сдерживаемой свирепости, постоянной готовности к насилию. Он заговорил снова:

— Некогда я знал другого человека из Иранистана. Мы встретились с ним в доме некоего человека, наделенного некоей силой. По чистой случайности мы оказались там в одно и то же время, как-то вечером. Вместе мы сражались со стражниками, которые не были... обычными людьми. Потом из панели в одной двери выползли две змеи: гадюки. Обе укусили человека из Иранистана. Он умер у меня на глазах, и я ничего не мог сделать, чтобы помочь ему.

Стоя рядом со столом, Конан снял плащ Явзу, наблюдая при этом за тем, как иранистанец прикидывает в уме, знает ли Конан о том, кто он такой, и выбирает, притворяться ему или нет. Когда иранистанец решился заговорить, его слова были сравнительно искренними, принимая во внимание, что каждый знал, кем был другой и почему оба находились здесь. И в то же самое время он сохранял некоторую осторожность:

— Его звали Юсуфар?

— Тебя интересуют разговоры? Даже несмотря на то, что я не связан?

— Может быть.

— Тогда подожди, пока я отдаю содержателю таверны этот плащ. Он принадлежит Явузу, которого я не убил.

Сидящий иранистанец слегка нахмурился.

— А другой...

— Он хотел ударить меня сзади. Я увернулся и ударил сам. Он не смог увернуться. Если бы я знал, что он хотел только захватить меня живым, я, может быть, не стал бы распарывать ему горло своим мечом.

Его собеседник кивнул:

— Глубоко?

— Он мертв, — сказал Конан и прошел среди столов к хозяину таверны.

— Этот плащ мне одолжили сегодня вечером, — сказал он этому большеглазому человеку, — одолжил один хороший друг. Его зовут Явуз, и у него на лице шрам, который разделяет бороду вот в этом месте, — Конан коснулся своего чисто выбритого лица. — Я сказал ему, что оставлю плащ вот на том крючке у самой двери.

— Он может исчезнуть, если ты сделаешь это сейчас — Я знаю Явзу. Лучше отдай плащ мне; я повешу его там, когда открою таверну утром.

— Хорошо. Мне бы очень не хотелось, чтобы он пропал. Как-то один человек попытался надуть моего друга Явзу, и теперь его зовут трехпалым. Я пойду сяду с иранистанцем. Принеси ему еще одну порцию, а мне — кружку твоего лучшего вина. Там на столе — золото.

Хозяин взглянул.

— Хм . А вот еще меч. Его придется убрать с глаз. И ты бы лучше мне отдал свой меч тоже, до тех пор, пока не соберешься уходить.

— Я уберу свой меч, чтобы его никто не видел. Я телохранитель этого богатого иранистанца, и не могу расставаться со своим оружием.

Не давая хозяину времени для ответа, Конан повернулся и снова подошел к столу. Не садясь, он сказал:

— Прислони свой нож-переросток к стене вон там, слева от тебя.

Улыбка почти совеем исчезла с лица иранистанца, когда он выполнил это; юноша заметил, что иранистанец левша и не сможет быстро выхватить меч, прислоненный к стене с этой стороны. Конан сел лицом к нему.

— Звали ли его Юсуфаром, того, другого человека из Иранистана, которого ты случайно встретил в доме некоего человека, обладающего некоей силой?

— Мы оба знаем, что нет, — сказал Конан. — Его звали Аджиндар. Он сказал мне, что поблизости находится еще один человек из его страны, шпионящий за ним. У Аджиндара был такой же клинок, как тот, что я отобрал у двоих наемников — похитителей, не убийц. Один из них мертв, а другой, наверно, все еще бежит. Ты сохранил свое оружие и свое золото, и я здесь. Почему ты хотел, чтобы меня привели к тебе?

Левая рука иранистанца отпустила кубок и нырнула под стол.

— Оставь кинжал в покое, — посоветовал Конан. — Я проткну тебя своим раньше, чем ты успеешь как следует схватиться за рукоять.

Покачивающая бедрами молодая женщина, одежда которой состояла из двух

украшенных бусинками кусков алой ткани, сшитых зеленою ниткой, появилась рядом с Конаном и поставила на стол вино для обоих. Ни один из мужчин не взглянул на нее. Она отошла с поджатыми губами, отмечая, насколько эта пара казалась поглощенной друг другом. Она повидала всяких.

— Ты — Конан, киммериец.

— Да. Ты из Иранистана, очень, очень далеко отсюда. Ты проследил мой путь сюда от Аренджуна. Как твое имя?

— Вас, киммерийцев, называют варварами. Как же получилось, что ты приходишь и спрашиваешь мое имя, а не ждешь за дверью, чтобы убить меня, когда я буду выходить?

— Мы, киммерийцы, еще и любопытны, и умеем уступать своим капризам. И, кстати, если бы мы в Киммерии слышали об Иранистане, мы бы называли варварами вас, потому что вы не киммерийцы.

Иранистанец усмехнулся и откинулся назад.

— Меня зовут Хассек. Аджиндар действительно умер так, как ты сказал?

Пристально глядя прямо в глаза Хассеку, Конан сказал:

— Да.

— Ты знаешь... Чтоб меня Кром побрал, если я тебе не верю!

— Кром! Ты клянешься мрачным Владыкой Могильного Кургана? Хассек улыбнулся.

— Я узнал о Киммерии все, что смог.

— И обо мне. Разыскивая меня. Готовясь допросить меня.

— Да, Конан. Я даже заключил бы с тобой сделку. Вы с Аджиндаром оба искали некий... трофей. Я считаю, что он у тебя.

— Естественно, я не знаю, о чем ты говоришь, — Конан сделал глоток вина. — Кстати, платишь ты. Эта штуковина, которую ты ищешь, имеет какую-то ценность там, в Иранистане?

— Ты знаешь, что это так, Конан.

— Почему?

Группа людей, сидящих в углу зала, наискосок от них, разразилась громким смехом. Хассек долго смотрел на Конана, потом наклонился вперед и со стуком опустил оба локтя на стол.

— Я думаю, — произнес он, — что я скажу тебе.

— Назови тот трофей, о котором ты упоминал, — мягко сказал Конан. — Драгоценный камень?

— Несколько, — ответил Хассек. — Они образуют амулет гораздо, гораздо большей ценности, чем твое кольцо и этот кусок глины со стекляшками у тебя на шее, Конан. Если бы амулет, называемый Глазом Эрлика, оказался в руках моего хана, ты бы мог носить на шее украшение из золота, усыпанное рубинами... если только ты не предпочитаешь изумруды.

— Глаз бога?!

— Это только название амулета.

— Возможно, один или два желтых камня? Зная, что Конан высказывает не просто случайную догадку, Хассек только кивнул.

Конан вертел в руках кружку с вином.

— Действительно, ценный амулет. И он даст мне другой, столь же ценный, твой хан.

— Более ценный для тебя. Послушай, Конан-киммериец. Этот амулет очень важен для хана Замбулы. Ты, возможно, знаешь об этом. Замбула лежит между Шадизаром и

Иранистаном. Ты бывал там?

Конан потряс головой.

— Я всего лишь юноша из горной страны, — непринужденно сказал он.

— Который носит тунику, сделанную, как мне кажется, в Хаурене.

— Ты действительно многое узнал, Хассек. Нет, я не был в Замбуле, и еще около месяца назад я даже не слышал об Иранистане. Ты говоришь, что он лежит за Замбулой? Это очень далеко.

— По-моему, ты знаешь, где он' лежит. Иранистан не собирается воевать с Замбулой или причинять вред ее правителю, сатрапу Могущественного Турана. Однако если мой хан завладеет Глазом Эрлика, он сможет заключить гораздо более выгодное торговое соглашение с Замбулой. Это наша цель.

— Возможно, — сказал Конан. — Поскольку ты думал, что амулет находится в руках одного мага, и поскольку Аджиндар искал его там... Возможно, это чародейская вещь; вещь, которая поможет твоему правителю мучить или убить достойного хана Замбулы на расстоянии.

— Конан, это не чародейская вещь, — так же, как хан Замбулы вовсе не достойный человек. Однако если бы даже это было и так.... тебя это волнует? Говорю тебе, тебя ждет богатая награда, если ты поможешь мне передать Глаз Эрлика в руки моего хана.

— Через два месяца!

— У тебя есть срочное дело в Шадизаре, Конан?

— Ты прав, — сказал киммериец и пожал плечами. — Здоровье сатрапа Замбулы волнует меня не больше, чем торговые соглашения Иранистана. Или то, кому принадлежит некий амулет. Глаз! — он покачал головой. — А что, у Эрлика не хватает одного глаза?

Хассек кивнул.

— А теперь давай предположим, что он у тебя или что ты знаешь, где его можно найти. Если мы оба вернемся с ним в Иранистан, нас обоих ждет награда. У тебя есть какие-нибудь другие идеи?

— Иранистан так далеко, — сказал Конан, продолжая подразнивать Хассека.

— Это правда. Я прошел такой долгий путь не для того, чтобы вернуться без амулета, и я не вернусь без него. Что держит тебя здесь? Я знаю, что в Аренджуне тебя... все еще ищут.

— Ехать так далеко с человеком, который заплатил двум другим, чтобы они оглушили меня дубиной и схватили только для того, чтобы он мог поговорить со мной? Без сомнения, ты собирался, если понадобится, пытать меня, чтобы узнать об этом Глазе. Глаз!

— Не стану этого отрицать. Откуда мне было знать, что ты окажешься разумным человеком? Я думал, что ты убил Аджиндара.

— А теперь ты так не думаешь?

— У меня такое чувство, что ты сказал мне правду-об этом, — со значением добавил иранистанец. Конан весело хмыкнул.

— Я сказал ее. Итак, после того, как ты уверился бы, что я ничего не знаю об этой штуке, которую ты ищешь, ты бы убил меня.

— Это я отрицаю. Как только я узнал бы, где ты спрятал Глаз Эрлика, я забрал бы его и со всей возможной скоростью отправился бы в Иранистан. Я не видел необходимости убивать тебя — если, конечно, я не был бы вынужден. Это не в наших обычаях, Конан, и не в моих привычках. Поедем со мной теперь, и я буду чувствовать то же самое. Единственная моя забота — отдать этот амулет в руки моего нанимателя.

Хотя у Конана действительно был Глаз Эрлика, ради которого ему пришлось пойти на очень, очень большие жертвы, он подумал теперь, что, без сомнения, было нечто такое, чего он еще не знал обо всем этом деле. Например, станет ли человек называть своего правителя «мой наниматель»?

— Этот амулет более важен для моего правителя, чем моя жизнь, Конан, — сказал Хассек, глядя прямо в глаза киммерийцу. — Если бы я знал, что ты везешь его хану, я был бы счастлив. Если я буду знать, что ты этого не сделаешь, мне придется сразиться с тобой.

— Тогда мне лучше убить тебя здесь и сейчас.

— Убить меня теперь было бы очень глупо. Четыре человека из городской стражи только что вошли в таверну. А вот уйти отсюда могло бы быть мудрым решением.

Только у стражников Аренджуна могли быть причины схватить его — живым или мертвым, размышлял Конан. А здесь, в Шадизаре... что ж, лучше бы ему было не покидать относительной безопасности Пустыни, которая была шадизарским эквивалентом аренджунской Свалки.

— Почему? — спросил он с абсолютно невинным лицом. — Иностранец здесь ты. Мне нечего бояться местных стражников.

— С ними королевский драгун, и они кого-то ищут.

— Я, вне всякого сомнения, не ссорился с королем Заморы!

— Хм-м. Если только он не получил жалобу из Аренджуна. Я слышал, что там ты ранил двоих и опозорил еще одного — в Верхнем городе! — некоего бывшего сержанта стражи. Я рад, что ты не боишься тех друзей, которых он может иметь в Шадизаре, или жалоб, которые повелитель Аренджуна может прислать королю, потому что эти пятеро сейчас направляются сюда.

— В Аренджуне был еще и убит один человек, — сказал Конан. — Я нанес раны — а ответственность за убийство лежит на Аджиндаре...

— У одного из них арбалет. Хм». Конан... может быть, и правда, что я иностранец, а ты, конечно же, девятыи футов ростом и с твоими голубыми глазами можешь сойти за уроженца Заморы... но стрела арбалета нацелена на тебя.

— Черт.

Хассек изумленно уставился на него.

— Ты... Аджиндар говорил это точно так же!

— Я знаю. Что еще можно сказать? Я пришел сюда, такой важный и самодовольный, чтобы припереть тебя к стенке. Я забыл одну важную заморанскую поговорку: «Когда хочешь войти, подумай сначала, как ты сможешь снова выйти». Надо всегда придерживаться правила: «Никогда не сиди спиной к двери!» Что это за шарканье?

— Большинство завсегдатаев торопится к выходу.

Вот они идут, люди короля впереди. Кстати, в Иранистане мудрецы говорят: «Когда ты хочешь куда-то войти, проверь, есть ли там вторая дверь».

— Разумно, — Конан начал подниматься.

— Не двигайся, киммериец! Ты не сможешь увернуться от стрелы арбалета, нацеленной тебе в спину, и три меча уже покинули ножны.

Говорящий обошел Конана кругом и встал, усмехаясь, лицом к нему, с той стороны, где сидел Хассек. Он был невысок и худощав, хотя его лицо выказывало некоторые признаки роскошной жизни. Его глянцевые каштаново-черные волосы были аккуратно подстрижены челкой и слегка завивались вниз на лбу. Большой золотой медальон на груди поверх

расшитой золотом голубой туники — шелковой, как заметил Конан, — был украшен гербом короля Заморы, пьяницы, во всем подчинявшегося одному колдуну из Аренджуна. «Этот ублюдок должен быть мне благодарен за то, что я избавил его от Яры», — угрюмо подумал Конан. Представитель короля улыбнулся, и его идеально подстриженные темные усики слегка дернулись. Конан заметил у него во рту блеск золота. Искусственные зубы, Кром его побери, — а ведь парню едва исполнилось тридцать!

— Конан из Киммерии, с недавних пор проживающий в Аренджуне: именем короля, ты — мой пленник. Пойдешь ли ты спокойно?

Конан смотрел на него во все глаза. Красивые, хорошего качества синие штаны: начищенные, туго обтягивающие ногу черные сапоги. Изящный, искусно выделанный пояс, поддерживающий ножны, из которых торчала украшенная драгоценными камнями рукоять кинжала и эфес меча с навершьем, изображающим львиную голову, и сделанным, вне всякого сомнения, из серебра.

Конан взглянул на Хассека. Тот сидел рядом с возвышающимся над ним представителем короля и с потрясенным видом смотрел на Конана. Киммериец оглянулся вокруг. Он увидел почти опустевшую таверну ну-и форменные мундиры. Мечи — обнажены. Да, и еще арбалетчик, который медленно придвигался, наставив острие своей грозной маленькой стрелы на Конана.

— Ты хочешь сказать... ты хочешь сказать, что этот человек — преступник?! — воскликнул Хассек, — О!

Королевский драгун взглянул на него сверху вниз, предварительно приподняв брови.

— Ты разве не его друг?

— Едва ли! Я здесь по делам королевы Кофа.

— Коф! Ты похож на одного из этих... у тебя такая внешность, словно ты родился далеко на Востоке, а не на Западе!

Хассек тяжело вздохнул.

— Это правда. Моя мать была рабыней из Аграпура.

— Аграпур! — снова изумился разнаряженный королевский агент.

— Да, — Хассек печально вздохнул. — В юности она была похищена странствующим торговцем оружием из Кофа. Ну, он и забрал ее с собой туда. И боги так пожелали, что к тому времени, как они добрались до Кофа, он обнаружил, что любит ее. Родился я. Он дал мне образование. Теперь — что ж, теперь я здесь и представляю саму королеву! А что касается этого вот парня — он показался мне чистоплотным, и когда он так смело вошел в эту хорошую таверну, — ведь это хорошая таверна, не так ли, мой господин?

Польщенный заморанец улыбнулся:

— Да. В Шадизаре есть и получше — но есть и намного хуже. Представитель королевы, ты сказал?

— Э-э... господин Ферхад... — начал один из стражников.

Драгун дернул головой и уставился на провинившегося испепеляющим взглядом.

— Потом! Не смей мешать человеку, исполняющему повеление короля!

— В общем, он предложил мне то кольцо, которое ты видишь у него на руке, сказав, что оно принадлежало его матери, — сказал Хассек.

Конан в это время гадал, к чему была вся эта хитроумная байка и куда она должна была их всех завести.

— И бросил на стол эти золотые монеты, чтобы показать, что он не нищий,

— продолжал Хассек. — Он дал мне этот странный меч в знак своих честных намерений и сказал, что ему нужны еще два золотых, чтобы добраться до Немедии...

Как и следовало ожидать, господин Ферхад воскликнул:

— Немедия!

— Так он сказал. И теперь... теперь, о господин... возможно ли, чтобы этот человек пытался продать краденый товар мне, мне — личному поставщику украшений и косметических принадлежностей для королевы?

— Вполне возможно, — сказал Ферхад. — Этот тип — отчаянный и не признающий законов человек. На нем лежит вина за немалую долю злодейств там, в Аренджуне, — и он осмеливается бежать сюда, в саму столицу, и искать здесь убежища!

Ферхад снова устремил львиный взгляд на Конана; он стоял, выпрямившись во весь рост, с высоко задранным подбородком, смотрел поверх своего внушительного носа и чувствовал себя гораздо более внушительным теперь, когда у него была такая изысканная аудитория, состоящая, правда, из одного человека: личного поставщика украшений и косметических принадлежностей для королевы Кофа!

— Вмешиваться в дела людей из городской стражи в любом месте нашего королевства — значит нанести оскорбление королю, варвар! А теперь поднимайся медленно, и пошли отсюда — в некие апартаменты, которые, боюсь, тебе понравятся не так сильно, как эта прекрасная таверна, где ты пытался ввести в заблуждение высокопоставленного чужеземного гостя!

— Да, — ворчливо сказал Хассек, — и забери с собой этот ужасный меч!

Он полуобернулся и поднял огромный ильбарский нож. Мгновение спустя он стоял за спиной Ферхада, держа его правой рукой поперек груди, а левой смуглой кистью прижимая кинжал к его горлу.

— Никому не двигаться! Господин Ферхад, отдай приказ, чтобы все мечи и этот арбалет были сложены вон на том столе справа от тебя!

— Ч... чт... ты не можешь... отпусти ме... а! Осторожно с этим кинжалом, приятель!

— Да, он наточен, как бритва, потому что у меня нежная кожа, и я им бреюсь каждый день. Приказывай, Ферхад!

Ферхад отдал приказ. Арбалетчик указал на то, что его оружие взведено и представляет опасность. Хассек посоветовал ему выпустить стрелу в стену, под самый потолок, и Ферхад подтвердил приказ. Вскоре стрела, тренькнув, вонзилась в цель и осталась там, высоко над полом, лишь слегка подрагивая, — как сувенир для хозяина «Красного Льва».

— Конан, — сказал Хассек, — убеди нашего хозяина показать свой подвал.

— Подвал! — эхом проскурил Ферхад, и его адамово яблоко дернулось рядом с холодным клинком Хассекова ножа. Пытаясь не сглатывать слону, Ферхад выпрямился и застыл, как солдат-новобранец, не произнося больше ни слова.

3. ПРОЩАЙ, ШАДИЗАР

Имраз, большеглазый хозяин «Красного Льва», поднял квадратную крышку люка в полу своей кладовой. Четверо солдат из городской стражи Шадизара один за другим, ворча, спустились в темноту. Каждый из них бросил последний мрачный взгляд на громадного варвара, который стоял над ними и ухмылялся лишь самую малость; он опирался на меч — меч их сержанта.

— Мой дорогой господин Ферхад, — сказал Хассек. — Я чрезвычайно огорчен, но не вижу другого выхода из этого положения, кроме как просить тебя присоединиться к солдатам внизу.

— Внизу!

— Постарайся увидеть в этом хорошую сторону, — сказал Конан. — Может быть, наш хозяин Имраз держит там свои лучшие вина.

— Скорее, гнилую репу, паутину и плесень, — сдавленно сказал Ферхад, поскольку говорить как-то иначе с откинутой назад головой он не мог. — Почему бы вам не связать меня и не оставить тут, наверху? Сидеть взаперти в темноте с этими простыми солдатами...

— ...которые, без сомнения, знают множество занимательных историй, способных тебя развлечь, мой дорогой господин, — Хассек освободил своего пленника, осторожно вытащив при этом его красивый меч. — Спускайся, и я желаю тебе доброго-доброго вечера.

— Я тоже, — сказал Конан и, когда причудливо разодетый щеголь неуверенно поставил ногу на верхнюю из семи старых деревянных ступенек, ведущих вниз, в пахнущую землей темноту, ловко выдернул сверкающий самоцветами кинжал Ферхада из его ножен.

— Вы оба очень, очень об этом пожалеете, — пообещал Ферхад, спускаясь.

— Ну что ж, приезжай в Британию, и мы поговорим об этом, — любезно отозвался Хассек.

— Британия!

Хассек пинком закрыл люк.

— На замок не закрывается, ведь так? — пробормотал он и, подняв взгляд, увидел, что владелец «Красного Льва» медленно пятится назад.

Конан сделал четыре быстрых шага.

— Нет-нет, Имраз, не надо убегать сейчас. Иди, будь другом, помоги нам передвинуть этот большой, заполненный доверху бочонок на крышку люка!

Слегка покряхтев, трое мужчин перетащили и уста новили бочку на место. Конан глянул в открытую дверь кладовой и увидел несколько лиц, заинтересованно глазеющих на них от входа в таверну.

— Эй! — крикнул он. — Подай-ка мне этот арбалет!

Лица исчезли, и Хассек легко пробежал через всю таверну, захлопнул дверь и запер ее на засов. Когда он вернулся обратно, его брови были нахмурены.

— До меня только сейчас дошло... Имраз! Где эта твоя служанка? Хозяин заморгал.

— А что... я не знаю...

— Черт! Выскользнула через заднюю дверь, чтобы привести еще более бравых солдат — на этот раз из личной гвардии короля, я в этом почти не сомневаюсь. Конан...

— Мы заберем все эти мечи и кинжалы, а также арбалет, — сказал Конан. — Его мы возьмем с собой, — он кивнул на хозяина таверны. — Мы выйдем через заднюю дверь, а

потом побежим!

— Сомневаюсь, что Имраз сможет в одиночку откатить эту огромную бочку с люка, — сказал Хассек, подхватывая арбалет.

— Нет, но он может открыть переднюю дверь и впустить остальных, чтобы они помогли ему!

— Да, это верно. По-моему, я перестал мыслить четко. Если бы только ты принес обратно веревку, что я дал тем двум типам вместе с золотом и моей маленькой колючкой! Идем, Имраз, — тебе придется проводить нас немногого.

Пока на лице хозяина таверны отражалась глубокая неохота, а его большие скорбные глаза становились еще больше, Хассек развязал кошель и вытащил еще пять золотых монет.

— Две монеты все еще лежат на столе, а вина мы выпили не больше, чем на несколько медяшек. Вот, возьми это. Подумай, насколько это забавно — увидеть, как расправляются с таким напыщенным фатом, как Ферхад; и еще подумай обо всех тех клиентах, которых привлечет эта замечательная история о возмездии, постигшем королевского драгуна! О, посетители будут слетаться, как мухи. Идем же.

Имраз молча пошел за ними. Конан побросал пять мечей и четыре кинжала в небольшой пустой бочонок, пока владелец этой бочки-малютки с еще большей расторопностью прятал свои пять золотых. Имраз вывел их через дверь в переулок, который сильно отличался от переулков Пустыни, и они заторопились прочь, шагая бок о бок, как три друга.

— Направо, сюда, — пропыхтел Конан, обеими руками обнимая свой бочонок; и они повернули направо; на следующем перекрестке он пробормотал: «Налево».

— Ты слегка похож на деревенщина с этим своим арсеналом в бочонке, — заметил Хассек. — Ты думаешь, нам это действительно понадобится?

— Оружия не бывает слишком много, — заверил его Конан и продолжал идти, выгнув спину и выпятив вперед живот под тяжестью бочонка, прижимая его к себе, словно медведь. Содержимое бочонка дребезжало и позвякивало.

После очередного поворота они распрощались со своим бывшим хозяином и заторопились дальше, а Имраз повернул обратно.

— Что это ты сказал насчет Британии? — спросил Конан.

— Я назвал ему несколько мест...

— Я заметил!

— ...ни одно из которых не является нашей целью, — терпеливо закончил Хассек. — Пусть он гадает. Кто сможет узнать иранистана по внешности? Мы идем в одно и то же место, Конан, ведь так?

— Мы неподходящая пара, — заметил Конан.

— Трио: не забудь свой бочонок с клинками. Но это не так, не так. Мы оба — очень умные парни, которые попытались бы убить всех этих пятерых типов, если бы я не оказался еще умнее, и если бы с Ферхадом не удалось так легко справиться; и мы оба знаем это. Конан... тебе не пришло в голову также, что за то время, что ты таскаешься с этим бочонком, я вполне мог бы воткнуть в тебя парочку кинжалов?

— Мы все больше углубляемся в Пустыню, Хассек. Допусти, что за нами наблюдают, хоть ты и не видишь никого. У меня здесь есть друзья. Меня они не считают чужестранцем.

— Хм-м. А у тебя случайно нет нескольких верблюдов, а?

— Ненавижу этих животных. У меня есть целых четыре лошади. Верблюдов нет. Почему бы тебе не понести некоторое время этот бочонок?

— Нет, спасибо.

Конан неохотно поставил свою ношу наземь, а потом перевернул ее. Он отделил украшенный драгоценностями кинжал Ферхада и засунул его себе за пояс. Три хороших удара мечом одного из стражников по рукояти меча Ферхада испортили хороший клинок и оставили на ладони у киммерийца изящную серебряную львиную голову. Он, улыбаясь, подбросил ее в воздух и снова поймал.

— Ну, как ты думаешь, это похоже на верблюда?

— Возможно, она всего лишь посеребренная, — сказал Хассек.

Конан нахмурился.

— Этот подонок! Вечно мне везет — не хватало только, чтобы самоцветы на этом кинжале оказались фальшивыми! А кстати, как насчет тебя — разве у тебя нет лошади или верблюдов? Ты приехал издалека.

— У меня есть кое-какая хорошая одежда, — сказал Хассек со скорбным вздохом, — несколько смен; и красивое кольцо, и две лошади — большую часть пути сюда я шел с караваном. И еще у меня в комнате, в таверне — в «Красном Льве», не забудь, — осталось двадцать золотых монет Замбулы.

— Двадцать! — киммериец изумленно уставился на него, и его рот и глаза начали соревноваться друг с другом в том, что откроется шире. — Митра, Кром и Бел, приятель, — почему же ты не слетал наверх и не забрал их прежде, чем мы покинули таверну?

Лицо Хассека стало еще более печальным. — Я вроде как забыл о них. Боюсь, что теперь они достались казне Заморы.

— Зрачки Ишгар! — горевал Конан. — Двадцать золотых монет!

— Посмотри на это с другой стороны, Конан: я спас тебя от заточения и, без сомнения, от чего-нибудь гораздо худшего.

— Нам все еще грозит и то, и другое, — глухо прорычал Конан, — если мы не уберемся из этого города — и этого королевства.

Они стояли в одиночестве на погруженной во тьму улице; у ног их лежал перевернутый бочонок и беспорядочно разбросанное оружие. Темные глаза Хассека вглядывались в угрюмые голубые глаза варвара.

— Мы? — спросил Хассек.

Конан повернулся и зашагал прочь; Хассек пристроился к нему сбоку.

— Черт, — спокойно, задумчиво сказал Конан. — Аджиндар был хорошим человеком, он сразу мне понравился. Он был предан своему хану и своей миссии до такой степени, что готов был ради них рисковать жизнью: он пытался убить меня даже после того, как увидел мое искусство и мою силу! И после того, как я только что спас его шкуру. Немного вероломен, но все ради своего правителя. Теперь ты тоже рисковал своей жизнью, чтобы помочь мне, Хассек из Ирани стана... потому, конечно, что ты не знаешь, где находится этот амулет. Все для твоего хана! Мне бы хотелось встретиться с ханом, внушившим такую преданность двум таким хорошим людям.

— Он тоже будет заинтересован в том, чтобы встретиться с тобой, мой друг с кулаками размером с окорок! Что ж, хорошо. Двое таких людей, как мы, без сомнения, смогут выбраться из Шадизара, даже если все трое ворот будут охраняться. Давай займемся этим.

Они углублялись все дальше в Пустыню Шадизара.

— Э-э... Конан. Амулет у тебя? Конан усмехнулся.

— Я знаю, где он. Я закопал его между Шадизаром и Замбулой, в пустыне.

— Черт, — сказал Хассек и убрал руку с рукояти кинжала. * * * Несколько часов спустя трое стражников, охраняющих шадизарские Врата Черного Трона, наблюдали за приближением верховой пары. Женщина и ее юный сын сидели на двух красивых лошадях и вели в поводу двух других, тяжело нагруженных. Она придержала лошадь и уставилась сверху вниз на человека в мундире, стоящего у колеса, — оно поворачивало канат и тяжелую цепь, которые поднимали огромный засов, перекрывающий обе створки ворот.

— Ну, открывай. Нет смысла сторожить с этой стороны. Я хочу выйти, а не войти.

— Дорогая моя, — произнес чей-то голос, и она посмотрела вверх, на еще один мундир. Его владелец выглядел сверху из узкого стрельчатого дверного проема дозорной башни. — Я человек чувствительный и впечатлительный, и стал бы плохо спать, если бы не предостерег тебя от того, чтобы покидать город в такой час.

— Спасибо. Ты добрый человек. Мы едем. Это святая миссия.

— Паломничество?

— Да. Мы с сыном служим храму Святого Хосатры Хела, Восстановленного в Правах и Дважды Признанного, Владыки Всего Сущего, Отца Митры, Иштар и Бела.

— Занятой и, без сомнения, достойный уважения бог, дорогая моя, но... конечно же, благоразумный человек подождал бы по крайней мере до рассвета. Может быть, тогда вы сможете присоединиться к другим таким же благочестивым паломникам, а возможно, даже к каравану, который обеспечил бы вам наилучшую защиту. Здесь вы находитесь в лоне столицы могущественной Заморы. Там, за стенами...

Он умолк, показав жестом, что вне Врат Черного Трона, в Шадизаре, нет ничего, кроме опасностей и трудов.

Облаченная в плащ женщина, которую вряд ли можно было назвать плохо сложенной, решительно сказала:

— Я боюсь внешнего мира, и даже пустыни, гораздо меньше, чем этого города воров, и мучителей женщин, и порочных, порочных культов, посвященных богам, о которых никто никогда не слышал и не хочет слышать! Пропусти нас, прошу тебя. Мы покидаем этот город.

— Хотел бы я иметь власть удержать тебя от столь чреватого опасностями шага, — сказал начальник стражи ворот.

— Что ж, я ценю это. Но у тебя ее нет, и я уезжаю, и мой сын со мной, и у меня уже затекает шея от того, что я гляжу на тебя снизу вверх. Если ты не собираешься открыть ворота, то будь так добр, скажи мне, куда я могу обратиться с жалобой.

— До рассвета осталось лишь немногим более двух склянок...

Женщина вспыхнула:

— Что я должна сделать или сказать, чтобы выйти отсюда?

Человек в башне вздохнул:

— Открой ворота.

Стражник закряхтел, цепь лязгнула и засов поднялся. Ворота заскрипели. Решительная женщина, ее молчаливый сын и четыре лошади выехали из Шадизара. Она не стала подгонять лошадь и даже не встряхнула поводом. Все лошади тяжелым, размеренным шагом ушли прочь, в темноту. Начальник стражи облокотился на узкий подоконник дозорного окна своей башни и следил взглядом за женщиной, пока она не слилась в единое целое с темной ночью на восходе луны. Наконец он выпрямился, тряхнул головой, обернулся и крикнул вниз:

— Они не собираются возвращаться. Закрывай ворота.

Ни он, ни его люди и не подозревали, что в это самое время два человека взобрались на

восточную стену на значительном расстоянии от их ворот, спрыгнули с нее наружу и торопливо углубились в ночь.

Несколько часов спустя, сразу после рассвета, та же самая женщина и ее сын вернулись в Шадизар. Хотя на них не было ни царапины, их лошади и груз исчезли без следа; даже плаща на женщине, и того не было. Имя, которое она назвала, оказалось вымышленным, и позже никому не захотелось прочесывать Пустыню, чтобы разыскать ее. Не знал покачивающий головой страж ворот, пропустивший ее внутрь, и того, что она была верной подругой некоего огромного горца-северянина, которого в эту минуту усердно разыскивали по всему городу, и что этим утром она была значительно богаче, чем накануне днем.

Прочь от Шадизара, имея под собой и ведя в поводу тех же самых четырех лошадей, двигались киммериец Конан и Хассек из Иранистана.

— Прекрасно удавшаяся хитрость и встреча, Конан, — сказал Хассек.

— О, Хафиза хорошая женщина и хорошая подруга, Хассек. А после того, как ты добавил этот симпатичный мешочек с жемчугом к серебряному эфесу Ферхада, она вдвойне была рада помочь.

— Втройне, — сказал Хассек. — После этого она оказалась в гораздо более выгодном положении.

— Да, и подверглась риску, чтобы заработать свою награду. Твой наниматель, Хассек, снабдил тебя всем необходимым в дорогу. Все эти деньги, которые ты потратил, и двадцать золотых, которые ты оставил в «Красном Льве», и этот жемчуг... мы все еще богаты?

— Мы — нет, мой друг. Я провел здесь больше месяца, разыскивая тебя в Аренджуне и Шадизаре, и мы будем бедны или еще того хуже к тому времени, как достигнем Иранистана. Но как только мы окажемся там...

— Хм-м . Как только мы окажемся там, — проворчал Конан. — Да.

«И что я делаю, — раздумывал он, — направляясь таким манером в путь, который продлится месяцы? А, ладно... почему бы и нет? Это большой мир, и, как я говорил Хашгрису в Хаурене... мне еще многое нужно в нем повидать, прежде чем я осяду на одном месте!»

4. ЧУДОВИЩА

Твой меч готов, мой господин. Хан усмехнулся своему волшебнику, но только после того, как скосил взгляд на меч в манере, присущей скорее торговцу, в чью лавку только что забрел какой-то деревенский олух с толстым кошельком, или крестьянскому ребенку, разглядывающему накрытый для пиршества стол короля.

— Готов, — пробормотал он, этот сатрап Империи Турана, правивший Замбулой от имени могучего Илдиза, восседающего на резном троне. Он боялся за свою жизнь, этот хан Замбулы, и за трон, который мог и не перейти к его сыну Джангирю; и он был прав. Он был уверен в том, что люди организуют заговоры. Он не сомневался в том, что где-то существует Глаз Эрлика.

— Да, — сказал Зафра. — Если не считать того, что, как я уже сказал, его необходимо омочить в крови, чтобы завершить заклятие.

Он глянул вниз, потому что и правитель, и маг не подумали о том, что они были одни в мрачной полукруглой галерее, нависающей над еще более мрачной подземной темницей.

— Можно пожалеть, что мы не... сберегли одного из иранистанских шпионов.

Слегка склонив голову на сторону, хан взглянул на более стройного, более молодого человека поверх внушительного костистого гребня своего орлиного носа. Уголки его рта подергивались; это был чувственный рот. Внезапно хан резко и решительно кивнул головой.

— Да, — пробормотал он сам себе, и его отделанный красным, расшитый золотом плащ из тонкого, как паутина, шелка взметнулся и затрепетал, чуть шурша, когда он быстро повернулся к двери.

С этой стороны, стороны узников, дверь представляла собой массивный лист железа толщиной в палец девушки и достаточно тяжелый, чтобы заставить пошатнуться даже слона из укрытых ночью южных земель. И ее темная поверхность не ожидалась никаким признаком ручки или замка. Сжав левую руку в кулак, правитель Замбулы ударил по железной плите и отступил в сторону. Дверь издала глухой звук и не подалась ни на дюйм, а Актер-хан несколько раз сжал и разжал левую кисть.

Дверь отворилась внутрь. Старший из двух охранников вопросительно взглянул на хана.

— Девушка, которую эти шанки подарили мне две недели назад, Фаруз: приведи ее сюда.

— Мой господин, — Фаруз все же колебался.

— Ты знаешь ту девицу, о которой я говорю, Фаруз?

— Да, мой господин. Я... я должен привести ее как пленницу, мой господин?

— Нет, нет, Фаруз. Скажи ей, что ее господин и хозяин хочет сделать ей подарок. Но приведи ее сюда сейчас же!

— Мой господин!

Солдат отрывисто, по-военному кивнул головой в знак готовности выполнить приказ, отступил на минимально требуемые два шага и, резко повернувшись, заторопился прочь по вымощенному яркими плитками, хорошо освещенному коридору, маскировавшему вход во второе по омерзительности место проклятых владений хана, самым омерзительным из которых был Переулок Захватчиков — позор даже для проклятой Замбулы, — построенный стигийцами и населенный мулатами с разным цветом кожи, которыми управляли гиркане.

Актер-хан снова повернулся к Зафре и почти улыбнулся; по крайней мере казалось, что

он доволен собой.

— Маленькая дрянь! Этот суматошный пес Ахимен-хан, вождь тех жирноголовых кочевников пустыни, привел ее мне как дар и подношение, очаровательное двенадцатилетнее дитя, совершенно нетронутое и сложенное, как сама чувственная стигийская Деркето!

Зафра кивнул. Он видел ту девушку, чье имя хан немедленно отбросил и называл ее вместо этого Деркетари, в честь любящей наслаждения богини Стигии. Ее формы и большие темные глаза могли бы пробудить вожделение даже у статуи, видит Хануман... видит Деркето!

— И она вела себя так, словно боялась и ненавидела всех мужчин, эта обманчиво сложенная, проклятая маленькая змея! Она и сжималась в комок, и вскрикивала, когда ее привели в мою потайную комнату — в ту же самую ночь! Какая честь для глупой, недоразвитой дочери бархан, у матери которой, без сомнения, выросли усы к тому времени, как ей исполнилось восемнадцать. Она...

Хан не стал продолжать.

Он не рассказал бы молодому магу Зафре или кому бы то ни было другому, как, столкнувшись с ее испугом, ее хныканьем, и мольбами, и выкриками, он, привыкший к готовым угоджать, даже активно идущим навстречу женщинам, которые гордились и почитали за честь, что их призвал к себе сам хан, — он опозорил себя и не смог проявить свою мужественность. Актер-хану хотелось ее избить, схватить двумя руками ее прелестную шею и задушить ее!

Вместо этого он отослал от себя рыдающую девушку, а она была слишком глупа, чтобы чувствовать себя опозоренной. Он призвал к себе свою аргоссианку Чиа. Ее он назвал Тигрицей, и с ней он проявил себя мужчиной и ханом. Наутро он приказал своей Тигрице подготовить и обучить девушку-шанки

— глупого ребенка! И в течение целой недели она казалась счастливой и была прекрасной — прекрасной. Гибкая, как бескостная змейка, она отличалась в танцах, которым эти дважды проклятые кочевники начинали учить своих девочек, едва тем исполнялось три года. Она была воплощением соблазна и носила выданные ей одежды, радующие глаз мужчины, так, словно она в них родилась, будто она была влюблена в них; она покачивала бедрами; казалось, что доставить удовольствие мужчине было ее единственным желанием. И все же Актер-хан заставил себя ждать целую неделю, а потом еще один день, чтобы обострить свой аппетит. Потом онrazil ей честь разделить с ним как нельзя более интимный ужин и был с ней добр и мягок. Даже заботлив, как с невовкостью вспоминал он теперь. А затем... как только он возбудился, и его глаза сказали ей о его чувствах и совершенно нормальном намерении, она снова стала испуганно закрывающимся, хныкающим, умоляющим и даже вскрикивающим ребенком.

Но даже тогда он не отправил ее назад к отцу с позором. Но, видит Тарим и сам Владыка Черного Трона... сколько же человек может вынести?

«Человек? Хан, клянусь камнями Ханумана!»

Хан и маг ждали в молчании; каждый был занят своими мыслями, и только одного интересовали мысли другого. Между ними лежал меч; меч Актер-хана, с рукоятью, украшенной драгоценными камнями, и, хоть этого и не было видно, с выгравированными на черенке рунами. Внизу, в темнице, распластавшись, лежали два иранистанца, коченеющие в смерти. Меч Зафры торчал из груди одного из них и не дрожал, но стоял над ним подобно часовому смерти.

Актер-хан обеими руками стащил через голову серебряную цепь, поддерживающую на его груди большое, окаймленное жемчугом кольцо; в него был вставлен многогранный рубин значительных размеров, окруженный в виде шестиконечной звезды двенадцатью ярко-желтыми топазами.

— Отнеси вниз это и мой меч, — приказал он магу, который так недавно был подмастерьем и которому не исполнилось еще и тридцати лет. — Воткни меч в землю. Это не повредит заклятию?

— Нет, мой господин.

— Тогда повесь это, — сказал Актер, коротко кивнув, — на его гарду и принеси наверх второй меч.

Зафра, не задавая вопросов, взял меч и медальон. Он подхватил левую полу своей мантии, спустился, переступив через труп убитого вторым иранистанца, и остановился, не дойдя одного шага до другого трупа. С первой попытки ему не удалось закрепить клинок сатрапа в полу, образованном плотно утрамбованной черной землей, так долго цементировавшейся человеческой кровью. При второй попытке он использовал обе руки, и меч остался стоять. Маг повесил цепь и медальон своего повелителя на поперечную перекладину, и они красиво обвили ее и засверкали, покачиваясь в воздухе и с легким звоном ударяясь о клинок, — желтое золото на серебристой стали.

Обе руки и некоторые усилия потребовались, чтобы выдернуть другой меч из тела его жертвы, настолько глубоко засело это беспощадное оружие. Зафра помедлил, чтобы нагнуться и заботливо вытереть клинок о длинные черные волосы мертвого человека. Они были грязными, но удалили кровь и заодно смазали клинок жиром. Позже кто-нибудь из слуг займется им как следует.

Молодой маг поднялся по ступенькам. Приближаясь к площадке, которая справа расширялась и переходила в полукруглую галерею, он заметил, что в дверях появилась девушка. За ее спиной даже из невыгодного положения, в котором находился Зафра, можно было целиком видеть некрасивое, увенчанное шлемом лицо Фаруза, — настолько маленькой была эта прекрасная дева двенадцати лет.

Актер-хан повернулся, услышав, как у нее перехватило дыхание.

— А, — сказал он. — Мой прелестный цветок пустыни! Входи же, очаровательная Деркетари, и посмотри, что я подготовил для тебя.

Он протянул руку к ее руке.

Красавицы в двенадцать и ошеломляющие красавицы в тринадцать — так говорили о дочерях песков; и матери в пятнадцать, и ошеломляющие уродливые старухи в двадцать и пять. А этой девушке было двенадцать.

Зафра не мог не глядеть на нее во все глаза. Он впитывал в себя и массу сверкающих черных волос, перевитых жемчугом, так что они казались ночным небом, окропленным звездами; и нежное овальное лицо и подобный луку стрелка-всадника рот, накрашенный блестящей темно-красной помадой; и прекрасные, огромные круглые глаза — словно глядящие в колодец ночью, через мгновение после восхода луны. И, по крайней мере, с нее сняли эти просторные темно-красные одежды, которые носят шанкийские женщины!

Ее нагрудные чашечки были из золота, и с каждой свисали тоненькие золотые цепочки, так что подвешенные на них самоцветы танцевали перед ней в воздухе и мягко ударялись о ее плоский живот при малейшем движении. Ее пояс, спущенный гораздо ниже пупка, состоял всего лишь из трех полосок парчи, сплетенных в шнурок, который был не толще ее мизинца.

С него, мерцая, спадал вниз на длину руки кусок белоснежной кисеи, нашитой бледно-голубыми нитками на белый шелк; это подобие юбки в ширину не превышало длины ее ладони. Ткань была подрублена на высоте ее лодыжек, а полоска сзади была лишь чуть короче. Парчовые ленты, перекрещиваясь, поднимались по ее прелестным ножкам от мягких маленьких башмачков, доходящих ей до щиколотки и сшитых из красного фетра, украшенного жемчугом, и завязывались под самыми коленями этого очаровательного ребенка.

Она могла бы, размышлял Зафра, быть одной из тех нежных юных девственниц, чьей кровью были написаны заклинания на определенном сорте пергамента, сделанном из змеиной кожи; заклинания, которые Зафра прочитал и запечатлел в памяти без ведома своего учителя.

На двенадцатилетнем подарке шанки было только два украшения: племенное ритуальное кольцо, укращенное гранатами и сделанное из верблюжьего волоса, переплетенного с одним локоном из ее собственных кос; и маленькая серебряная подвеска, укращенная опалами, с которой ее доставили к сатрапу. Достаточно изящная серебряная цепочка удерживала подвеску в центре легкой выпуклости грудей девушки.

Она смотрела широко раскрытыми глазами мимо Зафры — на два распростертых внизу тела. Казалось, она не замечала, что ее господин взял ее руку в свою волосатую длань.

Поднявшись на площадку, Зафра вложил свой собственный меч в руку Фаруза, чтобы убрать его за пределы темницы. Потом он отступил и словно слился со стеной у верхней ступени лестницы.

— М— мой господин! В такое место?.. Эти люди! — голос девушки шанки дрожал, как и она сама.

— Возрадуйся! — приказал ей хан. — Они иранистанцы, шпионы, засланные к нам королем, все помыслы которого направлены на завоевание! Однако один из них был провидцем и сделал благоприятное предсказание: что от тебя вскоре родится прекрасный мальчик, который, став взрослым, будет править не только Замбулой, но и всей величественной Империей Турана!

Она взглянула на него черными глазами, обведенными черной краской. Ее рука продолжала лежать в его руке, и она раздумывала, словно зачарованная его словами, покорная их власти. За ее спиной Фаруз тихо прикрыл огромную дверь, обшитую снаружи деревом.

— Внизу стоял мой же собственный меч, символ моего могущества. Я был так переполнен радостью, что снял с себя свой медальон из золота, и жемчуга, и топазов, с рубином величиной с голубиное яйцо, который носила на груди моя мать; этот медальон я повесил там. И в эту минуту шпионы бросились на меня, и моим верным стражам пришлось убить их. Это были люди, которые привели тебя сюда, — ибо я положил руку на эфес и дал обет: та, что принесет мне Замбульский Драгоценный Камень, будет первой среди всех женщин Замбулы и окружающих ее земель, чтобы был подготовлен путь к восшествию на престол плода ее чресел.

Пока хан так разглагольствовал, взгляд этих огромных темных девичьих глаз покинул его лицо и был теперь устремлен на мерцающий медальон, который свисал, словно трофей, ожидающий победителя, с укращенной драгоценными камнями рукоятью стоящего внизу меча.

— П-поща... мой господин... я... я не могу спуститься туда!

— Но Деркетари... лотос пустыни, обожженной поцелуями солнца, ты должна! Неужели пророчество мертвца должно будет оказаться напрасным? Неужели гордые шанки

— обитатели шатров — не будут возвышены над всеми остальными и осыпаны милостями великого будущего правителя, в чьих жилах будет течь кровь шанки?

Девочка посмотрела вниз, на свисающий с меча медальон. Потом снова взглянула на стоящего рядом с ней человека с орлиным носом. Теперь он придержал свой медоточивый язык. Она еще раз поглядела на оба трупа и опять на медальон. Он висел, молчаливо подзывая ее к себе переливами драгоценных камней, вспыхивающих и сверкающих в мерцании дымного огня факелов. Она обвела языком полную нижнюю губку.

Она слышала. Она слышала каждое слово. Хан и маг знали, что она думала о своих бедных, живущих в пустыне соплеменниках, которым не успевало исполниться четыре десятка лет, как их лица и руки уже покрывались морщинами от солнца; о гордости и надеждах своего отца — и, вне всякого сомнения, о ярости, вызванной позором, если бы он узнал, что она лишила его и его народ, а заодно и себя, великой славы и высокой чести из-за детских страхов; всего-навсего темница. Всего-навсего два мертвых человека, к тому же недавно умерших. Среди людей пустыни не было таких, кто не видел бы хоть одного покойника задолго до того, как им исполнялось двенадцать лет. Большинство по меньшей мере раз в жизни видело трупы в самом ужасном состоянии: раздувшиеся под солнцем, усиженные мухами и расклеванные падальщиками.

— Уф, — пробормотала себе под нос девочка, которую звали не Деркетари,
— я видела мертвецов и раньше. Уф!

И Актер, усмехаясь, взглянул на нее поверх своего выгнутого, как у падальщика, носа. Он отпустил ее руку в тот момент, когда почувствовал, что она начинает вытягивать ее, и вытер ладонь о свою многоцветную мантию, потому что ее ладошка была мокрой от пота.

Почти королевским движением она чуть согнула колени и подхватила одной рукой обе полы своей «юбки», протянув полоску белой ткани назад между ногами. Она медленно начала спускаться. На каждом шагу ее пути вниз было заметно, как она заставляет себя держаться твердо.

Глаза хана встретились со взглядом мага поверх площадки лестницы. Хан заговорил спокойным, тихим голосом:

— Твое заклятье нужно завершить, не так ли? Девочка продолжала спускаться, не оглядываясь назад. Лестница насчитывала двадцать и пять каменных плит-ступеней; девочка поставила обутую в фетровый башмачок ножку на девятнадцатую.

— Да, мой господин.

Актер взглянул вниз на дар шанки. Она поставила левую ногу на двадцать первую ступеньку.

— Тогда заверши его, волшебник, и моя жизнь будет вдвое счастливой, а для тебя... хочешь ли ты принять у себя этой ночью настоящую тигрицу, За фра? Тигрицу из Аргоса, чьи когти спрятаны в шелковые ножны?

Внизу обе ступни девушки стояли на двадцать четвертой ступеньке, потому что она остановилась здесь в нерешительности, пытаясь как-то обойти, а не перешагнуть обнаженный труп человека, который, хотя она того и не знала, был почти невероятно мужественным и отчаянным.

— Да, мой добный господин, — сказал Зафра, и его глаза, казалось, блеснули, когда он посмотрел вниз, на спину девушки, а потом на украшенный медальоном меч, стоящий над полом темницы, словно памятник двум жестоко убитым людям.

«Трем», — подумал Зафра и сказал очень тихо, едва шевеля губами:

— Убей его.

Земля и вода, огонь и воздух умастили меч в то время, как над ним произносились древние слова. Золото соскользнуло со стали, когда меч Актер-хана высвободился из земляного пола. Не колеблясь, он повернулся в воздухе и, словно стрела, выпущенная мускулистой рукой искусного лучника, устремился к маленькой дочери пустыни.

Она, как и следовало ожидать, взглянула на него, когда услышала звон металла о металл, — так же, как Актер-хан взглянул на Зафру, когда услышал местоимение, которое употребил молодой маг. Ее горло сжалось от трепетного ужаса; горло хана — нет.

— Его? — спросил он.

— Даже волшебный меч не различает рода, мой повелитель. К тому же те, против кого мой господин вскоре применит его, почти наверняка будут мужчинами.

Внизу зарождающийся крик девочки прервался страшным всхлипом, когда заколдованный меч доказал, что не разбирается ни в родах, ни в местоимениях. Он погрузился между ее золотыми нагрудными чашечками — и чуть слева от центра.

Хан сделал глубокий долгий вдох через ноздри, а потом шумно выпустил воздух через рот.

— Да, подумать только, что она умерла девственницей, — сказал он, словно произнося надгробную речь, — к ради такого великого дела! Но ее народ об этом не узнает, потому что только через месяц мы с печалью пошлем им известие, что она умерла от лихорадки, которая также чуть не унесла жизнь ее возлюбленного господина... — хан кашлянул, — ...и была похоронена с почестями и скорбью на Кладбище Королей; без сомнения, нося во чреве сына королевского происхождения, которого забрала с собой... в ад!

Даже Зафра нервно сглотнул.

Еще так недавно подмастерье волшебниц, посвятивший себя изучению омерзительных чар, происходящих из старинной Книги Скелоса и дурно пахнущих томов Сабатеи, украшенных золотым павлином и написанных отравленными чернилами;зывающий к Сету, и мрачному Эрлику, и даже к Детям Йила, которым поклонялись пикты и о которых эти дикии знали меньше, чем он... и недавно убивший своего хозяина; всем этим был Зафра, и еще чем-то большим, ибо грезил о власти и об обширном будущем царстве, где ему будут подчиняться ханы, а он не будет называть «господином» никого из людей... и все же он нервно сглотнул — при звуках неприкрытой злобы в ядовитых словах его хозяина, а может, и при виде убийства красоты и невинности.

«Злодей, — думал Зафра. — Так люди будут называть меня в грядущем — и никто не будет знать, что некогда я служил величайшему злодею, живущему на земле с тех пор, как три тысячи лет назад в Хоршемише умер Тугра Хотан!»

Актер-хан, отомстивший за свое мужское достоинство, монотонно продолжал тем же неумолимым голосом:

— Этот меч будет висеть на новых золотых крюках на стене за моим троном, Зафра, и мне придется сдерживаться, чтобы время от времени не подвергать его испытанию. А ты, о гений, впредь будешь именоваться Волшебником Замбулы, советником хана, будешь жить во вторых по значению покоях дворца, и служить тебе будут любой из моих собственных слуг по твоему выбору и девушка, которую я выберу лично. И... сегодня ночью... тебя посетит Тигрица!

— Мой господин, — с внезапной маслянистостью в голосе сказал Зафра, — чрезвычайно щедр.

Хан взглянул на него, и его глаза над носом, похожим на орлиный клюв, были блестящими, как у орла.

— Недостаточно щедр, Зафра, Волшебник Замбулы. Недостаточно — пока ты служишь мне.

Зафра поклонился одним из своих едва обозначенных поклонов.

— Я твой преданный слуга. Хан Замбулы!

— Хорошо. Теперь принеси мне мой замечательный новый меч! Потом пойди в город и найми двух головорезов за золотую монету, пообещав им еще три — каждому — за час работы. Пусть эту девку разденут, изуродуют и вынесут отсюда в кожаных мешках — нескольких. Мешки пусть оставят в Переулке Захватчиков. После того как дело будет сделано, эти двое должны будут вернуться к тебе, сюда, за дополнительно обещанными монетами.

Хан какое-то мгновение пристально смотрел на мага, потом добавил:

— Твои новые покои будут примыкать к тронному залу, Зафра.

Раздетая, изуродованная до неузнаваемости, — а потом разрубленная на куски, словно туша! Зафра едва смог удержаться, чтобы снова не слогнуть подступившую к горлу тошноту, — ибо в эту минуту хан смотрел на него.

— Мой господин — я понял. И их наградой будет не золото, а сталь?

— Возможно, они отметят дело кружкой вина, щедро сдобренного пряностями.

— Я понял, мой господин. У меня есть такие пряности.

— Никто, кроме нас с тобой, не будет знать, что произошло здесь. Волшебник Замбулы, потому что сейчас, когда я буду уходить, я заберу охранников с собой. Ты последуешь за нами через некоторое время; им дадут понять, что ты сам проводишь в ее комнаты ту дрянь, которую я оскорбил именем трижды чувственной Деркето! Потом, маг, отправляйся в свои старые покои, пока для тебя готовят новые, и смотри, принеси мне известия о Глазе Эрлика прежде, чем я сяду за ужин!

Зафра кивнул и спустился, чтобы вырвать обремененный заклятием клинок из сердца девушки.

5. ПОВЕСТЬ О ДВУХ ВОЛШЕБНИКАХ

Сначала Конан и Хассек скакали прямо на восток, чтобы как можно скорее пересечь границу Заморы. Они обсудили возможность продолжить путь в этом направлении и пересечь таким образом степи и узкую полоску земли, которая и была собственно Тураном; так они могли бы достичь берега и сесть на корабль, идущий на юг по морю Вилайет. Мудро или нет, но они решили отказаться от этого плана. Путешествие на юг посуху обещало быть долгим и нелегким. И все же оно было несколько более надежным, чем путь по морю.

Итак, едва покинув Замору, они сориентировались во солнцу и повернули к югу. Они не стали приближаться к восточной границе Хаурана, маленького южного соседа Заморы, а направили своих лошадей на юг, через степи. Взгляды путников постоянно блуждали по сторонам, ибо в этой земле жили кочевники, а среди них были такие, которые постоянно совершали набеги и очень по-собственнически относились к своим территориям в этих холмистых степях.

— Конан... — начал Хассек, слегка покачиваясь в седле крупной чалой лошади, которую он называл Железноголовый. — Однажды ночью Аджиндар отправился грабить дом Хисарр Зула, и надо же тебе было, к несчастью, выбрать ту же самую ночь. Аджиндар так и не появился больше, живым, я имею в виду; его тело было найдено несколько дней спустя в сухом русле реки за пределами Аренджуна. Он и в самом деле умер от укусов змей. Только мне пришло в голову, что он был укушен не тогда, когда бродил по этому сухому руслу. Примерно в то же самое время некто Конан, киммериец, исчез из Аренджуна. Теперь, почти два месяца спустя, я нашел тебя в Шадизаре. А что касается Хисарр Зула... несколько недель назад его дом сгорел. Это была твоя работа?

— Я расскажу тебе эту историю, — сказал Конан. — Я был вором в Аренджуне. Я ничего не знал о Хисарр Зуле. Я совершил пару удачных краж и жил в таверне в верхнем городе — где мне было не место. Теперь мне кажется, что все это было так давно! Столько всего случилось с той ночи, когда это началось; каким юным кажется тот Конан! Девушка, которую я обхаживал в той таверне в Аренджуне, как оказалось, была любовницей префекта стражи, — ну, вообще-то говоря, помощника префекта, — и он был очень ревнив. Он ворвался в таверну со своими людьми и, уверяю тебя, очень старался меня спровоцировать. Некто Кагуль. Наконец я услышал скрежет его меча — на него самого я не обращал внимания, — и начал действовать. Их было четверо. Кагулю слегка досталось, и паре других тоже. И вот тогда какой-то человек, которого я не знал, убил одного из них и помог мне бежать, потому что услышал, что приближаются еще несколько стражников. Это был Аджиндар. Я вылез через окно и оттуда на крыши; мы, киммерийцы, неплохо умеем лазать поверху.

— Ты был ранен?

— Ни царапины.

— Вы, киммерийцы, умеете не только лазать поверху.

— Угу. И вот так, случайно, я услышал, как двое агентов разговаривали в одной из верхних комнат таверны; агентов хана Замбулы. Карамек и Испарана — женщина, и какая женщина! — планировали ограбить некоего волшебника. Хисарр Зула. Когда я услышал их разговор о том, какую ценность для Актер-хана имеет нечто, называемое Глазом Эрлика, и о том, что оно находится у Хисарр Зула. я остановился послушать. Узнав, что они собираются

ворваться в дом мага через две ночи, я покинул эту крышу — обещая себе, что проберусь туда следующей ночью и перехвачу у них добычу.

На следующий день я все разведал и составил план. В ту ночь я без особых трудностей проник в замок Зула. Там я нашел Аджиндару, который сражался с кошмарными созданиями Хисарр Зула — колдун украл у них самые их души и заключил в зеркала, которые затем разбил. Это были тупые, пустоглазые твари, созданные волей волшебника; глупые сторожевые псы с мечами. Я узнал Аджиндару; он помог мне предыдущей ночью. Было бы умнее оставить его отвлекать этих «людей», пока я искал амулет, но... я спас его. Мы очень мило разрезали несколько этих существ на куски и, я думаю, оказали им этим большую услугу! Когда мы с Аджиндаром назвали друг другу свои имена и он обнаружил, что я тоже охочусь за Глазом, он, к моему потрясению, напал на меня без всякого предупреждения. Если бы он не поскользнулся в крови одного из этих мертвых бездушных чудищ, он поразил бы меня первым же своим внезапным ударом! Мы только что разговаривали; мы спасли друг другу жизнь, и мы были друзьями, кровными братьями!

Конан потряс головой и некоторое время ехал с угрюмым лицом, в задумчивом молчании.

— Он поскользнулся, как я уже сказал, и налетел на дверь. От толчка в ней открылось потайное отделение, и оттуда в тот же миг выскользнули две гадюки. За какие-то секунды они укусили его несколько раз — в лицо.

Хассек спросил:

— Это все?

— Нет, это не все. Он уже раз пытался убить меня. Теперь, хотя он узнал, что должен умереть через несколько минут, он сделал еще одну попытку: он швырнул в меня этих проклятых гадюк! К тому времени я уже выхватил меч, и удар моего клинка разрубил их обеих в воздухе. Потом мне оставалось только наблюдать за тем, как Аджиндар распухает на глазах, и чернеет, и умирает. Он немного рассказал мне о Глазе, пытаясь завербовать меня для завершения своей миссии: отвезти амулет в Иранистан. И умер. Хассек, я был опечален вдвойне. Этот человек мне нравился, я уважал его способности и его понятие о чести. А он пытался убить меня без предупреждения, внезапным ударом. И теперь умер не достойной, а глупой и отвратительной смертью.

— Аджиндар заслуживал лучшего, — сказал Хассек.

— Я пошел искать Глаз. Двое замбулийцев проникли в эту комнату раньше, чем я. Он был у нее — Испараны. Какая женщина эта Испарана! Карамек, ее напарник, вступил со мной в бой, а она бросилась бежать, и к тому времени, как я разделся с ним, она успела выскочить в дверь и запереть ее перед моим носом.

— К этому времени, — задумчиво сказал Хассек, — были мертвы и несколько бездушных приспешников Хисарра, и Аджиндар, и Карамек. Все, так или иначе, от твоей руки или из-за тебя.

— Да, — равнодушно отозвался Конан. — Я отскочил от этой двери и бросился к окну — и попал в ловушку, которую Хисарр устроил для тех, кто мог влезть через это окно! Я оказался там зажат в железных челюстях. Я сломал меч и несколько ногтей, пытаясь освободиться, но не смог этого сделать. Мне оставалось только ждать, когда придет Хисарр. И он пришел, торжествующий, злорадный, и сказал мне, что я должен буду отобрать Глаз у Испараны и отдать ему:

Уф! Я согласился бы плясать целую неделю или слетать в Кхитай и принести ему

дракона и бороду императора впридачу — лишь бы выбраться из его крепости и не попасть в тюрьму. Но он был слишком хитер для этого. С помощью какого-то порошка он лишил меня сознания. Когда я 'очнулся, оказалось, что он... забрал мою душу! Он показал ее мне — маленького меня в зеркале. Если зеркало разобьется, сказал он, я навсегда останусь без души — как те, бывшие некогда людьми, что служили ему. После этого я согласился и отправился за Испараной — ради Хисарр Зула.

Хассек услышал скрежет и, взглянув на Конана, увидел, что тот так сжал зубы, что его челюсть побелела.

— Ты... ты забрал свою душу обратно, Конан?

— Да. Она была возвращена мне меньше двух недель назад королевой Хаурана.

— Хаурана! Значит, ты был там, пока я обыскивал Шадизар? Но почему ты вернулся, если у тебя есть такой друг в Хауране?

— Она умерла, — сказал Конан и снова некоторое время ехал в молчании.

— Я спас ее и Хауран от чародейского заговора, целью которого было отдать их во власть Кофа, — пробормотал он наконец, — и, делая это, я... обрек ее на смерть.

Хассек ничего не сказал и продолжал ехать вперед. Ну и приключения были у этого юноши-северянина! В центр каких заговоров он попадал или влезал сам

— и выпутывался из них, проливая кровь! Аджиндар был мертв, Карамек был мертв. И королева Хаурана... и, без сомнения, некоторые другие участники этого «чародейского заговора», о котором так коротко упомянул киммериец. Хассек знал, что и Хисарр Зул был мертв Ему хотелось бы знать насчет этой Испараны...

— Продолжай, Конан. Итак, ты отправился за Испараной.

— Да. Один, в пустыню, с одной-единственной лошадью. Я был глупцом, и мне везло. У первого же оазиса, где я остановился, на меня напади двое людей.

— И это было везением?

— Да... таким образом я заполучил их лошадей и их припасы. Иначе пустыня, несомненно, убила бы глупого мальчишку из Киммерии.

— О, — спокойно сказал Хассек, — а эти двое...

— Мертвые.

— Конечно.

И пусть кто-нибудь другой попытается назвать тебя «мальчишкой»! Хассек оглянулся и увидел, что его спутник внимательноглядывается в него.

— Не смотри на меня так пристально, Конан. Ты же знаешь, у тебя действительно есть склонность оставлять за собой кровавый след.

— Кром, бог Киммерии, — сказал Конан, глядя прямо перед собой, — в момент рождения киммерийца вдыхает в его душу способность сражаться и убивать. После этого он нас не замечает. Мы — мужчины.

— Ты... сражаешься — и убиваешь.

— Да.

Конан помолчал немного, пока лошади мерно шагали вперед, потом сказал:

— Я редко ищу неприятностей, Хассек. Они выслеживают меня, преследуют меня, разыскивают меня.

Он выпрямился в седле, и Хассек, оглянувшись через плечо, смог с расстояния в несколько футов, разделявшего их лошадей, насладиться видом того, как раздувается эта могучая грудь.

— Я не бегу от них, — сказал Конан, обращаясь ко всему миру.

— Мудрецы в моей стране говорят, что «нужно идти по той дороге, которая ждет», — сказал Хассек. — Это хороший совет. Храбрый и в то же время разумный человек вряд ли станет делать что-либо иное. Ты догнал Испарану?

— Да, в конце концов, — безрадостно отозвался Кован и больше ничего не говорил на протяжении многих миль.

Хассек позволил своему более молодому товарищу погрузиться в размышления. Степная трава попадалась все реже и реже. Они приближались к великой пустыне. Если ехать по ней прямо на юг, то там, у самой границы песков, вздымались к небу стены, и башни, и купола дворцов Замбулы. К югу и востоку от Замбулы, у подножия цепи могучих гор, распластался Иранистан. Он был очень, очень далеко. Хассек спрашивал себя: куда заведет их дорога, которая ждала, теперь, когда они пошли по ней? Он подумал, что, возможно, Конан размышлял о том же самом.

— Глубоко в сердце пустыни, — внезапно начал Конан, и Хассек физически вздрогнул при звуках этого голоса, раздавшегося слева от него, — я встретил нескольких солдат из Самары. Это были неплохие ребята, которые без особого интереса выслеживали парочку воров, направлявшихся на север. Ворами оказались те двое, которые пытались ограбить и меня. У меня с собой была большая' часть их добычи и их лошади — с верблюдами я справиться не смог.

— А кто может? — с улыбкой спросил Хассек.

— О , теперь я могу! Во всяком случае, эти добрые парни тоже оставили мне несколько вещей из добычи тех, кого они преследовали. И отправились своей дорогой, предупредив меня, чтобы я держался подальше от некоего перевала.

— Ущелье Песчаного Чудовища!

— Вот именно. К несчастью, я заметил Испарану в нескольких милях впереди и знал, что этот перевал позволит мне подобраться к ней гораздо ближе, чем если бы я поднялся верхом на один из тех проклятых Драконовых Холмов, и спустился с него, и повторил бы то же самое снова и снова. Я выбрал Ущелье Песчаного Чудовища.

— И остался в живых!

— И остался в ,живых, Хассек. Оно напало на меня. С ним было невозможно сражаться, и мои лошади унеслись обратно, туда, откуда мы пришли. Сами пески поднялись мне навстречу. Они образовали что-то вроде смутно похожей на человеческую фигуру, которая постоянно перемещалась вместе с кружасшимся в вихре песком, — и она схватила меня. Я был беспомощен, как ребенок; я задыхался. Я услышал голос, ее голос — она требовала сказать ей, не был я Хисарр Зулом! Этот голос каким-то образом разговаривал внутри моего мозга, и я каким-то образом ответил ей. «Нет, — сказал я чудовищу, — я хочу убить Хисарр Зула, потому что это могу сделать только я один». Конан взглянул на своего спутника:

— Это небольшое преувеличение, поставщик благовоний для королевы Кофа. Хассек без улыбки кивнул.

— Значит, мы оба умеем лгать, — задумчиво пробормотал он, спрашивая себя, сумел бы он сохранить присутствие духа, чтобы солгать какому-то песчаному демону, если бы тот в эту минуту усердно пытался задушить его!

После этого песчаное чудовище отпустило его, продолжал Конан, и рассказало ему свою историю: оно было безглазым духом умершего здесь десять лет назад брата Хисарр Зула, и за все эти годы оно сумело подчинить своей воле сами пески. И так оно убивало всех, кто

пытался пройти через перевал. Слепо разыскивая своего убийцу, Хисарра, оно нападало на всех путешественников и расправлялось с ними. Похожий на лощину перевал был усеян костями, клочками одежды и оружием. В течение многих лет по этому долгому кратчайшему пути через сводящие с ума Драконовы Холмы шли только глупцы или те, кто ничего не ведал о стонущем песчаном кошмаре, который обитал здесь.

Хисарр и его брат — это был Тосия Зул, Песчаное Чудовище — много лет изучали древние науки, тайные знания давно умерших волшебников. Они познали секреты, не известные больше никому из тех, кто живет среди людей: демоническое учение о бесформенных кошмарах, таящихся вокруг холмов этого мира и в самой черноте между мирами, в темных пещерах, куда не ступает нога человека, и даже в вечно перемещающихся пустынях, превращенных палящим солнцем в вечность. Хисарр и его брат искали власти. В своем доме в Замбуле они затевали всякие мерзости; и хан узнал об этом и послал людей схватить их. Они бежали, прихватив с собой мешки всякого добра, но оставив свои познания, — так думал Тосия Зул. Он даже рискнул своей жизнью, чтобы вернуться и спасти Хисарра. Они бежали, оставив позади бесценные сокровища древних знаний. Они бежали в ночь, как псы, — богатые псы!

Хисарр солгал своему брату. В Драконовых Холмах Тосия обнаружил, что Хисарр прихватил с собой некоторые из старинных рукописей. Они поссорились. Ночью Хисарр убил своего брата и выжег ему глаза раскаленными добела монетами, чтобы он не смог увидеть дорогу в следующий мир. А сам продолжил путь в Аренджун.

— Там он усовершенствовал способы похищения людских душ, как я узнал к своему смятению, — хуже, чем смятению! Понимаешь, он хотел использовать это, чтобы подчинить своей власти некоторых чиновников, и таким образом вскоре овладеть всем городом. А потом и страной — и все это путем угрозы душам, находящимся в его власти. После этого...

— Конан пожал плечами. — Еще одна страна, я думаю, и потом, возможно, другая. В течение десяти лет Песчаное Чудовище, которое было Тосия Зулом, испытывало мучения и убивало всех, кто пытался пройти мимо него. Шакалы сожрали его плоть, и, хоть он и был мертвым, он знал это — и чувствовал! Чудовище оплакивало десятилетие, которое оно провело в муках — мертвое и в то же время не мертвое, — и даже само заявило, что я должен пронять: оно не может больше быть в своем разуме! О, я-то очень хорошо это понимал!

— Ты стоял и разговаривал вот так... с песком? Ты видел этого мертвого волшебника?

— Я видел все время меняющий свою форму столб песка. Голос говорил внутри моей головы. Он рассказал мне, как я могу заполучить обратно свою собственную душу: я должен был помешать разбить зеркало, ибо это обрекло бы меня навеки. И, однако, я должен был сделать так, чтобы оно было разбито — человеком, носящим корону. Чудовище сказали, что у всех, кто правит, есть сила; сила, которую они сами не сознают. Однако сначала я должен был захватить обратно зеркало. Потому что, видишь ли, у меня почти не было сомнений в том, что стоит мне привезти Хисарр Зулу амулет, и он сразу же проявит все свое вероломство. Я не верил, что он вернет мою душу и отпустит меня на свободу. Песчаное Чудовище рассказало мне, как я смогу освободить тех бездушных тварей, созданных его братом.

Киммериец начал описывать жуткие средства, которые должны были дать покой этим нелюдям, и Хассек, взглянув на него, увидел, что его профиль превращается в суровый лик каменной статуи какого-то мрачного бога, и тут же понял, что Конан совершил это: необходимо было отрубить голову волшебнику, набить череп, и уши, и ноздри землей, а

потом сжечь эту голову всю без остатка.

— А-а. И замок Хискар Зула сгорел вместе со всем содержимым. Это была твоя работа, Конан?

— Да, — сказала статуя с прищуренными глазами. — Пламя распространилось от его головы, после того, как сама кость превратилась в известь и пепел.

— Но как тебе удалось одолеть его?

— Дух Тосии рассказал мне о нескольких способах сделать это, и все, кроме одного, были слишком ужасными, чтобы их можно было принимать в расчет. Я...

— Расскажи мне, — попросил иранистанец, руки которого покрылись мурашками, — о тех нескольких средствах, которые даже для тебя были слишком ужасными, чтобы их можно было использовать против такого ужасного человека, как Хискарр Зул!

— Я помню их, — безжизненным голосом сказал Конан. — Я никогда их не забуду. Как сказало мне чудовище, после смерти своего брата оно наконец смогло бы получить свободу от этой жизни-после-смерти, смогло бы покинуть ущелье и отправиться... туда, куда отправляются подобные злые души после смерти. Оно сказали мне, что я должен сделать, и я спросил, есть ли еще способ, а потом еще. И хотя оно каждый раз впадало в ярость, я напоминал ему, что я для него — средство добить свободу, уничтожить Хисарр Зула.

И Конан спокойно, монотонным голосом перечислил эти способы.

Хисарр Зула можно было убить, удавив его волосом девственницы, погибшей от бронзового оружия и ставшей женщиной после смерти и после того, как волос был удален. Конан сказал, что когда он услышал это, его чуть не вырвало, — так же, как сейчас Хассека. Какая мерзость! Или же Хисарра можно было убить водами реки Зархебы, ибо они истекали ядом; проблема заключалась в том, что Зархеба была очень, очень далеко, в юго-западном Кусе. Или его можно было убить железом, выкованным в Стигии над костром из костей, потому что из этой темной, исполненной колдовских чар земли, обители злобно скалящихся демонов и магов, пришла большая часть заклятий, выученных двумя волшебниками.

— Боги и кровь богов! — сказал Хассек, не пытаясь скрыть содрогания.

— Да. В конце концов он сказал мне также, что Хисарр Зула можно одолеть, обратив его собственное колдовство против него. Мне это показалось невозможным — но в результате я именно это и сделал.

— Как?

— Я не скажу тебе, — невозмутимо ответил Конан, и Хассек не стал спрашивать снова.

У Конана не было ни средств передвижения, ни припасов. Тосия Зул разрешил эту проблему — ради себя самого; киммериец интересовал его постольку, поскольку был оружием, которое дух мог обратить против своего брата. Началась песчаная буря. Она подняла Конана в воздух; ветер подхватил его и унес на много миль к югу — к одному оазису, куда, как думал дух, направлялся Хисарр Зул; Конан знал, что на самом деле туда приближалась Испарана, потому что теперь он обгонял ее на том пути, по которому она шла со своими верблюдами.

— Волшебник дал мне безобидную копию амулета. Я смог подменить его так, чтобы Испарана об этом не узнала. Потом... ну, по разным причинам, — это действительно такая женщина, Хассек, что только держись, и к тому же прекрасно владеет мечом и вероломна, как... как Хисарр! Как я говорил, по разным причинам нас нагнал караван. Он был из Хорезма, и эти люди были работоторговцами. Вскоре мы с Испараной вновь оказались попутчиками и вновь пошли на север — прикованные к цепи вместе с другими

невольниками.

— Тебя, помимо всего прочего, еще и обратили в рабство?

— Да, — спокойно сказал Конан. — Но уверяю тебя, не без того, чтобы я убил несколько человек из тех, кто охранял караван.

«И оставил за собой еще несколько трупов», — подумал Хассек и ничего не сказал.

— Все из-за этой проклятой Испараны! Она тогда как раз пыталась убежать от меня. Они схватили ее. Они приковали нас обоих к веренице рабов. И мы оба зашагали на север — в цепях. У каждого из нас был амулет — она не видела моего и не знала, что ее амулет был не настоящим, не имеющим никакой ценности для Хана Замбулы.

— Но как, zo имя Эрлика и Друда, ты смог бежать из хорезмийского работниковческого каравана — посреди пустыни... в цепях?

— Друд — это бог, который мне не известен, — сказал Конан, кажущееся спокойствие которого просто бесило его попутчика.

— Самый древний из богов, которому все еще поклоняются в Иранистане, — коротко объяснил Хассек.

— Признаюсь, — сказал Конан, — что я вовсе не бежал, Я упоминал уже о пятерых солдатах из Самарры, которых встретил раньше. Мы встретили их снова; они возвращались назад. Я кричал без передышки, и капитан Арсиль из Самарры сделал так, чтобы нас освободили. Поскольку я слишком добр для своего же собственного блага, я потребовал, чтобы Испарану освободили тоже, — он усмехнулся. — В последний раз, когда я ее видел, она направлялась на юг, и ее «сопровождали» в Замбулу Арсиль и его люди — которые ничего не знали о нашей настоящей цели, Испараны и моей, — в то время, как я ехал на север с ее верблюдами и лошадьми. Хассек рассмеялся вслух.

— И, значит, она отвезла фальшивый Глаз Эрлика обратно к Актер-хану, который, без сомнения, носит его в настоящую минуту, веря, что это его собственный, колдовским образом изготовленный защитный талисман! Потому что это амулет, особо и исключительно настроенный только на него, Конан, при помощи колдовских чар.

Конан покачал головой.

— Нет, — сказал он, и Хассек в изумлении уставился на него. Неужели было что-то еще?

— Чтобы удостовериться, что амулет, который я принес ему, действительно настоящий, Хисарр Зул сотворил заклинание, которое растопило копию и превратило ее в бесформенный кусок шлака. Я сожалею об этом. Даже для Испараны я не желал бы таких страданий или, если она после них останется в живых, такого шрама от ожога между грудями. Они были очень красивыми.

Хассек, как до него и его соотечественник-иранистанец, от которого Конан перенял свою привычку, ответил на эту досадную новость одним-единственным словом:

— Черт!

Конан взглянул на него, и в кои-то веки раз эти пламенные голубые глаза были почти безмятежными.

— Да, — сказал он.

Они ехали дальше, и здесь уже начиналась пустыня. Даже солнце казалось теперь более горячим. То там, то сям из желто-белой почвы вырисовывались чахлые растения, упорно цепляющиеся за землю и за жизнь. Солнце и небо стали ярче, словно отражая все более участки местности под копытами лошадей.

— Конан, — сказал Хассек, — ты... случайно не знаешь также о разрушении некоей могущественной башни, принадлежавшей человеку по имени Яра, жрецу из Аренджуна?

Конан усмехнулся, несмотря на легкую дрожь, пробежавшую по его телу при воспоминании об этом поединке с колдовскими чарами, случившемся всего четверть года назад.

— Возможно, Яра прогневал бога, которому служил, и тот поразил его сияющую, как драгоценный камень, башню ударом молнии, Хассек.

— Возможно. А может быть, я еду в компании поистине великого вора — и погибели для волшебников.

Конан только усмехнулся, но по мере того, как они ехали дальше, задумался. Погибель для волшебников? Это правда, что у него было несколько интересных приключений с несколькими волшебниками и продуктами волшебства... и что он остался в живых, а волшебники — нет. Он размышлял над этим, пока они ехали на юг, в глубь сверкающих песков.

6. ВОЛШЕБНИК ЗАМБУЛЫ

Далеко-далеко к югу от Конана и иранистанца, в той же самой пустыне и, в общем-то, всего в нескольких днях пути к северу от Замбулы четверо солдат из Самарры, проснувшись, обнаружили, что один из их числа исчез. Исчезла и «гостья», которую они сопровождали. Самаррский капитан ударил себя кулаком по ладони.

— Гром и молния! Я бы поручился за Сарида своей правой рукой! Клянусь бородой Тарима — эта проклятая ведьма...

— Да, капитан, — сказал один из его людей. — Сарид таращил на нее глаза с самого начала, когда мы освободили ее и киммерийца из хорезмийской вереницы невольников. Правду сказать, Сарид сам себя назначил ее охранником. Никому из нас и в голову не приходило обращать на них внимание или прислушиваться к словам, которыми они обменивались, пока мы ехали, и стояли лагерем, и ехали снова.

— А теперь эта потаскуха уговорила его ускакать вместе с ней! Сайд! Он предал нас... предал долг и короля... из-за этой вероломной замбулийки! Тарим бы побрал тот день, когда мы позволили этому киммерийцу навязать ее на наши головы!

— Может статься, она умрет от этого ожога...

— Который мы ей смазывали бальзамами и перевязывали с такой нежной заботой! Хм! Нам этого не дождаться, Салик. Такие, как она, живут вечно.

— Капитан Арсиль... она все время клялась, что служит Хану Замбулы. И что животные и припасы, которые забрал киммериец, принадлежали ей. И еще она не переставала утверждать, что он увез амулет, принадлежащий ее хану. А тот, что был у нее... — самаррский солдат с дрожью в голосе оборвал свою речь, сделал оберегающий знак и пробормотал имя какого-то бога.

Голова капитана дернулась.

— А ким... Конан сказал, что все наоборот. Теперь я не знаю... они с Саридом поскали на север, Камбур?

— Похоже, да, — сказал третий солдат.

— Так. Она поворачивается спиной к Замбуле, а ведь мы уже почти там. Несомненно, чтобы попытаться выследить киммерийца Конана! Может быть, этот мошенник со странными глазами все-таки солгал нам. Признаюсь, он мне понравился... Все ради амулета, а? Камбур, я готов побиться об заклад, что бедный глупый Сариd не доживет до новой луны. Этот киммериец достаточно велик, чтобы сожрать его целиком. Ах, бедняга! Клянусь Таримом, я надеюсь, что Конан разрубит эту проклятую ведьму и бросит ее в пищу собакам!

— Арсиль... капитан... мы... последуем за ними?

— Нет! Клянусь Таримом, нет! Я не собираюсь провести остаток жизни в этой пустыне или задерживать вас здесь. Украденный товар, за которым нас посылали, — у нас... большая его часть.. и я без особого удовольствия представляю себе, как буду рассказывать той Саридовой девушке о том, что с ними случилось, — капитан Арсиль застонал. — И его матери... и командиру!

— Э... может, им всем было бы лучше — и нам тоже, — если бы мы объявили, что Сарида убили. Как героя. А потом...

— Чтобы он каким-нибудь образом объявился в Самарре на следующий день, или в следующем месяце, или в следующем году? О нет, Камбур, и ты никогда не станешь

сержантом, если у тебя в мыслях будет такая неразбериха. Нет! И... Камбур.

Красивое загорелое лицо Арсиля приняло задумчивое выражение.

— Лучше будет, если мы ни словом не обмолвимся ни о Конане из Киммерии, ни об этой проклятой Испаране, пока будем проезжать по замбулийской территории.

Камбур, иранистанец на службе Самарры, кивнул. Арсиль был прав, и его мысли были мудрыми, — хотя Камбур побился бы об заклад на свои сапоги, что этот громадный парень с прямым носом и глазами цвета неба обдурил их всех. Камбур не собирался так уж сильно скучать по Сарида... хотя ему было жаль, что Испараны больше с ними не было. Он со спокойной душой оставлял ее на попечение Сарида, зная, что у того дома есть девушка и что их помолвка была оглашена и зарегистрирована. Камбур сам лелеял кое-какие идеи и надежды по поводу замбулийской чаровницы, которую они нашли рядом с Конаном в хорезмийском невольничьем караване.

«Так, значит, Арсиль боится за Сарида?» Камбур встряхнул покрытой шлемом головой. К черту Сарида! Пусть этот верзила-варвар осторегается! Испарана в достаточной степени женщина, в достаточной степени искуσительница, чтобы даже его поставить на колени! А уж как она ненавидит этого киммерийца! * * * Предметы, загромождающие просторную комнату, были самыми разнообразными: от обычных, повседневных до странных, от экзотических до зловеще-таинственных и поистине ужасающих. Молодой маг, находившийся в этой комнате, был странен только тем, что был молод. Он разглядывал что-то в глубине хрустального шара и улыбался при этом. Его коричневый головной убор был странно высоким; кроме этого, на нем была простая длинная белая туника, надетая поверх коричневых штанов. На его груди висел медальон, покачивающийся в такт его движениям. Этот медальон представлял собой большое кольцо, усыпанное по краю жемчужинами; в центре сверкал многогранный рубин, окруженный двенадцатью солнечными топазами, образующими шестиконечную звезду. Медальон был подарком хана, так же, как и одно из двух колец, которые носил маг.

С улыбкой, которая не открывала зубов и не смягчала выражения лица, он отвернулся от своего волшебного шара; потом, мягко ступая ногами, обутыми в красный фетр, пересек комнату и подошел к высокой, обшитой панелями двери. Он дважды постучал в нее костяшкой одного пальца и, насвистывая, вернулся к шару.

Через несколько минут дверь отворилась и появился еще один человек. Он был отчасти лыс, и хотя волосы сбегали с двух сторон вниз по его щекам, к линии челюсти, в середине они были сбиты и открывали подбородок с ямочкой. Рисунок из переплетенных лоз, вышитых алыми стежками, украшал его темно-коричневую мантию на подоле, манжетах и уши. На груди у него шуршала серебряная цепь, и он тоже был обут в красный фетр. Запястье вошедшего охватывал медный браслет.

Ни он, ни маг не произнесли ни слова. Он придержал дверь, и маг прошел мимо, даже не бросив на него взгляда своих холодных и жестких, словно камень, карих глаз.

Молодой волшебник вошел в широко раскинувшийся, высокий зал под потолком, на котором было изображено небо и который поддерживали резные колонны, имитирующие деревья акаций. В зале прежде всего бросалось в глаза возвышение у задней стены, а на этом возвышении — большое сиденье из фруктового дерева с гравировкой из серебра. Человек, сидящий на нем, не был ни красив, ни уродлив, ни толст, ни тонок, хотя у него и было брюшко. Поверх его длинной желтой мантии была надета еще одна, из травчатого синего шелка, совершенно очевидно привезенная с большими издержками из далекого Кхитая. Она

была интересно скроена и прорезана так, чтобы выставить напоказ нижнюю одежду цвета шафрана.

Приблизившись к трону, молодой маг сделал скучное, едва заметное движение.

Человек на троне мгновенно отреагировал на знак:

— Оставь нас, Хафар.

Тот из вошедших, что был постарше, оставил открытой дверь в комнату мага и, шурша коричневыми одеждами, пересек просторный тронный зал. Он вышел через небольшую дверь в противоположной стене и закрыл ее за собой.

Человек на троне не отрывал от мага взгляда темных-темных глаз.

— Господин Хан, Глаз Эрлика снова движется из Аренджуна на юг.

— Что? Хорошо!

— Я увидел в хрустальном шаре, что он находится в руках одного иранистанца и того самого человека, который отобрал его у Хисарр Зула... и у Испараны.

Лицо Актер-хана частично утратило румянец.

— Иранистанец! Да сохранит нас Эрлик! Зафра — у кого из них Глаз?

Волшебник стоял теперь перед троном, у подножия платформы, на которую вели ступеньки, покрытые ковром того же синего цвета, что и верхний халат, или платье хана. Взгляд мага перенесся на стену сзади и слева от трона. Там висел меч в ножнах; кроме него, на стене ничего не было. На его рукояти сверкали самоцветы. Ножны опирались на две скобы, которые были золотыми — или позолоченными. Холодные змеиные глаза мага встретились со взглядом его хана.

— Увы, мой господин, мои возможности не беспредельны. Эти двое путешествуют вместе, и я могу быть уверен только в том, что амулет путешествует с ними. Только если они разделятся, я узнаю, у кого из них Глаз.

— Тебя здесь хорошо содержат, Зафра, — сказал Актер-хан. — Твоя комната примыкает к самому тронному залу. По твоему сигналу я выслал отсюда всех и по твоему знаку отпустил своего визиря! Ты здесь ни в чем не испытываешь недостатка. Мне нужно больше сведений.

Зафра почувствовал, что ему следует поклониться, — пусть коротко и не очень низко.

— Ни один человек в мире не мог бы сказать тебе столько, сколько я уже сказал, господин Хан Замбулы. В этом я клянусь своей бородой и своей властью! Глаз Эрлика распространяет вокруг себя некую ауру, потому что это предмет, созданный с помощью колдовских чар. Однако, если бы он находился среди трех человек, или даже десяти, то даже наиболее сведущий из этих прославленных волшебников покрытой сенью демонов Стигии не смог бы сказать, в чьих руках он находится, до тех пор, пока этот человек не отделился бы от других. Я определил местоположение амулета, господин Хан. Я могу следить за ним по мере его приближения. Я это сделаю. Сейчас он далеко от нас. Кто бы из этих двоих ни владел им, мы сможем легко отобрать его, как только они подъедут на достаточно близкое расстояние. А пока что, Актер-хан, — они приближаются к нам, и нам не нужно ничего предпринимать. Я буду наблюдать.

— Если только они не свернут к востоку, чтобы обойти Замбулу стороной по пути в Иранистан!

— Я буду поддерживать наблюдение, мой господин. Я считаю, что сейчас они находятся к югу от Дороги Королей. Однако, если они повернут на восток, к морю, наши люди все равно никаким образом не доберутся туда раньше них.

Пальцы Актер-хана забарабанили по покрытому серебряной резьбой подлокотнику

трона; его ногти стучали по дереву.

— Наблюдай за этими двоими, Зафра, и докладывай мне три раза в день, не реже. Даже чаще, если они изменят направление или если ты установишь, кто из них везет Глаз.

— Да, Хан Замбулы. Конечно. По крайней мере, теперь мы знаем, что амулет снова держит путь в нашу сторону.

— Или в сторону Иранистана. Этого не должно случиться!

— Они в неделях пути от нас, господин Актер. Мы узнаем. Моему господину не нужно волноваться. Я буду держать тебя в курсе.

— М-м-м. И до сих пор не знаем ничего о Карамеке и Испаране. Чума забери... Хафар! Хафар!! Лучше, если я сделаю еще одно подношение храмам Эрлика и Йога, потому что, без сомнения, какой-то бог сердит на меня, и я не могу поверить, что это Хану-ман! Хафар!

Когда Хафар вошел, маг Зафра уже покидал зал, а Хан Замбулы извернулся на троне, чтобы посмотреть на висящий на стене меч. Он делал это по несколько раз в день, и Хафар постоянно гадал, что означал меч для его господина и каким был источник влияния Зафры.

Зафра тем временем закрыл за собой дверь и прислонился спиной к панелям, пристально глядя на ожидающую его женщину. В тот момент, когда он запер дверь на засов, женщина улыбнулась и позволила своему единственному одеянию упасть аметистовой горкой у ее ног.

— Чиа, — выдохнул он. — Тебе не следовало приходить сюда. Я что, должен начать запирать дверь в коридор?

Она лениво улыбнулась и повела бедром, на котором лежала тонкая золотая цепочка, опоясывающая снизу изгиб живота с голубой ямкой пупка. Это было все, что на ней было надето, если не считать кольца, которые, как и медальон Зафры, были подарком ее господина — хана.

— Но кто может держаться в стороне? — мягко спросила она. — Иди сюда и заставь свою Тигрицу мурлыкать.

Человек, которому оказывал предпочтение Хан Замбулы, подошел к женщине, которой оказывал предпочтение тот же самый хан.

7. ИСПАРАНА ИЗ ЗАМБУЛЫ

Спокойно, Железноголовый; мы уже снаружи, ребятки. Как ты и сказал, Конан. Мы прошли через весь этот населенный призраками перевал и не увидели даже следов духа или песчаного чудовища. Я прошу прощения за то, что сомневался в тебе. Да что там, ты герой! Это сократит путь от Замбулы до Заморы на целый день, а то и больше, Конан кивнул, покачиваясь в такт движениям своей лошади. Он чувствовал себя героем, очень кстати забывая о том, что два месяца назад его погнало через этот перевал смерти чистое безрассудство и не поддающееся никакой логике упрямство. Выбросил он из головы и тот факт, что только везение или какой-то другой своюенравный бог не дал ему стать просто очередной жертвой духа, который так долго рыскал в ущелье, прорезающем Драконовы Холмы.

— Сначала, — сказал он, — нужно будет убедить путников в том, что этот перевал безопасен. Я считаю, что нам лучше пока держать при себе то, что мы знаем, Хассек. Замбулийцы могут задать слишком много вопросов. Мне кажется странным, что после того, как ты вернулся с амулетом в Аренджун, и показал его Хисарру, и убил Хисарра... кажется странным, что ты потом снова оставил Аренджун и поехал в пустыню, чтобы закопать там Глаз.

— Сомневаешься в моем слове, а, Хасс? Хассек слегка потянул левый повод и оглянулся через плечо на своего попутчика, который поправлял повязку на лбу. Хассек был не так уж далеко впереди; правый бок Железноголового практически терся о нос лошади Конана. Киммериец дал этому гнедому животному имя Гнедыш. Оно вполне выполняло свое назначение. Другую лошадь он называл Лошадь.

— С большой осторожностью отношусь к этому, ты, сын киммерийца, потому что ты едешь у меня за свиной!

Конан улыбнулся, потом засмеялся.

— Ну ладно. Если бы мой рассказ был ведром, то в нем было бы столько дыр, что там не задержались бы и две капли воды. Я не закапывал Глаз Эрлика в пустыне.

— Ты спрятал его в Аренджуне? — Хассек хлопнул себя по лбу. — Вместе с лошадьми! Конан покачал головой.

— Он все это время был при мне, Хассек. Хассек выругался — на двух языках и упоминая четырех разных богов. Конан ухмыльнулся и кивнул со знанием дела. Человеку полезно ругаться, а способность разнообразить языки может здорово помочь.

— Но почему...

— Мне показалось неплохой идеей позаботиться о том, чтобы мы оба оставались беглецами и выбрались из Шадизара — и проехали мимо Аренджуна, — прежде чем я сообщу тебе, что эта штуковина у меня, Хасс. Когда мы с тобой наедине, я думаю, я могу с тобой справиться.

— Хитрый варвар с холмов! — иранистанец усмехался.

— Коварный похититель с гор» — Конан тоже усмехнулся и покачал головой. А лошади размеренно шли вперед, все время на юг. За крупами выочных животных линия острого хребта холмов, называемых Драконовыми, словно съеживалась, сжималась, уменьшалась в размерах.

— Эй! Подержи мою лошадь!

Хассек перебросил поводья вперед через голову лошади так, что они волочились по земле, и, махнув ногой вверх и назад, соскочил с седла. Он побежал, и в его руке сверкнул кинжал; Конан наблюдал за тем, как он метнул его. Покинутая лошадь стояла и глядела в пустоту. Кинжал полетел точно в цель, и Конан кивнул и поджал губы. Ему лучше не забывать о том, что Хассек умеет бросать нож!

Иранистанец вернулся, ухмыляясь и скрипя сапогами по песку. В руке он нес добычу: маленькую уродливую ящерицу.

— Свежее мясо на обед, — объявил он.

— Уф, — отозвался Конан.

— Ну тогда объедайся этой проклятой солониной, — сказал Хассек и просунул ящерицу в петлю на голенище сапога, прежде чем вскочить в седло с высокой задней лукой и удобно в нем устроиться.

Конан ничего не сказал; он знал, что когда они поджарят эту ящерицу над парой верблюжьих «лепешек», подобранных по дороге, она будет пахнуть так же хорошо, как самая лучшая говядина, и он съест ее с превеликим удовольствием. Они ехали дальше. Солнце глядело на них сверху вниз огромным пылающим глазом. Нос Конана облупился уже несколько дней назад. А вчера облупился еще раз.

— Конан, — насчет этой Испараны. После всего, что, как ты сказал мне, она сделала — вероломная дрянь! — ты все-таки освободил ее из рабства и передал своим... самаррским друзьям.

— Я не желаю рабства никому, Хасс. Она служила своему господину, а я был ее соперником, ее врагом. Я имею в виду, что я и сейчас ее враг! Она пыталась служить ему хорошо. В моей власти было освободить ее или обречь на рабство. Я вовсе не настолько ее ненавижу, поэтому я сделал то, что должен был сделать.

— Что ты считал, что должен был сделать.

Конан стянул с головы повязку и выжал из нее пот.

— Для киммерийца это одно и то же. Он, моргая, вернул повязку на место.

— Я бы не освободил ее, — задумчиво признался Хассек. — Для иранистанца это не одно и то же.

— Я буду помнить об этом, Хассек из Иранистана.

— Конан! — голос Хассека звучал обвиняюще, с притворным упреком.

— Просто держись чуть впереди, где я могу видеть тебя, Хассек, друг мой. * * * Много дней, сверкающих, раскаленных солнцем дней спустя Конан все еще не ответил на расспросы Хассека о местонахождении амулета; Хассеку казалось, что он догадался; и он все еще скакал чуть впереди, когда они выехали из длинной «ложбиной», образованной двумя барханами. Запасы воды были на исходе, и оба путника, наконец, признались в своей озабоченности.

Иранистанец первым встретился с парой, едущей навстречу. Все трое — и две лошади — были очень удивлены и сбиты с толку. Руки напряглись и дернули поводья, послышалось звяканье сбруи и скрип кожи.

Конан, выглядывая из-за спины иранистанца, увидел солдата с раздвоенной бородой, в остроконечном шлеме, и рядом с ним и чуть сзади — всадника поменьше ростом, закутанного в джеллабу, капюшон которой прикрывал его лицо. Первые слова донеслись со стороны этого невидимого лица.

— Сарид! Это он — Конан!

— Какого... — Хассек, произнося это слово, уже протягивал руку к противоположному боку, чтобы выхватить клинок. Его лошадь нервно перебирала ногами. Желтые грязные широкие шаровары иранистанца слегка трепетали на слабом теплом ветру.

Сариd выхватил меч первым, подстегнутый словами своего попутчика.

Ильбарский нож иранистанца еще не совсем покинул ножны, когда клинок меча Сарида нанес удар с оттяжкой через лицо Хассека. Тот что-то пробормотал, захлебываясь хлынувшей кровью, и дыхание, образующее слова, которые он не мог выговорить, превратило кровь в красную пену. Куски языка и губы соскользнули вниз по груди его кафана.

Он отшатнулся назад; обратный удар Сарида с чмокающим звуком вбил лезвие клинка сбоку в голову иранистанца.

Сариду пришлось торопливо высвободить свой меч, когда Хассек качнулся назад и в сторону и вывалился из седла. Его лицо было ужасающим образом разворочено, рот искромсан первым ударом, а одна сторона головы — вторым. Он ударился о песок со звуком, похожим на тот, что издает мешок с зерном, упущенный неосторожным грузчиком и плюхнувшийся в лужу. Хассек бил руками по земле, извивался, издавал отвратительные хлюпающие звуки.

Прошло всего несколько секунд. Сухой теплый ветер трепал одежду. Конан был уверен, что Хассек не будет страдать долго, и знал также, что никогда не оставит его жить с таким лицом.

Лошадь Хассека, стоящая в устье небольшого прохода между двумя барханами, взвилась на дыбы, когда Сариd попытался рвануться вперед. Он нанес удар Хассеку, услышав крик своего попутчика, и нанес его, не думая; теперь опытный солдат увидел истинную цель. Испарана рассказала ему все об этом громадном собачьем сыне из Киммерии. Сариd попытался проскочить мимо поднявшейся на дыбы лошади без всадника. Она попятилась на лошадь Конана. Киммериец выругался, вцепился в поводья и быстро выхватил меч. Вспомнив о поводе, к которому были привязаны выючные лошади, он протянул руку назад и сдернул его с высокой задней луки своего седла. Кожаный ремень упал на землю; животные остались стоять на месте, хотя и беспокойно переминались с ноги на ногу.

— Проклятая тупая скотина, убирайся... прочь! — бушевал Сариd, стараясь объехать потерявшего всадника Железноголового. Лошадь заржала и снова поднялась на дыбы.

За спиной Сарида Испарана сбросила свой капюшон. Она теперь тоже сжимала в кулаке меч; костяшки ее пальцев побелели, туго обтянутые кожей. На земле извивался Хассек. Его лошадь по-прежнему разделяла Конана и Сарида у самого въезда в лощину.

Пронеслось еще несколько секунд. Слегка перегнувшись в седле, Конан ударил лошадь Хассека; в самый последний момент он вывернул запястье так, что меч с громким хлопком плашмя ударился о круп Железноголового.

С почти человеческим криком животное, не разбирая дороги, ринулось вперед. И поэтому его плечо ударило лошадь Сарида чуть позади выгибающейся, покрытой длинной гривой шеи, — а Железноголовый продолжал двигаться. Он силой пробил себе дорогу, и его плечо, а потом седло почти оторвали Сариду ногу. Солдат закричал таким же высоким и нечеловеческим голосом, как до него лошадь.

Потом Железноголовый пронесся мимо Испараны, а Сариd уже не мог справиться ни с лошадью, ни с собой; он шатался в седле, его лицоискажалось гримасами, и Конан ударил своего скакуна обоими каблуками, а потом плотно прижал их. На ногах киммерийца вздулись мускулы.

Его лошадь дернулась вперед, вслед за животным, которое она знала и за которым следовала всю дорогу от Шадизара. И Конан нанес удар — справа, над шеей Гнедыша, мимо собственной груди и в левую руку Сарида.

Клинок вошел глубоко. Обе лошади в это время двигались в противоположных направлениях. Лезвие меча застряло, погруженное в мышцы и кость. Рука Конана оказалась переброшенной через его грудь и прижатой к ней. Его лошадь продолжала двигаться. Конан заворчал, и его тело изогнулось. Лошадь неуклонно продвигалась вперед. Конан, уже потерявший равновесие, наконец в отчаянии выпустил меч — слишком поздно. Он упал.

Левое заднее копыто высокой гнедой лошади Сарида просвистело в двух пальцах от головы киммерийца.

Гнедой пошел рысью — теперь его ничто не сдерживало, ибо левая рука Сарида была наполовину отделена от тела, и бьющая из нее кровь сверкающим потоком окружала клинок, торчащий из раны. Потом гнедой понесся галопом мимо выночных лошадей Конана, которые все еще стояли в узком проходе между барханами. Места было недостаточно; гнедого это не волновало. Сарида вышибло из седла выступающим в сторону тюком. Он тяжело упал наземь. Меч, торчащий из его руки, стал словно бы короче.

Сарид изменил своей присяге солдата Турана из желания обладать Испараной, побуждаемый к лихорадочному безумию похотью, льстивыми речами и обещаниями награды, затмевающей даже ее соблазнительную особу. Он пошел в бессмысленную атаку, убил Хассека, который был ему совершенно незнаком... и потерял левую руку и способность владеть левой ногой.

А теперь шарахающаяся в панике выночная лошадь наступила ему на грудь и вдавила ребра внутрь.

Конан тем временем тяжело шлепнулся на песок. Извернувшись в момент столкновения с землей, он был на ногах через две секунды. Он потерял и лошадь, и меч, а другая лошадь чуть было не наступила на него. Он был зол до такой степени, которая граничила с безумием. Обернувшись туда, откуда он приехал, он уставился на круп лошади Испараны. Длинный черный хвост животного развеялся сзади, как знамя, как манящий вымпел.

Огромный киммериец зарычал и совершил безрассудный поступок. Он схватился за этот длинный струящийся хвост обеими руками и уперся ногами в землю.

Через мгновение его каблуки глубоко утопали в песке, а конский волос резал ему пальцы.

Животное вззвизгнуло, дернулось так резко, что женщина в седле покачнулась, и остановилось. Оно напрягло все мускулы, всхрапывая, — и Конан устоял!

Всадница, повернувшись над высокой задней лукой седла, сделанного из кожи, натянутой на деревянную основу, откинулась назад, чтобы рубануть Конана своим мечом, который был изогнут на восточный манер: клинок, способный нанести резаную рану. Хвост ее коня был роскошно длинным, и Конан, тянувший за него, стоял на довольно большом расстоянии. Он был как раз вне досягаемости острия ее меча. Она сделала еще одну попытку.

То, что она перенесла вес назад, вместе с ее резкими движениями и дергающим за хвост Конаном заставило животное взвиться на дыбы, перебирая передними ногами в воздухе.

Конан, по-волчьи ухмыляясь, разжал руки в тот самый миг, когда Испарана кубарем свалилась на него. Они покатились по земле, мужчина и женщина в длинных одеждах. Оба сыпали проклятиями. Пострадавшая лошадь оглянулась назад, сверкая белками больших вращающихся глаз, которые, казалось, отражали ее оскорбленные чувства. Потом она

отвернулась и обменялась взглядами с вьючными животными. Одно из них — то, у которого правое переднее копыто было в крови, — негромко фыркнуло. Конь Испараны фыркнул в ответ. В нескольких ярдах от него Конанов гнедой оглянулся назад и качнул головой; его сбруя зазвенела. Он тоже издал это негромкое мягкое фырканье, потом поднял морду и заржал. В четверти мили от этой сцены Железноголовый услышал его и, замедлив бег, остановился. Потом он повернулся, поглядел туда, откуда прискакал; качнул головой; громко заржал.

Испарана и Конан барахтались и катались по песку. Когда они остановились на мгновенье, она была сверху. Она вскочила и уселась ему на грудь; мелькнули колени в желтых шароварах; ее меч взлетел вверх. Ненависть и жажда убийства сделали ее глаза безобразными, а солнце высекало из них искры, так же, как и из ее изогнутого полумесяцем клинка.

Конан увидел блеск этих ненавидящих, безумных глаз, однако сверкание ее меча представляло гораздо более безотлагательный интерес. Он выбросил вверх руки в тот самый момент, когда она ударила.

Ее запястье упало в его правую ладонь, словно весло в уключину. Вся ее рука содрогнулась от столкновения и застыла, словно налетела на камень. Рука Конана держала, останавливалась ее руку, и его ладонь сомкнулась. Потом сжалась.

Другая его рука вытащила ее кинжал.

Испарана почувствовала, как кости ее запястия трутся друг о друга и пальцы разжимаются против ее воли; она застонала, и ее скимитар отлетел прочь. Она увидела, как ее собственный кинжал, сверкая, метнулся к ней, и закричала: «Нет!» — и в это время Конан нанес удар — удар, распоровший ее джеллабу снизу доверху.

Под этой одеждой пустыни на ней не было ничего, кроме льняной нагрудной повязки и низко опущенных на бедра, завязывающихся шнурком шаровар с прорезями. И то, и другое было ярко-желтого цвета, красиво контрастирующего с ее золотисто-коричневой кожей. Конан не увидел на двух полусферах ее груди никаких шрамов. Он отбросил в сторону кинжал и притянул ее к себе. Она упала ему на грудь, и он перекатился через нее. Теперь он был сверху и заглядывал ей в глаза. Она укусила его за руку, и он разжал другую на достаточно долгое время, чтобы дать ей пощечину.

— Нет, будь ты проклят! — крикнула она и начала бешено извиваться.

Хассек из Иранистана лежал неподвижно, и Сарид, туранский солдат из Самарры, лежал неподвижно; а Испарана из Замбулы извивалась, тяжело дыша, и вскоре Конан увидел на ее бедре уродливый шрам от ожога. Равнодушное солнце пустыни с сияющей улыбкой смотрело на них сверху вниз, и скоро капли пота окропили песок, и через некоторое время проклятия Испараны перешли в стоны и тихие вскрикивания, а еще несколько мгновений спустя они зазвучали по-иному, ибо она не была девушки.

8. СТРАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мужчина и женщина ехали по пустыне на юг. Со всех сторон вокруг них поднимались низкие барханы, образуя небольшие лощины; а сияющее сверху солнце было врагом, превращающим небо в медный котел. Их лошади шагали медленно, опустив головы. К задней луке седла женщины был привязан длинный повод, на котором шли еще четыре лошади; две были оседланы и, в дополнение к этому, навьючены; вьюки на другой паре были еще более объемистыми.

Мужчина совершенно определенно был мужчиной, хоть и очень молодым. Высокий, крепко сложенный, с массивными плечами, распирающими надетый на него белый бурнус, он бы мог быть борцом. Никто не назвал бы его красивым — однако, пока его лицо было спокойно, его нельзя было назвать и уродливым. Желтая льняная повязка окружала его голову над бровями и сдерживала гриву его черных волос. Его лицо было загорелым, как и руки, хотя длинный клинообразный участок груди, виднеющийся в вырезе его туники, имел более светлый оттенок. Он ехал, высоко закатав на бедрах штаны широких шаровар, обычных для жителей пустыни; теперь, решив, что на его мускулистые ноги попало достаточно солнца, он опустил серовато-коричневые штаны на сапоги. Глаза, глядевшие с этого потемневшего от солнца лица под смолисто-черной шапкой волос и кричаще-яркой повязкой, были странными для пустыни на юге широко раскинувшейся империи Турана; они пылали раскаленной голубизной, похожей на выжженное солнцем небо.

День был жарким, как жарким был каждый день. Бледный песок отражал свет злого солнца мириадами сверкающих, как алмазы, искр, так что мир пустыни казался еще более жарким и более ярким от этого сияния. Лошади шли размежеванным шагом. Мужчина и женщина ехали, расслабившись в седлах, сжав губы и устремив взгляды вперед. Одежда прилипала к их телам, покрытым пленкой пота.

Женщина совершенно определенно была женщиной, и была старше мужчины. Ее лицо было удлиненным, с рельефными скулами, пристальными темными глазами и слегка выгнутым носом над пухлыми губами и подбородком с круглой ямочкой в середине. Никто не мог бы назвать ее истинной красавицей; только другая женщина назвала бы ее менее чем хорошенькой, и это было бы неправдой. Ее раздувающиеся шаровары, или «сирваль», — желтые, испачканные грязью и песком, покрытые пятнами пота, — были прорезаны с одной стороны и порваны. Капюшон, отпоротый от джеллабы, лежал у нее на бедрах, поскольку грязное белое платье было искромсано и разорвано вдоль и поперек и заканчивалось гораздо выше колен. Широкие шаровары-сирваль были заправлены в красные сапоги, поднимающиеся выше ее довольно округлых икр. Великолепная масса выюющихя черных волос отливалась синевой и пурпуром в свирепом сиянии солнца; кудри закрывали ее лицо, выбиваясь из-под ее грязной старой повязки, которая раньше принадлежала мужчине. Ничем не стесненные полушиария ее груди прыгали, как беспокойные зверьки, под расположенной джеллабой, почти не скрывающей их изгибов; ткань, которая раньше стягивала их, стала теперь повязкой на голове мужчины.

Золотисто-коричневая кожа женщины, по его безжалостному замечанию, была привычной к солнцу и не должна была обгореть. Она была разъярена этими словами, а потом удивлена тем, что он помог ей сменить повязку на бедре, там, где шафрановый сирваль был сильно прожжен, образуя дыру с черными, неровными краями.

— Мне печет грудь, собака!

— Она не обгорит, — сказал он, мирно покачиваясь в седле справа от нее.

— По крайней мере, обгорит не сильно, — добавил он, и она поджала свои полные губы.

— Зачем вообще было брать меня с собой? Почему ты не оставил меня умирать в пустыне, варвар, истерзанную, плохо одетую и беспомощную?

— После всего того, что мы перенесли вместе? Испарана, Испарана! Я чувствую ответственность за тебя, женщина! И кроме того... разве ты не собирались доставить Глаз Эрлика в Замбулу?

Она уставилась на него сверкающими глазами; ее блестящая от пота полуобнаженная грудь начала вздыматься сильнее. Ее голос был почти шепотом:

— Д-да-а...

— Правильно, — Конан пожал плечами. — Хассек — которого я любил, черт бы тебя побрал, — умер. Замбула гораздо ближе, чем Иранистан, и я ничего не должен той далекой земле. Ты выполнишь свою задачу, Испарана. Ты вернешься в Замбулу вместе с амулетом. Просто я, не ты, буду везти Глаз. Веди себя со мной по-дружески, и я буду счастлив сообщить твоему нанимателю, что ты убедила меня отвезти амулет ему в твоей компании.

Испарана заморгала, пристально глядя на него, но ничего не сказала. Кончик ее языка высунулся, увлажняя губы, пока она обдумывала, размышляла, без сомнения, озадаченная его словами и его проклятой непредсказуемостью горца. Испарана поступила мудро, не сказав ничего. Этот громадный пес-варвар, по всей видимости, был из тех, кто остается в живых; к тому же он был могучим воином, а также хорошим товарищем, — а еще, черт бы его побрал, искусственным любовником.

Кроме того, они действительно направлялись к Замбуле, и он заверил ее, что амулет у него, хотя, похоже, все, что он носил, была эта уродливая, дешевая глиняная штуковина, висящая на ремешке у него на груди.

После полудня она попыталась пожаловаться на скудость предоставленного ей наряда. В ответ она получила дружеский шлепок по бедру и уверения в том, что в таком виде она менее опасна. Он снова повторил, что поскольку ее кожу с самого начала вряд ли можно было назвать белоснежной, она не подвергается опасности быть обожженной солнцем.

— Если на нас нападут, — сказала она, — у меня даже нет оружия!

Конан бросил на нее мрачный и очень серьезный взгляд.

— Если на нас нападут, — ответил он, — оружие тебе не понадобится.

В ее груди поднялась теплая волна, и ей не понравилась эта реакция. Испарана продолжала мудро молчать, плотно сжав губы и глядя перед собой. Они ехали на юг, к Замбуле. * * *

— Я не хочу, чтобы ты приходила сюда, когда я занят работой, — сказал Зафра. — И еще мне не нравятся эти низкопробные благовония, которые ты упорно жжешь, и эти ароматические свечи. Это мое рабочее место. К тому же оно примыкает к тронному залу. Мне совсем не нравится, что ты здесь! Если он узнает...

— Он! — женщина так выплюнула это слово, как будто оно было бранным. — Как он может узнать? Балад совсем запугал нашего бедного Актер-ханчика! Балад жаждет получить трон, и я думаю, он его получит, Зафра! Актер нервничает и держит своего сына под постоянной строгой охраной — строжайшей. И в то же самое время наш господин хан боится приказать войскам открыто выступить против претендента на трон Балада, — вдруг люди

предпочтут Балада!

Она прошла от ложа к столу, где стоял хрустальный шар Зафры, плавно скользя в своем наряде, который состоял из нескольких унций шелка и фунта самоцветов и жемчуга. Она извивалась при ходьбе, как изящная гибкая кошечка, эта женщина из Аргоса, которую Актер-хан называл Тигрицей. И было за что. Чиа была великолепно, хоть и не пышно сложена и двигалась быстро и грациозно, как кошка; ее окружала аура чувственности, способная возбудить и восьмидесятилетнего старца. Буйные золотисто-каштановые волосы рассыпались по широким плечам цвета янтаря, а ее глаза, большие, окруженные угольно-черной чертой, с подсиненными веками, были серого цвета, приводящего в смятение. Рабыня из далекой Аквилонии расчесывала эту гриву по многу минут в день — столько, сколько нужно было, чтобы тень на солнечных часах прошла половину расстояния между точками, разделяющими два часа. Как только она заканчивала эту процедуру, ее хозяйка преднамеренно растрепывала волосы, чтобы сохранить свой небрежный, чувственный облик.

Несмотря на то, что Зафра хорошо знал ее, несмотря на все те часы, что они провели вместе, он по-прежнему зачарованно и чутко наблюдал за ее движениями и чувствовал возбуждение просто при виде того, как она ходит.

Она была рождена, чтобы искушать, думал он; женщина, достойная императора — или мага, который в последующие годы будет править, и править гораздо большим государством, чем маленькая, расположенная среди пустыни Замбула. Чиа из Аргоса заслуживала доверия настолько же, насколько ее хищная тезка из джунглей, а ее мораль была такой же, как у кошки во время течки. Она была изнеженной, и она была воплощением эстетства и упадка, и Зафре было приятно, что он сделал ее своей, ее, которая принадлежала прежде Актер-хану. Правда, хан не знал, что она ему уже не принадлежит!

Только прошлой ночью Актер призвал ее к себе, и, конечно же, она пошла, пока Зафра скрипел зубами и строил мрачные планы насчет будущего, управляемого колдовством; управляемого Зафрай, который станет Зафра-ханом.

Устремив на Зафру глаза, в глубине которых, словно в куске слюды, мерцали искры, она продолжила ленивым, презрительным голосом:

— Актер верит, что с помощью этого Тотрасмека — юного жреца, едва ли больше, чем прислужника, — он держит под надзором Балада, который хотел бы стать Балад-ханом... а Балад платит Тотрасмеку, этому мальчику-жрецу, и диктует ему сообщения для нашего благородного хана!

Ее презрительный смех не был красивым. Не было красивым и ее лицо, когда она издавала гортанные звуки, выходящие из широкого, чувственного рта с полными губами, рта, уголкам которого удавалось слегка приподниматься с пренебрежительным высокомерием даже тогда, когда она улыбалась, — одной стороной рта, ибо она не была совершенством; у нее был испорченный зуб с левой стороны.

Зафра повернулся, чтобы еще раз взглянуть в хрустальный шар, и улыбнулся; его улыбка была такой же несовершенной, как и у нее, — в его улыбке никогда не участвовали глаза. Да, эти двое продолжали свой путь и были теперь еще ближе к Замбуле, хотя по-прежнему глубоко в сердце пустыни.

— А что касается Актера, — продолжала говорить Чиа, — много ты знаешь о нем, Зафра! Он начинает впадать в сонливость от выпитого вина даже раньше, чем заканчивает ужин каждый вечер, а закончив его, через час уже бывает пьян. Все вечера! Его брюшко растет с каждым днем! Он не хан! Он ужасный болван, Актер-Болван... или Заколотый Бык,

как все чаще и чаще называют его солдаты.

Наклоняясь над своим захламленным столом, Зафра повернул голову и посмотрел на нее через плечо долгим взглядом.

— Чиа... ты поддерживаешь контакты с Тотрасмеком?

Она взглянула на него.

— Я? Я что, похожа на тех, кто общается с людьми, отдавшими свое мужество богам?

Зафра почти усмехнулся.

— Что ж... найди способ заставить его задуматься, правда ли та девчонка-шанки, подарок нашему господину Хану... заставь его и этого Балада задуматься, на самом ли деле она умерла от болезни или... от чего-то другого.

— О! Это так и было?

— Откуда знать простому магу, Чиа, к тому же такому молодому? Просто присмотри за тем, чтобы эта мысль дошла до ушей тех, кто передаст ее Баладу.

— О, что ж, это проще, чем иметь дело с этим честолюбивым маленьким жрецом, любовь моя. Моя собственная дорогая Митралия — шпионка Балада!

— Твоя рабыня? Эта хорошенъкая белокурая аквилонянка? Почему ты не сказала мне этого раньше?

Чиа склонила голову в сторону и поглядела на него из-под густых ресниц.

— Я только что это сделала. А ты говоришь мне все, что знаешь, моя колдовская и тщеславная любовь?

Она с улыбкой, неторопливо зевнула и потянулась, напрягая и расправляя свое медно-золотистое тело ради глаз мужчины, который, как она знала, любил его. Ее зачаровывал этот странный, не похожий на других человек в диковинном головном уборе. Ханский любимец, которому оказывалось наибольшее доверие в этом расползающемся городе; маг, но не старый и не лысый; молодой человек, обладающий познаниями из Книги Скелоса, и более полными, чем у пиктов, знаниями об их собственных омерзительных Детях Йила, и еще знаниями из зловонных томов Сабатеи с золотым павлином; без сомнения, такими же полными знаниями, как те, которыми обладали колдуны-стигийцы в своих склепах, укрытых во мраке ночи.

Чиа знала, что через год, или даже меньше, если Актер-хан удержится на троне, Зафра вполне может оказаться здесь правителем. А если Баладу удастся совершить задуманное... что ж, у нее были кое-какие планы в этом направлении.

Она знала, что Зафра был очарован ею, словно она, а не он, была магом. И однако, она была так же очарована им, его непохожестью на других, его бесстрашием... и его властью и перспективами еще большей власти. И, конечно же, Чиа из Аргоса знала, что рано или поздно он ей надоест — если только, возможно, он не сохранит и не укрепит свою власть и не добьется еще большей!

— Едва ли можно сказать, что Балада никто не поддерживает, — сказала она, выгибая брови и опуская ресницы, тяжелые от краски, сделанной из угля, смешанного с душистой мазью. — И его... разговорчивые сторонники занимают высокие места в Аграпуре, столице.

Она всегда называла этот город не просто «Аграпур», а «Аграпур, столица», и Зафра знал, что ей страстно хотелось туда: в центр Империи.

— Добавь: «столице Турана, сатрапией которого является наша Замбула», — сказал он, — и я сверну твою очаровательную шейку.

Лениво улыбаясь и умышленно приводя в беспорядок те скучные одежды, что на ней

были, она сказала эти слова.

— Ах, ведьма, — промолвил Зафра, — ведьма! И в эту же минуту решил сделать ей на щеке бородавку. Очень маленькую, просто чтобы она задумалась.

— Кто может быть лучшей супругой для мага, — отозвалась она, лениво усмехаясь, — мага, который водит дружбу с демонами!

— Едва ли. А теперь послушай, Чиа... Она гибко потянулась, позируя перед ним; великолепные тигриные мышцы заиграли под янтарной кожей, натянутой, как днище барабана.

— Называй меня Тигрицей, Зафра, Тигр!

— Так тебя называет он, Чиа. Слушай же, или я продемонстрирую тебе кое-какие свои способности!

Знаешь ли ты, что мне достаточно сделать то-то и то-то, и ты упадешь на колени, распластаясь на животе и будешь ползать и пресмыкаться, подобно змее?

Она вцепилась в край стола, заставленного колбами и ретортами, банками и сосудами со странным содержимым. Она выгнула спину, выпятила зад и покачала бедрами из стороны в сторону, не отрывая от него кошачьих глаз.

— О? Ты бы хотел этого? Ты бы хотел, чтобы я это делала, маг? Я сделаю, стоит тебе только попросить, моя колдовская любовь! Не нужно зря переводить твои заклинания!

Он сжал кулаки, спрашивая себя, издевается ли она над ним, или боится его и пытается скрыть это — или говорит серьезно.

— Ах! — в отчаянии вырвалось у него. — А боль — допустим, я причиню тебе боль, такую, от которой ты будешь молить о пощаде и о том, чтобы выслушать мои приказания?

Она обнажила грудь и медленно провела языком по губам.

— Тебе бы хотелось причинить мне боль и увидеть, как я извиваюсь, мой колдовской возлюбленный? Избей меня!

— Чиа.

Глаза Зафры стали тусклыми, змеиными; его голос был таким же тусклым. И теперь в нем звучало предупреждение, за которым скрывалась угроза. Чиа поняла, что ему надоели ее подразнивания. Она заговорила мягко и нежно:

— Любовь моя?

— Я должен пойти и сказать хану, что его посланница Испарана направляется к Замбуле в сопровождении того, в чьих руках находится Глаз, обладать которым наш одурманенный господин жаждет с таким отчаянием. Я предложу ему подумать о том, чтобы послать... почетную охрану, которая встретит и проводит их к нам.

— Как ему повезло, что у него есть ты и что ты вечно заботишься о нем! А почему ты не уберешь для него Балада?

— Я сказал ему, что я над этим работаю и что Балада защищают могучие чары. А теперь... ты должна не шевелиться, Чиа, и сидеть тихо, пока я буду проходить через эту дверь. Ибо если ты этого не сделаешь, ты погубишь нас обоих.

— Я буду сидеть тихо, как маленькая мышка, — отозвалась она и, раздевшись всего несколькими быстрыми движениями, улеглась на полу в непринужденно-непристойной позе. Тигровый глаз, подвешенный на тонкой золотой цепочке, мерцал у нее на животе.

Зафра, скрипя зубами, пошел к высокой, обшитой панелями двери, чтобы сделать доклад своему хану. «Какое великолепное животное, — думал маг, лицо которого было сосредоточенным, а глаза — тусклыми и жесткими. — Интересно, сколько времени пройдет,

прежде чем мне придется избавить этот мир от нее?»

9. СМЕРТЬ СРЕДИ БАРХАНОВ

Людей в зеленых одеждах и более темных шарфах, скрывающих нижнюю часть их лиц, было шестеро, и их вожак устремил взгляд своих пылающих глаз на Конана и сказал ему, что все, что им было нужно, — это Испарана.

— Я не понимаю, — сказал Конан, решая в это время, что ему делать. — Моя сестра не продается.

— Мы не собираемся покупать ее, безмозглый мул! — сказал человек в зеленых одеждах, и двое его товарищей рассмеялись.

— О, — сказал Конан. — Испарана, эти люди хотят немного тобой попользоваться. Ты ведь не против? И тебе бы лучше отцепить повод выночных лошадей от своего седла.

Он надеялся, что до нее дойдут непроизнесенные слова: «и будь готова скакать быстро и ничем не обремененная».

Глаза над темно-зеленым шарфом переместили свой взгляд на женщину. Правая рука Конана метнулась к противоположному боку. Его пальцы сомкнулись на рукояти меча, и он рывком вернул руку обратно, повторив ее взмах в обратном направлении, — так, что это стало одним непрерывным движением. Острие его меча уничтожило пылающие пристальные глаза.

В то же самое время он ударил лошадь пятками и плотно прижал их.

Его собеседник закричал, бесполезно поднимая руки к окровавленным глазницам. Двое его товарищей испустили вопль, а еще один выругался. Третьего, который уже начал поднимать меч, ударило плечо Конановой лошади — так сильно, что он вылетел из седла. Его скимитар отлетел в сторону. Остальные мечи со скрежетом покинули ножны, а Испарана в это время освободилась от выночных лошадей.

Вращая мечом над головой, чтобы усилить удар, Конан понесся к тому из людей в зеленом, что был чуть в стороне от остальных. Под просторными одеждами этого неудавшегося насильника, как оказалось, были крепкие мускулы: его клинок с ужасающим лязгом и скрежетом встретил клинок Конана и остановил его.

Четвертый из «джазихим», бандитов-кочевников, остановился вплотную к Конану за его спиной, и его меч взлетел над широкой спиной киммерийца. Конан в это время блокировал удар, одновременно пиная лошадь своего противника так сильно, что, несмотря на сапоги, расшиб себе ногу. Его меч рассек правую руку бандита у самого запястья. Услышав позади себя странный булькающий звук, Конан вбил каблуки в бока лошади и низко пригнулся. Гнедыш рванулся вперед, и его всадник оглянулся, удерживаясь обеими ногами.

Было легко понять, что этот человек собирался нанести ему удар сзади и что ему это удалось бы, если бы ему не помешали; эта помеха приняла форму небольшого, семидюймового кинжала. Испарана метнула его с достаточной силой, чтобы пробить левое плечо бандита. Легкая рукоять и половина клинка торчали из плоти между бицепсом и трицепсом. Бандит забыл про Конана и каблуками развернул лошадь, чтобы броситься к женщине.

— Спасибо, Спарана, — прокричал Конан. — Скачи, Спарана!

С двух сторон на него бросились три человека, хотя один из них был ранен в правую руку. Конан заставил своего коня проскочить между ними и уклонился от удара ближайшего к нему бандита, хоть и не смог нанести ответный удар. Он увидел, что Испарана увернулась

от раненного ею человека и мчится на юг со всей возможной скоростью.

Поскольку ни у одного из кочевников не было лука и, следовательно, они могли только пуститься в погоню, Конан рывком развернул Гнедыша и понесся вслед за ней.

За его спиной не меньше шести человек закричали от ярости и разочарования. Двое были ранены; трое нет. Яростно вопя, эти пятеро бросились в погоню. Шестой, их ослепленный вожак, спотыкаясь, брел по песку, выкрикивая их имена. Его лошадь заржала и поспешила догнать остальных.

Восемь лошадей галопом скакали по пустыне на юг, растянувшись в длинную линию.

Четыре вьючные лошади смотрели вслед остальным. Одна из них заржала и ударила копытом в песок. Вторая устремилась вперед. Первая позволила ей повести себя на поводу. Все четыре перешли на рысь и поскакали по следам остальных восьми.

Ослепший человек, шатающийся, спотыкающийся, вскрикивающий, случайно оказался у них на пути. Первая лошадь обогнула его. Вторая и третья сбили его с ног. Четыре вьючных животных Конана и Испараны рысили вслед за своими хозяевами, и все двенадцать лошадей торопились по пустыне на юг, выстроившись в линию почти в лигу длиной. Слепой человек перестал вскрикивать.

Железноголовый и Гнедыш бежали хорошо. Оба коня провели много времени в пустыне и были привычны к этой странной почве, уходящей из-под копыт при каждом их ударе. Конан оглянулся, чтобы посмотреть на воявших преследователей-джазихим. Они неслись так, что их зеленые одежды хлопали по ветру; их вращающиеся над головой мечи сверкали на солнце. Киммериец скакал, пригнувшись к шее лошади, чтобы лучше распределить свой вес и сделать более обтекаемым свое массивное тело, и вновь и вновь выкрикивал имя замбулийки.

Глупо было бы ожидать, что она приостановится, чтобы он мог догнать ее, думал Конан, поскольку ее лошадь шла с отрывом и несла меньший вес. И все же ему хотелось бы, чтобы Испарана была вооружена. Он был бы рад иметь возможность передать ей длинный клинок, прицепленный у него за седлом; горский нож, который раньше принадлежал Хассеку.

И все же ей удалось сохранить кинжал и спрятать его — и с его помощью спасти Конану жизнь, в то время, как она могла бы ускакать — вооруженной. Может быть, у нее есть еще один кинжал, думал Конан. Ему внезапно пришло в голову, что он так и не проверил, не спрятаны ли в ее сапогах ножны. Все остальные детали ее одежды и тела были ему знакомы.

— Эй, прекрати это! — запротестовал он, когда Гнедыш легко перескочил длинный гребень, образованный нанесенным песком, и приземлился так, что у его всадника лязгнули зубы.

Хвост коня струился позади, словно золотисто-коричневый стяг, а его развевающаяся грива больно хлестала Конана по лицу. Его одежды вздувались и хлопали на ветру. Он не оглядывался. Не было оснований предполагать, что преследователи смогут догнать его. Все, что ему нужно было делать, это продолжать галоп... Вечно?

Вряд ли. Возможно, в течение нескольких часов, а может, и меньше. В конце концов Железноголовому и Гнедышу придется замедлить бег. Конечно же, они были менее свежими, чем кони людей в зеленом, которые, должно быть, жили или разбили свои шатры неподалеку. Тогда Конану и Испаране придется встретиться со своими врагами лицом к лицу или быть разрубленными на куски из-за спины. Хорошо было бы наткнуться на нагромождение камней или одну большую скалу, на которую он смог бы взобраться и отражать удары даже более чем пяти нападающих.

Закусив губу, Конан поднял голову — достаточно, чтобы окинуть все вокруг прищуренным взглядом. Он увидел только поднимающиеся и опускающиеся песчаные барханы, и длинные высокие песчаные склоны были только песком или, возможно, песком, нанесенным к подножию каменистых холмов, поверхность которых под ним стала совершенно гладкой.

Гнедыш с трудом поднимался сейчас по одному такому длинному склону. Конан оглянулся назад, когда конь достиг вершины. Преследующий его квинтет не доскакал еще до подножия бархана. Конан увидел, что один бандит нетвердо сидит в седле. То отродье, чью правую руку он разрубил, слабеет от потери крови, решил киммериец.

Гнедыш, взбрыкивая, тяжело спускался по песчаному склону. Внизу и впереди Испарана скакала галопом к гораздо более высокому бархану или холму, еще не стертому с лица земли шершавым, вечно пересыпающимся песком. Она направляла Железноголового так, чтобы подниматься наискосок и поберечь силы коня. Конан принял решение, характерное для варвара, так же, как тогда, когда атаковал вожака шестерых бандитов, у которого были все основания считать его легкой добычей.

Гнедой скакун всхрапнул, когда левый кулак его хозяина напрягся и натянул подобранный повод. Спускающейся вниз лошади не очень-то хотелось поворачивать влево, однако она сделала это. Ее копыта про скользили по песку. Конан висел на ее спине, пытаясь отклоняться влево, в сторону вершины холма, и продолжая тянуть повод в этом же направлении. Гнедыш, более чем неохотно, сопротивляясь, снова поднимался теперь в гору. Конан почти выпадал из седла, и мышцы его икр вздулись от усилия удержаться на лошади. Потом они будут подрагивать еще целый час.

Но теперь-Теперь Гнедыш снова поднялся на вершину, и Конан беззвучно ослабил хватку ног, вбил каблуки в бока лошади и прижал их снова.

Гнедыш оскорбленно всхрапнул и ринулся вниз, под уклон, на несколько локтей левее следов своего подъема.

Беги, и тебя поймают, думал Конан. Повернись, пока преследователи не могут тебя видеть, и упади на них сверху, пока они будут в невыгодном положении, на подъеме, и, без сомнения, можно увеличить свои шансы с помощью совершенно неожиданной атаки. Как только он проскачет вниз мимо джазихим, их делом будет решать, преследовать ли его, позволить ли ему преследовать их или вообще отказаться от этой затеи.

Один человек ринулся вниз по склону, чтобы атаковать пятерых.

— Хааг! — проревел один из них; или что-то в этом духе; возможно, он крикнул: «О, Йог!» Он увидел, как преследуемая ими добыча несется на них сверху со скоростью лавины. Невозможно было не распознать в этом человеке мрачную решимость, какой бы безумной она ни была. Остальные бандиты тоже взглянули вверх. Глаза и рты раскрылись от удивления.

У джазихим практически не было другого выхода, как только придержать своих лошадей. Один из них повернул в сторону под углом к другим; хотя несущийся вниз противник был один, этот жалкий субъект в зеленых одеждах инстинктивно попытался удрать.

Гнедыш, прыгая, поскользываясь, съезжая вниз и снова бросаясь вперед, удерживался на ногах только благодаря своей все увеличивающейся скорости. Он летел вниз, словно орел, камнем падающий на увиденную добычу. Конан направил его в узкое пространство между сбившейся в кучу четверкой и джазихим-оди ночки, который поворачивал прочь от своих

товарищей и был справа от киммерийца.

Конан рубанул по ноге одного из бандитов, находящихся слева от него, и в ту же минуту почувствовал, как острие чьего-то меча царапает ему щеку. Он тут же рванул повод — опять влево.

Как он и ожидал, круп лошади дернулся вправо и ее правый бок с такой силой ударили лошадь джазихим, словно та налетела на огромный валун. Ее задние ноги скользнули вниз на несколько футов, она безуспешно попыталась восстановить равновесие и упала. Ее всадник, из плеча которого торчал кинжал, упал вместе с ней. То, что его нога, без сомнения, была сломана не в одном месте, почти не имело значения, потому что лошадь перекатилась через него.

Гнедыш каким-то образом удержался на ногах, продолжая свой безумный бег под гору. Левая рука Конана по-прежнему была в напряжении, заставляя животное все время отклоняться влево, делать длинный разворот на склоне холма. Он не чувствовал жалости к лошади, у которой к этому времени наверняка был разорван рот с одной стороны. Ее слюна стекала вниз по ноге Конана.

Только когда фыркающее, задыхающееся животное снова начало подниматься, Конан оглянулся через плечо, чтобы посмотреть на результаты своей, безумной внезапной атаки.

Лошадь без всадника, взвизгивая, скользила и съезжала на крупе вниз, под уклон. Еще одна карабкалась вверх по стороне бархана. Двое бандитов были на земле; один еще шевелился. А трое в потрясенном молчании глазели на киммерийца. Их вожак за какое-то мгновение был ослеплен ударом меча; другой их товарищ был ранен в плечо брошенным кинжалом и теперь раздавлен своей собственной, бьющейся на земле лошадью; третий лежал ниже по склону, зажимая обеими руками глубокую рубленую рану на бедре. Шестеро пытались ограбить и изнасиловать женщину, идущую с одним мужчиной; трое остались в живых и сохранили своих лошадей, и один из них был ранен в правую руку. И теперь он шатался в седле, а полы его одежды были залиты кровью.

— Сюда, шакалы! — проревел Конан. — Встретьте меня на вершине этого подъема, и я уложу вас всех, как бродячих псов, какие вы и есть на самом деле! Вас уже стало вдвое меньше, а на мне нет ни царапины.

В то самое время, когда он так громко выкрикивал эти слова, по его щеке струйкой стекала кровь и капала на джеллабу, но Конан не считал эту царапину царапиной. Его гнедой, с ходящими ходуном боками, отфыркиваясь и цепляясь за песок копытами, поднимался в гору.

Трое джазихим обменялись взглядами, посмотрели через плечо на своего мертвого товарища, потом на раненого, на Конана и снова друг на друга.

— Месть! — рявкнул один и, взмахнув мечом, послал своего скакуна вверх по склону. Его зеленые одежды хлопали и развевались вокруг него, а изогнутый клинок сверкал огнем на солнце.

«Черт, — подумал Конан, — они могли бы бросить эту затею, если бы не тот болван с большой пастью».

Испарана была теперь далеко впереди, а он уменьшил число их преследователей — и в то же время значительно подорвал силы своей лошади. И трое противников скакали вверх по склону параллельно с ним, по всей видимости, ничуть не устрашенные. Он решил дать коню спуститься вниз, начать подниматься на следующий холм и снова развернуться и атаковать сверху.

В ту самую минуту, как он начал поворачивать голову гнедого, громкие крики привлекли его внимание и внимание его преследователей. Все оглянулись назад, туда, откуда они прискакали, — и увидели группу из семи всадников, скачущих галопом по их следу... и на всех были темно-зеленые шарфы и более светлые одежды того же цвета.

«Мне не следовало останавливаться», — подумал Конан.

«Ну, вот и оно, — мысленно добавил он потом. — Это смерть. Что ж, я буду удирать от них, а потом вступлю в бой. Им придется убить меня в схватке, — будь я проклят, если дам им возможность захватить меня в плен и развлекаться, пытая меня, пока я не умру! Нет, я буду бежать так долго, как только смогу, и посмотрим, сколько этим не имеющих матери шакалов пустыни мне удастся забрать с собой в ад!»

Гнедыш, усердно работая копытами, добрался до гребня и перемахнул на другую сторону, а потом заскользил под гору. Конан висел на его спине, позволяя ему действовать по-своему; на этот раз животное не бросилось вниз, а съезжало по склону, барахтаясь в песке. Возможно, таким образом Конан мог обеспечить ему хоть несколько минут отдыха.

— Вытащи меня из этого, — пробормотал Конан, — и я дам тебе лучшее имя!

Ему не нужно было смотреть влево, чтобы проверить, где находятся преследователи; они спускались параллельно его курсу в двадцати футах от него и начинали заворачивать в его сторону. Правая рука последнего всадника была засунута в вырез его одежды, и он ехал, согнувшись и цепляясь за седло левой рукой.

Конан глянул вперед и увидел, что Испарана как раз поднимается на вершину другого, более высокого холма, закрывавшего горизонт дальше к югу.

Почему она стала придерживать лошадь?

Гнедыш достиг основания холма. Он споткнулся и дал понять, что с большой радостью поскакет галопом вправо, по ровной местности. Конан показал ему, что все будет совсем наоборот. Лошадь споткнулась, попыталась тряхнуть головой, задохнулась и, пошатываясь от слабости, с очевидной неохотой начала подниматься по длинному склону более крутого холма. Конан застыл животное подниматься под углом, чтобы ему было легче, и выбрал направление, противоположное также поднимающимся под углом следам Испараны.

Его преследователи были теперь ближе и надвигались с воплями. Они тоже увидели идущее им на помощь подкрепление и, совершенно очевидно, надеялись спасти свое лицо, уничтожив этого одинокого всадника прежде, чем подоспевут их приятели.

Конан решил дернуть повод гнедого в другую сторону. Испарана сможет сама позаботиться о себе, а он повернется к противнику правым боком. Однако он тут же понял, что если он это сделает, ему немедленно будет грозить опасность вступить в бой на скаку или еще что-нибудь более худшее, ибо всадники в зеленых одеждах были теперь достаточно близко для этого.

Именно в эту минуту сверху внезапно раздался разноголосый хор воплей и боевых криков, и Конан поднял глаза.

Испарана остановила своего нервного скакуна на самом гребне, а по обе стороны от нее двумя вереницами неслись вниз верблюды за верблюдом. На каждом из них человек в развевающейся на ветру белой каффии и белом бурнусе кричал, вопил и размахивал мечом. Эти неуклюжие скакуны тяжело бежали под уклон на своих больших ногах, специально приспособленных для пустыни. Песок взлетал вверх бледно-желтыми клубами. Высокие седла поскрипывали над этими смешными одиночными горбами.

Со стороны преследователей Конана послышались крики ужаса. Бандиты забыли о

своей жертве и повернули лошадей обратно под гору. Семеро их товарищев, ведя за собой выючных лошадей Конана, спускались по склону противоположного холма. Конан с мрачной и уродливой ухмылкой наблюдал за тем, как один из трех упал с коня. Человек, чью правую руку он разрубил, в конце концов не вынес потери крови, усугубившейся тем, что ему пришлось преследовать своего противника и управлять лошадью на нескольких склонах.

Верблюды пронеслись мимо Конана, и их всадники едва удостоили его взглядом.

Последние двое бандитов из тех, что напали на него вначале, были сбиты на землю ударами мечей прежде, чем им удалось достичь короткого участка ровной местности между двумя барханами. Около полдюжины всадников на верблюдах, продолжая вопить, ринулись вверх по противоположному склону. Конан подумал, что все эти жители пустыни производят очень уж много шума, когда нападают друг на друга. Потом он вспомнил крикливых киммерийцев, которых сопровождал в Венариум, и выбросил эту мысль из головы.

Всадники в зеленых одеждах тоже вопили — и бежали. Шестеро направили свои скакуны — которые наполовину скакали, наполовину скользили, — вниз по склону, на запад; седьмой, которого жадность заставила поверить в то, что он умнее всех, схватил повод, к которому были привязаны четыре выючных лошади Конана, и повернул на восток.

Конан с рыком оскорбленного собственника ударил коня каблуками и послал его вслед за грабителем. Четверо всадников на верблюдах тоже пустились за ним в погоню; остальные свернули на запад, десять верблюдов за шестью лошадьми. Эти люди в белых бурнусах, задумался Конан, должно быть, свирепые воины! При соотношении десять к шести шестеро, если они настоящие мужчины, обычно оказываются сопротивление.

Джазихим в зеленых одеждах, ведущий за собой лошадей с навьюченными на них припасами Конана, оглянулся, увидел погоню и бросил повод. Четверо животных замедлили бег и остановились. Рядом с ними пронеслись четыре верблюда, и лошади попытались брыкаться и вставать на дыбы. Конан снова повернул Гнедыша. В тот момент, когда он достиг своих выючных животных, перерезав им путь, чтобы собрать их вместе и остановить, он услышал, как их неудавшийся владелец вскрикнул и умер.

Конан едва удержался в седле, останавливая Гнедыша и подбиравая повод своих лошадей с припасами. Он остался ждать на склоне холма. Гнедыш тяжело дышал и отфыркивался; Конан похлопал его по мокрой от пота шее. Теперь, когда они стояли неподвижно, Конану стало ужасно жарко, — тем не менее он клялся себе, что никогда больше не будет скакать вот так, без своей замечательной кольчуги, купленной в Шадизаре за самоцвет из Хаурана!

Четыре человека на верблюдах поднялись к нему по склону и разделились. Конан, обливаясь потом, быстро заговорил:

— Я как нельзя более рад видеть вас, соколы пустыни! — поприветствовал он их на языке Турана, на котором, как он с надеждой предполагал, они говорили.

Они ничего не ответили; их вожак кивнул, не раскрывая рта. У всех четверых были густые короткие бороды, черные или темно-каштановые; обведенные черным глаза придавали их лицам странное, свирепое выражение.

— Это принадлежит мне и моей женщине, — сказал Конан, коротко указывая на Испарану, которая ждала на вершине более высокого холма. — Эти собаки в зеленых одеждах окружили нас, превосходя нас числом, но мы, прежде чем бежать, уложили четверых. Их вожак остался в нескольких лигах отсюда; я ослепил его.

Человек с большим носом и выющейся бородкой, который был всего на несколько лет старше Конана, уставиля на него с высоты своего дромадера.

— Кто вы? Куда вы едете? Почему женщина безоружна?

— Посмотри на его глаза! — сказал один из его спутников, едва подавляя возбуждение.

— Я Конан, киммериец, — сказал обладатель этих голубых глаз, незнакомых многим так далеко на юге. — Мы едем в Замбулу, где живет женщина. Вон там лежит человек, которого я сбил наземь, его раздавила его собственная лошадь,

— добавил он, не желая, чтобы они приписали себе все заслуги или подумали, что он ни на что не годен. — Он лежит рядом с другим, которому я разрубил ногу. Ее кинжал торчит в плече первого. А ее меч... — он тряхнул головой и легко солгал: — В нескольких лигах отсюда. Она потеряла его при нападении этих разбойников. Они враги вам?

— Они враги всем. А!

Всадники на верблюдах повернули головы к западу, откуда доносились вскрикивания и лязг металла. Их товарищи нагнали людей в зеленом и, по всей очевидности, расправа с этим воровским отродьем, предпочитавшим бежать, а не сражаться, должна была быть короткой.

Человек с кудрявой бородой и необычайно глубоко посаженными глазами, окаймленными черной чертой, вновь обратил свой взор на Конана. Тот заметил у него на лбу шрам в виде маленькой, четкой буквы v.

— Вы двое едете одни? Я не знаю ни о какой... Киммерии?

— Киммерия — это страна далеко на севере, за королевством Заморы, — сказал Конан, гадая, знает ли это племя пустыни о Заморе. — Да, мы ехали одни. Нас было четверо, и двое были убиты очень далеко отсюда. Две из этих лошадей принадлежали им, они везут их оружие. Она хочет как можно быстрее доехать до Замбулы. А вы из Замбулы?

— Нет. Лежат ли в этих выюках также уши тех, кто убил ваших товарищей? Конан покачал головой:

— Мы — э-э — не собираем ушей.

Четыре белых каффии повернулись друг к другу, и их владельцы ухмыльнулись. Один из них протянул к Конану темную ладонь, чтобы показать окровавленный трофей: только что отрезанные уши.

— А мы собираем.

— О! Ну что ж, можете забрать уши тех, которых я убил, — если только это не будет против законов чести, — довольно торопливо добавил он, увидев их нахмутившиеся брови. Он заметил также, что еще у двоих были такие же клинообразные шрамы сразу же над внутренним углом правого глаза. Он не был уверен насчет четвертого, чья каффия была немного ниже опущена на лоб.

— Это будет против законов чести. Они твои.

— Хм-м. Ну что ж, раз мой народ не собирает уши, то, возможно, ваш вождь примет их от меня в подарок.

Конан почувствовал, что это предложение тоже не вызвало у них особой радости.

— Значит, вы не из Замбулы?

— Нет.

— Вы подданные империи Турана?

— Нет.

— Эти... э-э... это место находится внутри той территории, на которую Туран предъявляет права, ведь так?

Человек с кудрявой бородой пожал плечами.

— Мы не признаем суzerenитета Турана. «Похоже, у нас неприятности», — подумал

Конан.

10. ШАТРЫ ШАНКИ

Высокие Врата Орла в Замбуле широко распахнулись. Из них важно выехали рысью всадники, колонной по два. Десять таких пар появилось перед глазами стражников, которые глядели вниз, на шлемы в виде луковиц, на острие каждого из которых разевалось три желтых вымпела. К каждому шлему была прикреплена доходящая до плеча кольчужная сетка, сверкающая и струящаяся, как змеиная кожа, в свете утреннего солнца. Каждый такой воротник из стальных колец был окаймлен тремя рядами бронзовых звеньев, для оживления цвета и украшения. Двадцать сильных всадников-солдат Империи ехали вперед. Они не ожидали никаких столкновений и не носили других доспехов.

Свободные белые шаровары каждого были заправлены в сапоги из коричневой кожи с малиновыми отворотами. Поверх шаровар на каждом солдате была малиновая туника до колен, с разрезом на спине, а поверх нее — белый кафтан-безрукавка с прорезями на спине и груди, украшенный золотым грифоном Турана. Две широких желтых ленты, одна вокруг бедер, другая от левого бедра через грудь и плечо к правому бедру, отчетливо выделялись на белом фоне. У десяти солдат были мечи, а с десяти седел с высокими задними луками свисали топоры в форме пузатых полумесяцев. У всех солдат были усы; у шестнадцати были также бороды. Шесть лошадей несли арбалеты, и каждый солдат вел в поводу сменную лошадь, везущую воду и съестные припасы.

С передней луки каждого седла свисала короткая труба с широким раструбом.

Они ехали все время на север и на пятый день растянулись в длинную-длинную линию. Каждый занял такую позицию, чтобы находиться как раз в поле зрения соседа. Актер-хан каким-то образом узнал, что мужчина-чужестранец и женщина из Замбулы приближаются к городу, пройдя через степи и пустыню по пути с далекого севера. Он послал двадцать человек им навстречу. Никто из них не знал, почему их хан придавал этим паломникам такое большое значение. Они были солдатами и должны были не знать, а исполнять. Они были эскортом. Паломникам нужно было помочь, указать дорогу, вежливо сопроводить — если только они не выкажут желания отправиться не в Замбулу, а в какое-то другое место. В таком случае необходимо было приложить все усилия, чтобы убедить их продолжить путь в город.

Если бы они стали упорствовать в своем нежелании посетить хана, их — вместе со всем, что им принадлежало, это было крайне важно, — надлежало доставить к хану любой ценой, живыми или мертвыми.

Солнце пыпало, и пустыня мерцала, и двадцать солдат ехали на север, а позади них, в Замбуле, молодой маг смотрел в свое зеркало, чтобы наблюдать за продвижением двоих, приближающихся к городу, и трижды в день докладывал своему хану. А еще он строил планы, как строили планы бунтовщик Балад и его последователи, пока Замбула мерцала и наливалась гноем, словно нарыв на теле южной пустыни. * * * У Конана и Испараны не было никаких неприятностей.

Они были гостями маленькой, расположенной в пустыне общиной шанки, чья древняя религия предписывала им ездить верхом на верблюдах, а не на лошадях, и метить каждого ребенка маленьким клинообразным шрамом на лбу — над левым углом правого глаза у мальчиков и над правым углом левого глаза — у девочек.

Но, несмотря на это, когда они вернулись в свою общину в оазисе, они вели с собой восемнадцать лошадей. На двух сидели Конан и Испарана. Две принадлежали раньше Сариду

и Хассеку. Две были выючными лошадьми Конана и Хассека. Остальные двенадцать некогда были скакунами одетых в зеленое бандитов, которых шанки называли иоггитами, по имени их бога. Одно животное во время стычки было ранено. Его убили и оставили для крылатых или четвероногих падальщиков. Шанки ни за что не стали бы ездить верхом на лошадях, или носить их шкуры, или есть их мясо.

Солнце стояло низко, и небо было прочерчено кровавыми, топазовыми и перламутровыми полосами, когда воины на верблюдах и их гости достигли безымянной обчины; это был дом шанки. Здесь высоко вздымались пальмы, и листья свисали с их верхушек, словно руки, раскаивающиеся над шатрами и небольшими круглыми кладовыми. Здесь мужчины носили белые туники с длинными рукавами поверх свободных шаровар или штанов желтого, или оранжевого, или красного, или сочного коричневого цвета, для достижения которого необходима была верблюжья моча; их женщины ходили в ярко-алом, и только юбки закрывали их тело и ноги. Замужние женщины закрывали голову так, что ни одного ее участка не было видно.

Хотя гостям сказали, что шанки живут в этом оазисе «сотни лет», единственными постройками были кладовые — зернохранилища из глины и навоза. Шанки жили в шатрах, как их предки-кочевники, и сохраняли все атрибуты и обычай воинственного народа. Здесь жило меньше пятисот человек — оазис был домом, и население строго контролировалось, — и ими управлял человек, которого называли ханом.

Не кто иной, как Хаджимен, сын Ахимен-хана, возглавил атаку на старых врагов шанки, джазихим, называемых также иоггитами. Ахимену не было еще и четырех десятков лет; его сыну и наследнику было двадцать и четыре, и его старшая сестра жила в гареме Великого Хана в Аграпуре — она была даром Ахимена. Шанки жили внутри границ Империи Турана, но не принадлежали ей. Поскольку они патрулировали пустыню поблизости и время от времени соглашались охранять караваны, король-император из Аграпура в Туране позволял им оставаться здесь, не отбывая воинскую повинность и не платя налоги Турану.

Когда Ахимен и его сын сняли белые верхние одежды, которые они надевали, только выезжая за пределы своей обчины, Конан увидел, что на них были свободные желтые кафтаны поверх алых рубах и очень длинные свободные белые шаровары. На груди у каждого к кафтану была приколота черная пятиконечная звезда.

Жена Хаджимена, безликая, облаченная во все алое, увешанная и украшенная опалами, гранатами и серебром, увела Испарану, чтобы позаботиться о ее туалете. Ахимен пригласил Конана в свой шатер. У вождя шанки были потрясающие усы: они были смазаны жиром и маслом для блеска и закручены вверх толстыми жгутами, изгибавшимися дугой на его щеках и доходившими почти до нижних век. Знак шанки над его глазом был странно изогнут двумя вертикальными морщинами, прорезанными песком и ветром. Сорок лет в пустыне сделали его лицо лицом шестидесяти летнего. В его единственное кольцо был вставлен большой гранат, а на его груди на шнурке из сплетенного верблюжьего волоса висел опал в форме полусферы.

— Конан из Киммерии, добро пожаловать к шайки. Мы разместим твоих лошадей.

— Что делают шанки с захваченными лошадьми, Ахимен-хан?

— Шанки меняют их в Замбуле, — как нельзя более учтиво ответил тот, — на хороших верблюдов и те немногие вещи, в которых шанки нуждаются. Замбулиицы с радостью берут лошадей, а также опалы, из которых мои люди вырезают фигурки верблюдов и звезды или раскалывают и полируют их, придавая им форму идеальных полусфер.

— Я заметил у шанки много опалов, — сказал Конан, — и все они прекрасны. Вы настоящие художники. Шанки сегодня захватили восемь лошадей, а я — пять.

Ахимен склонил голову. Люди с почтением уступали им дорогу на пути к шатру вождя и изумленно смотрели на человека со странными глазами, возвышавшегося над их ханом, потому что киммериец был почти гигантом, а шанки не были высокими. Конан так и не узнал, откуда это племя появилось здесь.

— Мы уважаем право Конана потребовать себе всех этих лошадей. Однако я выслушал своего сына и признаю, что восемь лошадей причитаются нам, а пять принадлежат Конану по праву сражения и захвата. Одну из наших мы убили. Эй, наполни чашу этого человека! — ибо Конану подали большую чашу, сделанную шанки из глины и обожженного песка, через какое-то мгновение после того, как он соскочил с лошади.

Пока молодой воин, которому была оказана такая честь, наполнял чашу, Конан сказал:

— Я прошу хана шанки отобрать трех из пяти лошадей для себя, ибо без его людей я и моя женщина умерли бы сегодня.

Они вошли в шатер, который стоял в центре общинны и был не крупнее, чем все остальные. Воин-шанки — на вид ему, как подумал Конан, было лет двенадцать, — не пошел за ними. Внутри были низкие столы, явно сделанные не шанки, и коврики, явно сделанные ими; они были из верблюжьей кожи или курчавого верблюжьего волоса, и некоторые были выкрашены в красный или коричневый цвет, рецепт получения которого шанки держали в тайне.

При словах своего гостя Ахимен вновь склонил голову.

— Конан чересчур щедр, — как с лошадьми, так и со словами. Однако мне кажется, что могучий воин, на которого напали шестеро и который убил пятерых, не нуждался в нашей помощи!

Конан наклонил голову, что, как он чувствовал, было правильным среди этих свирепых воинов пустыни, восседающих на верблюдах, воинов, которые были такими учтивыми в пределах своей общинны и которые не использовали прямой формы обращения. Он не стал ничего отрицать. Вождь шанки знал так же хорошо, как и киммериец, что его слова были преувеличением.

— Это были всего лишь иоггиты, — сказал Конан, зная, что сделает этим приятное человеку, которого он уважал; киммериец редко встречал таких людей. Он заметил, что Ахимен притворно сплюнул.

— Я приму одну лошадь как щедрый дар Конана, — сказал Ахимен.

Киммериец, ободренный этим торгом наоборот, нервно решился сделать широкий жест и притвориться щедрым до смешного.

— Ахимен-хан вызовет мое неудовольствие, если не примет пять лошадей.

— Возможно, я не вызову неудовольствия своего гостя, если приму трех лошадей, — вернулся к первоначальному предложению Ахимен-хан, — по его выбору.

— Это будут три лошади по выбору хана, — ответил Конан. Хотя мечтой его жизни было стать бога тым, он не мог представить себе, что это произойдет путем непрерывного приобретения скота или недвижимости.

— Для меня будет честью выбрать двух из пяти лошадей моего гостя.

— Я верю, что выбор хана будет наилучшим, хотя это всего лишь лошади, а не верблюды.

— Я доволен, — сказал Ахимен-хан.

— Я доволен, — сказал Конан.

— Наполните чашу нашего гостя! — сказал Ахимен.

Поскольку в шатре больше никого не было, он поднял кувшин и сам наполнил чашу. Конан поклонился. Хан, чей шатер был цвета песка и украшен двумя связками человеческих ушей — по одной с каждой стороны входа, — повернулся к перегородке, образованной плотной непрозрачной занавеской алого цвета, и дважды щелкнул пальцами.

Из-за перегородки вышли две тоненькие девочки, едва достигшие зрелости и достаточно похожие друг на друга, чтобы быть сестрами. На каждой из них были огромные, тяжелые бронзовые серьги, которые, без сомнения, со временем должны были оттянуть мочки их ушей ниже линии челюсти; на каждой был довольно широкий и толстый бронзовый ножной браслет; левое предплечье каждой было обернуто и обвязано сплетенными в косичку полосками верблюжьей кожи, затянутыми угрожающе туго. Больше ни на одной из них вообще ничего не было, и когда они упали на колени и низко поклонились, Конан попытался не смотреть на них во все глаза. Несмотря на их возраст, ему внезапно захотелось оказаться позади них.

Из-за их спин вышла и прошла между ними молодая женщина. Она казалась совершенно бесформенной в нескольких красных одеждах, надетых одна на другую и украшенных серебром и опалами. Один опал торчал из ее левой ноздри, которая, как понял Конан, была проткнута, а левый рукав ее одежды был плотно обернут темной кожей. К ее груди была приколота черная пятиконечная звезда. Губы были выкрашены в черный цвет, глаза обведены — с очевидной тщательностью — непрерывной угольной чертой, так что зрачки казались огромными; а украшение из слоновой кости, свисавшее спереди ниже ее талии, было непристойным.

— Моя дочь Зульфи, — сказал Ахимен-хан. Пока Конан рылся в мозгу, пытаясь отыскать слова, достаточно учтивые для шанки, Зульфи закрыла лицо руками и очень низко поклонилась. Конан происходил из воинственного племени и находился сейчас среди таких же воинственных людей, поэтому он чувствовал, что ему подобает стоять совершенно неподвижно. Если он нанесет этим оскорбление, то извинится и напомнит своему хозяину, что приехал издалека. Если это будет недостаточно, думал киммериец, то вечно эффективное решение проблемы висело у него на бедре.

— Ханская дочь Зульфи — красавица и делает честь его шатру и его чреслам, — сказал Конан, и эти необычные слова явно понравились и женщине с губами странного цвета, и ее отцу.

В этот момент появилась еще одна женщина; она, казалось, не имела лица и даже головы под алой вуалью, украшенной золотыми арабесками и свисающей до пояса, который был сделан из серебряных дисков и опускался ниже ее широкого, крепкого живота. Диски, как разглядел Конан, были монетами, и он понял, что эта женщина носит на себе немалый их вес.

— Моя жена Акби, — сказал Ахимен. Ее поклон, как заметил Конан, был не таким глубоким, как у ее дочери.

— Мне оказана честь и... удовольствие в том, что я лишен созерцания, без сомнения, ослепительной красоты матери прекрасной Зульфи и такого красивого сына, как Хаджимен.

«Еще несколько подобных речей, — кисло подумал Конан, — и мое пиво может попроситься обратно».

Акби снова поклонилась. Она и Зульфи удалились в темный угол и уселись там; их плавные, струящиеся движения почти не колыхали закрывающих все тело алых одежд.

Ахимен щелкнул пальцами. Две обнаженные девочки неуклюже отползли назад и устроились по обе стороны от женщин.

— Дочери иоггитов, — сказал Ахимен и притворно сплюнул.

— Конечно, — сказал Конан, гадая, как долго пленниц держали обнаженными... и сколько времени могло пройти, прежде чем их левые руки высохнут и отомрут.

Хан повернулся к своей жене и дочери:

— Зульфи, ты будешь служить мне и этому гостю в нашем шатре. Женщина — забери своих животных и приготовь нам пищу.

Конан отметил, что двое «животных», слегка прихрамывая из-за своих больших металлических ножных браслетов, вышли из шатра раньше своей хозяйки. Зульфи подошла к мужчинам и заглянула в их чаши. Обе были еще полны густого шанкийского пива. «Даже в пустыне, где каждое зернышко на счету, люди умудряются варить пиво!» — размышлял Конан. Или, может быть, шанки покупали его в Замбуле, в обмен на резные опалы из какой-нибудь местности с мягкой глинистой почвой и на лошадей, чьи хозяева были убиты.

Киммериец надеялся, что Ахимен не ждет от него никакого ответного жеста. Испарана благоразумно согласилась на то, чтобы называться среди этих примитивных воителей «женщиной Конана». Однако тот не мог и представить себе, чтобы такая гордая и умелая воровка и посланница хана выполняла роль служанки даже перед этим могущественным вождем целых пяти сотен людей. В то же самое время его заинтересовало, что с ней стало.

— Я хотел бы спросить, где моя женщина, Испарана.

— Она получит одежду, подобающую женщине, — сказал ему Ахимен-хан, — и будет наблюдать за тем, как вбивают колышки для шатра Конана, как и приличествует женщине, путешествующей со своим мужчиной.

— О-о! — сказал Конан.

— Наполни чашу этого человека!

Зульфи выполнила приказание; Акби была снаружи вместе со своими «животными»; Конан видел там раньше две плиты со стенками из глины и теперь ощущал запах жарящегося на жире чеснока.

— Мой гость не привычен к пустыне, — сказал Ахимен, гибким движением соскальзывая на колени и затем усаживаясь на коврике из верблюжьей шерсти, расстеленном на верблюжьей же шкуре, покрывающей землю. Он знаком показал, что Конану следует присоединиться к нему.

Конан так и сделал.

— Нет, — сказал он. — На моей родине, которую я покинул, нет пустынь, и в течение некоторой части года там бывает очень холодно.

Ахимен кивнул.

— Я слышал о холодах, — серьезно сказал он, хотя Конан прекрасно знал, что в пустыне по ночам может быть мучительно холодно. — И глаза Конана, имеющие странный небесный оттенок, не страдали от песчаной слепоты.

— Нет.

— Конана хранят боги. Сущее наказание — эта песчаная слепота. Мы носим на себе специальный камень, чтобы уберечься от нее. И, естественно, проводим углем черту под глазами. Зульфи, принеси нашему гостю блеск-камень.

Зульфи, шурша одеждой и позывая украшениями, скрылась за перегородкой, а Конан почувствовал, как у него заурчало в желудке: снаружи Акби готовила что-то невероятно

аппетитное. Хлеб с чесноком, в этом он был уверен, но надеялся на большее. Он прекрасно понимал, что не следует отказываться ни от какого подарка... а потому, когда Зульфи вернулась с гранатом размером со сливу, он припомнил Ахименов торг наоборот.

«Только согласись принять этот огромный камень, — подумал киммериец, — и будешь, как эти — тьфу — иоггиты!»

— Я приму в дар блеск-камень, в десять раз меньший, чем это сокровище.

— Ах! Теба выказывает неудовольствие, — сказал Ахимен, словно жалуясь кому-то богу, как предположил Конан, — имя было ему незнакомо. — Гость не хочет принять предлагаемый ему дар! Зульфи, защищи нашу честь; принеси блеск-камень в половину меньше этого!

— Я приму дар хана, — сказал Конан, в душе которого шанкийское понятие о долге и честь спорили с природной склонностью, — не больше, чем в одну двадцатую этого.

Ахимен вздохнул, словно в отчаянии.

— Наш гость согласен принять от нас в дар лишь третью часть того, что мы хотим ему дать. Принеси такой камень, Зульфи.

— Мне оказана слишком большая честь, — ответил Конан, пытаясь проглотить душившую его жадность и не выглядеть при этом огорченным. — Моя собственная честь не позволит мне принять столь богатый дар! Я могу принять всего лишь десятую часть того камня, что находится в прекрасных руках дочери хана.

— Наш гость сам оказывает себе честь своей скромностью, — отзывался Ахимен-хан, хлопая себя по лбу.

Потом, к потрясению Конана, он вытащил из-за широкого алого кушака, опоясывающего его талию под кафтаном, изогнутый нож и коснулся его острием своей груди, когда рука киммерийца уже начала двигаться, чтобы схватить и сдавить запястье хана.

— Если мой гость, который дарит мне множество лошадей, не примет в дар два камня в десятую долю этого, — который в действительности слишком велик, чтобы его можно было носить, так что я стыжусь своего предложения, — я убью себя в тот же миг.

— Пусть рука хана остановится, — ответил Конан, которому хотелось расхохотаться. — Я скорее пролью собственную кровь и даже умру, чем навлеку на шанки роковой удар, позволив их великому хану получить хотя бы царапину.

Ахимен бросил взгляд на киммерийца. Конан не мог быть уверен, был ли это взгляд восхищения цветистостью ответной речи или некоторой горечи от того, что гость «сдался». Зульфи ударила, шелестя и позвякивая.

— Позволительно ли мне поклониться дочери хана при ее возвращении?

Лицо Ахимена приняло шокированное выражение, и Конан почувствовал, что это не притворство.

— Каким образом я обидел Конана из Киммерии, что он хочет поклониться женщине, да еще в моем шатре?

Конан быстро подумал и вытащил маленький кинжал, служивший ему для еды.

— Я убью себя, — сказал он и начал импровизировать. — Среди некоторых народов это означает великую честь, если человек предлагает поклониться дочери другого.

— Ах! — рука Ахимена поднялась к его бороде и прочесала ее пальцами. — Захватывающая идея! Я вижу, что Конан хотел только почтить меня. Люди во всем мире так различны, не правда ли? Какие странные обычай должен знать мой гость!

— Да, — торжественно сказал Конан, пряча кинжал в ножны и вспоминая о словах

этого жителя пустыни о холоде: «Я слышал о нем», — сказал Ахимен.

— Да, — повторил киммериец. — Некоторые убеждают рабов принять их богов и обычай и воспитывают их внутри своего племени. Потом эти рабы вступают в брак с членами захватившего их племени, и их дети ничем не отличаются от остальных.

Ахимен потряс головой; он выглядел так, словно его вот-вот вырвет.

— Без сомнения, в Киммерии обычай не таковы!

— О нет, — сказал Конан.

Он узнал то, что ему хотелось знать. В течение сотен лет эта маленькая группа из пяти сотен человек практиковала эндогамию, так что кровь шанки все время сохранялась в них, — откуда бы она ни появилась, — а обряды и обычай с прошествием времени становились лишь более замысловатыми и строгими.

Зульфи вернулась с двумя гранатами, каждый из которых был достаточно большим, чтобы образовать головку рукояти кинжала. Каждый был искусно и, без сомнения, с большими усилиями просверлен и подвешен на шнурке из сплетенного верблюжьего волоса. Конан вежливо принял дары, позабывшиесь не поклониться дочери Ахимена, хана пяти сотен человек.

— Да одарит Теба Конана из Киммерии орлиным зрением и защитит его от песчаной слепоты, — сказала она, и Ахимен повторил эти слова вслед за ней.

— Может ли гость, который боится нанести оскорбление, спросить: почему хан и его семья носят звезды из темной ткани, в то время, как на других шанки я их не видел? Это знак семьи хана?

— Нет, — сказал Ахимен, глядя на коврик между своими скрещенными ногами. — Мы носим траур, человек из Киммерии. Мои люди только что сняли черные звезды Смерти, проносив их месяц. Мы будем носить свои звезды целый год, и к концу этого времени звезды будут приколоты к телам двух рабов, а эти рабы — сожжены.

Мысли Конана обратились к двум маленьким обнаженным рабыням, но он не был потрясен. Эти люди были воинственным племенем. Иоггиты были их смертельными врагами, а обычай есть обычай. И к тому же Конан жил в Шадизаре, где в храмах, посвященных многим странным богам, исполнялись как нельзя более отвратительные и ужасающие обряды, как с животными, так и с людьми, и кровавые жертвоприношения, которые были такими же древними, как и сама его раса — раса самых жестоких животных во всем мире.

— Гость погружен в траур вместе с хозяином, — сказал Конан, опустив взгляд на свой коврик. — У хана шанки был другой сын, который теперь потерян для него?

— Нет. Дочь. Я послал ее, в знак почести и большой дружбы, хану замбулийцев. Она была девой в расцвете юности, несорванная белая роза скал. Среди этих людей, живущих за стенами, дочь пустыни зачахла и умерла. Нам сообщили об этом. Хан замбулийцев послал известие, что она ожидала ребенка, без сомнения, сына; хан хотел почтить нас, положив ее тело рядом с телами своих предков и своих женщин. Мы прощаем ему это, ибо он не мог знать, что она не хотела бы быть вот так заточенной в земле. Ее следовало, конечно же, вернуть в пустыню, которая была ее домом, где ее сожгли бы и прах развеяли по ветру, чтобы он соединился с песками.

— Конечно, — отозвался Конан.

— Я опечален этими мыслями, — сказал Ахимен, — а так не подобает вести себя в присутствии гостя-воина! «Отдай горю время, отведенное для горя, — говорит нам Теба, — и

радости — время для веселья, и всегда радушно принимай гостя в шатрах шанки». Зульфи! Наполни нам чаши! — Ахимен обратил на Конана пылающий страстью орлиный взор. — Мы напьемся вместе, воин из Киммерии!

«А утром я отправлюсь в Замбулу с распухшой головой, — подумал Конан. — Надеюсь, нам не придется напиваться до того, как мы поедим!»

Им не пришлось, хотя блюдо из приправленных пряностями овощей, сваренных в пиве, и куски, оторванные от широких, плоских лепешек маслянистого, начиненного чесноком хлеба из цельной пшеничной муки, не показались пиршеством человеку с холмов Киммерии, который ел мясо практически с рождения, — несмотря на всю аппетитность подсоленных яств Акби.

А вот жажду они вызвали. * * *

— Ты... ты так красива, — сказал Конан Испаране утром, даже не пытаясь скрыть свое изумление. Он открыл глаза, лежа на спине, и обнаружил, что она сидит рядом с ним.

Ее брови были со знанием дела выщипаны, чтобы придать им определенную форму, и смазаны жиром; ее губам, хоть они и были выкрашены в жутковатый черный цвет, как у женщин шанки, была с помощью косметики придана форма и блеск; глаза, обведенные углем, казались огромными, а с ресниц уголек прямотаки сыпался; ногти были накрашены лаком. Ее покрывали алые одежды шанки. Большой белый опал на цепочке из сплетенного верблюжьего волоса, сверкая розовыми и зеленымиискрами, тяжело покачивался между ее грудей, подчеркивая их выпуклость.

Конан приподнялся и сел в шатре, в который он не помнил, как заходил, и увидел, что ногти на ногах Испараны тоже накрашены лаком. У нее были очень красивые ступни, и кожа на них была не темнее, чем у него.

— Ты... отвратителен, — бесстрастно сказала она. — Тебя почти втащили сюда намного позже восхода луны; ты был пьян, бормотал что-то, и от тебя воняло чесноком и их пивом — и сейчас еще воняет!

Он ухмыльнулся, отмечая при этом, какой тяжелой кажется его голова, и гадая, будет ли она выражать протест, если он перейдет к активным действиям.

— И ты меня не убила.

— Убить тебя? Зачем мне тебя убивать?

— Ну как же, Спарана, — сказал он, опуская свою очень большую ладонь на ее бедро, — мы с тобой соперники и заклятые враги, разве ты не помнишь?

— Я помню. А еще я бросила кинжал, который спас тебе жизнь, помнишь?

— Помню. Я благодарен тебе. Значит, мы союзники. И ты даже не обыскала меня. Она посмотрела на него.

— У тебя с собой кинжал, два неплохих граната на шнурках из верблюжьего волоса — к удаче, по поверьям этих лунатиков, — неплохое кольцо, спрятанное в кошельке, и этот хлам, от которого несет чесноком, у тебя на шее.

Конан ухмыльнулся — он предусмотрительно натер глиняный «амulet» со вставленными в него стекляшками шанкийским хлебом, когда почувствовал, что вот-вот отключится. Значит, она его обыскала!

— А если бы Глаз Эрлика был спрятан на моей прекрасной персоне?

— Ну, я бы распорола заднюю стенку твоего шатра твоим же кинжалом, дорогой Конан, а потом воткнула этот кинжал под твои воняющие чесноком ребра и была бы теперь за много лиг к югу отсюда!

— Ах, Спарана, Спарана! Какой мерзкой каргой ты хочешь быть! Как повезло нам обоим, что ты не нашла драгоценный амулет своего драгоценного хана.

И он притянул ее вниз к себе.

— Уф, — пробормотала она. — Пиво и чес... Лицо Конана выразило протест, и он приказал ей убираться прочь и помалкивать.

11. ШПИОНЫ ЗАМБУЛЫ

Факелы мигали. От них клубами поднимался вверх маслянистый дым, который добавлял густоты зловещей черноте балок, соединяющих каменные стены, поднимающиеся от темного, твердого земляного пола. Жертва свисала с одной из этих балок, и ее ноги едва касались пола.

Человек в черном капюшоне еще несколько раз обернулся ужасно тонкую веревку вокруг ее запястий и бездушным рывком завязал надежный узел. Ее тело качнулось, и пальцы ног напряглись, чтобы не оторваться от пола. Она — очень белокурая, и юная, и обнаженная, если не считать рубцов, — судорожно втянула в себя воздух, и тело ее содрогнулось от вырвавшегося у нее долгого стона. Ее руки были связаны так крепко, что в кисти не поступала кровь. Человек в капюшоне затягивал веревки, пока они не начали сдирать кожу, впиваясь в запястья и предплечья. Теперь она совсем не чувствовала своих рук, только покалывание в них. Она спрашивала себя — обреченно, словно речь шла о ком-то другом, — были ли они темно-красными, или пурпурными, или уже покернели.

Странно, но она ощущала жар в руках; так подтянутые кверху, они должны были бы мерзнуть. Она сделала еще одну попытку вырваться, но убедилась, что это бесполезно. Она была связана так, что была совершенно беспомощна и не могла сделать ни малейшего движения. Ее пятки чуть-чуть не доставали до пола... так что она касалась его только пальцами и подушечками ступней. Человек в черном капюшоне был высок, и у него были длинные руки.

Булькающие, горловые, резкие звуки вырвались из ее пересохших губ, которые она никак не могла сомкнуть.

Двое людей в мантиях наблюдали за ней. Один из них сказал:

— Вверх.

Она всхлипнула, услышав этот приказ. Она знала, что он означает. Веревки тянулись от ее запястий вверх и были перекинуты высоко над ее головой через балку, обернутую кожей.

Человек в черном капюшоне подтянул ее вверх так, что ее ноги оторвались от пола. Ее вопль был ужасным. Двое мужчин в мантиях наблюдали за ней в молчании, и факелы мигали. Человек в черном капюшоне начал поднимать и опускать веревку вместе с подвешенным над ней грузом, словно звоня в огромный колокол. Его большой живот напрягся от усилий.

Болтающаяся на веревке жертва, подскакивая вверх и падая вниз, начала беспрестанно стонать; ее ребра, казалось, пытаются прорваться сквозь плоть. Ее вытянутое, обмякшее тело крутилось и раскачивалось, как маятник, и в то же самое время веревка дергала его то вверх, то вниз. Пот лился с нее ручьями. Она всхлипывала с каждым, трудно дающимся ей вздохом.

— Говори!

Она услышала голос; она заскулила, и слезы покатились по ее щекам, но она не произнесла ни слова.

— Я не вижу, к чему продолжать это. Используй раскаленное железо.

— Не-ет... — пробормотала она, и ее голова упала на грудь.

Человек в черном капюшоне закрепил конец веревки так, что только пальцы ног жертвы касались земляного пола, и вытащил из-за пояса перчатку. Он натянул ее, шагая к жаровне, зловещей черной твари с огненными волосами, присевшей на своих трех ногах. Из нее

торчали деревянные ручки двух тонких прутов из черного железа. Он вытащил один из них; конец прута был раскален добела. Он пожелтел, пока человек в черном капюшоне неторопливо возвращался к своей жертве, которая широко раскрытыми глазами следила за его приближением. Она снова пробормотала «нет» этим едва слышным голосом, и он поднял прут.

На глазах у наблюдающих людей в мантиях он твердо, безжалостно прижал прут к ее телу, которое извивалось и дрожало от ужасного предчувствия. Из ее горла вырвался крик; ее голова дернулась вверх и назад, и новые струйки пота, блестя, покатились по ее телу. Люди в мантиях услышали резкий шкворчащий звук и почувствовали запах горелого мяса.

— Хватит.

Человек в капюшоне отвел прут в сторону. Его жертва висела перед ним, всхлипывая, тяжело дыша; она ощущала запах паленой кожи. Пот лился с ее тела и склеивал ее волосы.

— Говори!

Она несколько раз сглотнула, захлебываясь воздухом, всхлипывая, тяжело дыша.

— Еще раз.

Человек в капюшоне сделал движение, и она почувствовала, как жар железа приближается к ее телу.

— Перестаньте. Я скажу вам. Ее голос был монотонным, безжизненным, умоляющим.

— Перестань, — сказал человек в мантии — тот, у которого был меч. У более молодого человека, стоящего рядом с ним, оружия не было. Красивый медальон из золота, жемчуга и топазов словно горел у него на груди поверх туники.

— Что ж, говори. Держи прут наготове, Балтай. Человек в черном капюшоне остался стоять рядом с ней с прутом в руке, словно надеясь, что она скажет недостаточно. Он был крупного сложения, высокий и тяжелый.

— Ты шпионка Балада?

— Да.

— Ты служишь женщине по имени Чиа, и живешь здесь, во дворце, вместе с ней, и шпионишь за ней и за мной в пользу этого предателя, Балада.

Она заколебалась; человек в капюшоне шевельнул рукой.

— Да, — сказала она, соглашаясь даже с тем, что Балад был предателем.

— Он платит тебе?

— Да.

— Как он тебе платит?

— Мои... мои родители живут хорошо... и не знают почему. А... я... я...

— Говори!

— Я должна получить покой моей госпожи, когда Балад захватит Замбулу, и... и она должна будет служить мне.

— Идиотка! Аквилонийская дура! Ты можешь себе представить, чтобы величественная аргоссианка Чиа, которую я называю Тигрицей... можешь ли ты представить себе, чтобы она согласилась служить тебе? Ты заключила идиотскую сделку, и посмотри, куда это тебя привело!

— Ба... Балад заставит... заставит ее!

— О, конечно, заставит! Ты не проживешь и дня, как она воткнет в тебя несколько своих драгоценных булавок для одежды, глупая ты аквилонийская потаскуха! Каким образом ты передаешь сообщения предателю Баладу?

— Он... он не предатель! Он пытается освободить Замбулу от...

— Балтай!

Человек в капюшоне отреагировал движением руки и затянутой в перчатку кисти. Конец прута уже немного остыл и стал красным, но все же сделал свое дело, и они услышали это и почувствовали носом; она вскрикнула и, обмякнув, закачалась на веревках.

Вода и крапива привели ее в чувство.

Она рассказала, что три дня из каждых десяти встречалась с дворцовым стражником Хайджей и передавала ему сообщения. Нет, она сама никогда не видела Балада. Он послал ей известие и тот самоцвет, который они нашли спрятанным в ее волосах. Нет, она не могла показать им это известие; она не умела читать, и записку унесли обратно. Она уверена, что узнала печать и его имя.

— Это мог быть твой смертный приговор, ты, глупая тварь!

— Не-е-ет...

— Хватит. Балтай, положи прут на место. Поднимись сюда.

У пленицы вырвался долгий вздох, и она, обмякнув, повисла на веревках, пытаясь опереться на пальцы ног и тяжело, с усилием дыша. Человек в капюшоне сунул прут обратно в жаровню и поднялся по двадцати и пяти ступеням, ведущим из подземной темницы к двоим в мантиях, стоящим на площадке лестницы.

— За мою спину, — сказал его господин, и Балтай шагнул за спину человека с мечом. Другой человек в мантии тоже отступил назад на шаг, так что Актер-хан остался стоять в одиночестве перед ними.

— Убей ее, — сказал Актер, и в ту минуту, когда хан произносил эти слова, губы второго человека шевельнулись.

— Уф! — пропыхтел палач и еще больше отступил назад, ибо из ножен, висящих на боку у его господина, сам собой выскоцил меч. Он какое-то мгновение колебался в воздухе, потом понесся вниз, в подземелье и, описав небольшую дугу, словно его держал в руке бегущий — или летящий — невидимый человек, погрузился в грудь пленицы — чуть слева от середины. Актер-хан улыбнулся и, продолжая улыбаться, повернулся к своему магу.

— Нехорошо было лишать Балтая такого прелестного объекта для долгой финальной пытки, — сказал он, — но кто мог бы устоять и не применить твой чудесный меч, Зафра!

Зафра скромно улыбнулся в ответ.

— Возможно, мой господин оставит этого охранника, Хайджу, Балтаю, как... возмещение, — сказал молодой волшебник.

Актер-хан кивнул и повернулся к палачу.

— Да будет так, Балтай! Хайджу скоро приведут к тебе. Покажи ему... это, — сказал он, указывая вниз, в подземелье, где висела Митралия, аквилонийская служанка Тигрицы Чиа. Она уже не дышала. — И проверь, знает ли он кого-нибудь еще, кто замешан в этом деле. Поработай над ним, Балтай.

— О, мой добный господин знает, что я это сделаю!

— Да — и еще я знаю, что ты сделаешь, как только мы двое покинем твои владения, ты, негодный извращенец! — Актер улыбнулся. — Идем, Зафра, королевский маг Замбулы!

— Мне принести моему господину его меч?

— Балтай! Вытащи меч из этой коровы и принеси его мне!

— Мой... мой господин...

— Не бойся, Балтай, мой верный пес; как и ты, этот меч повинуется только твоему

хозяину. Он не причинит тебе вреда. Теперь это просто меч.

Балтай не торопился, спускаясь по ступенькам, и Актер улыбнулся своему магу и даже положил руку тому на плечо.

— Мой верный Зафра! — спокойно сказал он. — Насколько ты ценен для меня! И ты был прав — она действительно была шпионкой и выдала нам другого шпиона. Признаюсь, кстати, — я опасался, что она может обвинить мою Тигрицу! Однако девчонка явно ненавидела ее и завидовала ей, и Балад сделал бы Чия рабыней — если бы ему когда-нибудь удалось его безумные планы!

Зафра слегка поклонился.

— Я должен сказать моему господину, — отозвался он столь же спокойно. — У меня появились подозрения, когда я заметил, как она вела себя, когда я посещал ее хозяйку, твою Тигрицу. Мой господин Хан вспомнит, как по слухам того, что я преподнес ему меч, он послал Тигрицу Чия ко мне.

— В тот же самый вечер. Конечно, я помню. Ты говоришь мне, что ты... был с ней после того раза? Зафра не поднимал головы.

— Мой господин, это так. Я должен сказать тебе, хоть мне и было тяжело собраться с духом. Мы провели... довольно много времени вместе.

Актер расхохотался и снова похлопал мага по узкому плечу.

— Ты любишь ее, Зафра?

— Мой господин, — честно сказал Зафра, — нет.

— А как ты думаешь, она тебя любит?

— Нет, господин Хан.

— Ну тогда, поскольку я послал ее к тебе для твоего развлечения и начал все это сам, как я могу возражать против того, что мой королевский маг проводит время с неотразимой Тигрицей, а? Я не могу высказать, как я благодарен тебе за то, что ты сказал мне, Зафра, — ибо я знал, уже несколько недель. Месяц, и даже больше, — Актер улыбнулся удивленным глазам своего мага. — Однако я найду тебе женщину, которая будет только твоей, Волшебник Замбулы.

— Вот твой... меч, господин Актер-хан.

— Ах да, — Актер повернулся и взял клинок у Балтая. — Ты хорошо поступил, что вытер его до блеска, Балтай!

— Я всего лишь вернул ей кровь, господин Хан. Она ничего не заметила.

Актер-хан, смеясь, вышел из темницы вместе со своим магом, и немного погодя два человека передали в руки Балтая безоружного молодого стражника. Поскольку Хойджа был абсолютно ни в чем не виновен и почти не знал Митралию, он посмотрел на ее тело без особых эмоций; он и до этого видел мертвых женщин, хоть, правда, ни у одной из них не было на теле следов от девяноста или более ударов раскаленным железным прутом. * * *

— Он действительно знал о нас, Чия, — сказал Зафра. — Теперь мы в безопасности; он был так благодарен мне за то, что я «признался» в нашей дружбе.

— А Митралия?

— Умерла, бедняжка. Настой, который ты дала ей по моему велению, сделал свое дело, и мое заклинание тоже; она в самом деле созналась, что была шпионкой Балада, и сказала именно то, что я приказал ей сказать, когда ее сознание было открытым и беспомощным предо мной. Она обвинила того охранника, о котором ты говорила...

— Хойджу.

— Да.

— Хорошо. Эта скотина имела дерзость открыто плятиться на меня, — Чия вздохнула и нежно погладила его. — Однако мне будет не хватать Митралии; она любила мои волосы и расчесывала их лучше, чем кто бы то ни было! Теперь мне придется искать другую служанку и учить ее!

Зафра усмехнулся.

— Посмотри, я причешу их своими пальцами. Мне думается, наш хан сам выберет следующую девушку, которую пошлет к тебе!

— Хм-м... но... Зафра? Хойдже не в чем признаваться.

— Значит, он ни в чем не признается. Балтай будет поражен его мужеством и силой воли — и рассержен тоже. Хойджа долго не протянет.

— Ах, Зафра, Зафра! Мой любимый гений.

— Я не отрицаю этого, любовь моя. Но только теперь будь крайне осторожна, когда будешь передавать сведения агенту Балада.

12. ЭСКОРТ ДЛЯ ДВУХ ВОРОВ

Хаджимен и десять восседающих на верблюдах шанки должны были сопровождать Конана и Испарану в Замбулу. Это решение, объявленное Ахименом, не встретило возражений, и Конан не видел никаких оснований, чтобы возражать самому. Он помешал Испаране шокировать шанки просьбой принести ей мужскую одежду, предназначенную для езды верхом, указав ей, что алые одежды шанкийских женщин достаточно просторны, чтобы позволить ей сидеть на лошади, а для этих людей, их друзей, сама мысль о женщине в каких бы то ни было штанах казалась варварской и даже того хуже.

— Ну и что? Я еду в компании с варварам!

— Они этого не знают, Спарана. А теперь повесь блеск-камень себе на шею и собирайся. Нет смысла ждать до полудня, чтобы отправиться в путь.

— Конан.

Он уже поднялся, чтобы уходить; теперь он оглянулся.

— У меня был меч, Конан. Ты забрал его. У меня был кинжал, и я использовала его, чтобы спасти тебя, — хотя только Эрлик знает, почему!

Конан вопросительно посмотрел на нее. Он уже поблагодарил ее; он знал, чего она хотела сейчас, и пользовался возможностью обдумать это.

— Мне нужен меч и кинжал, — сказала она.

— С охраной из одиннадцати человек на верблюдах тебе вряд ли понадобится оружие.

— Сказал стигиец кушиту!

— Хм, — он очень слабо улыбнулся ей. — Ты права. Первый вопрос, который задали эти люди, был о том, почему у тебя нет оружия. Та наша лошадь несет на себе целый арсенал! Меч и кинжал Хассека, и Сарида...

— И мои...

— И тех пяти иоггитов, плюс два меча, которые мы с Хассеком... приобрели в Шадизаре.

— И мой меч.

— Да, и твой меч... а! Подожди, Спарана. Выйдя из шатра, Конан подошел к тому тюку, который он называл их «арсеналом», и развязал его. Хаджимена — на глазах Ахимен-хана — киммериец заставил принять добрый аквитанский меч самарритянина Сарида. Потом он показал им диковинку — ужасный ильбарский нож Хассека. Еще он показал шанки клинок без эфеса, принадлежавший некоему королевскому агенту из Шадизара в Заморе, и лаконично обрисовал историю его приобретения. Шанки расхохотались; и Хаджимен, и другие встречали в Замбуле самоуверенных фатов — которых они называли «хфатами» и от которых многое вытерпели.

Люди пустыни выразили свое восхищение выработкой и ценностью усыпанного корундами кинжала дорогого Ферхада, с его отделанным серебром клинком.

— Это подарок для моей возлюбленной Испараны, — сказал Конан. — Я сохраню тот, который она использовала, чтобы... помочь мне в схватке с этими иоггитами.

Хаджимен сплюнул. Конан с готовностью сплюнул тоже. «Восхитительный обычай», — подумал он, обещая себе снова и снова упоминать в разговоре одетых в зеленое джазихим, чтобы присоединиться к шанки в ритуальном сплевывании.

— Это жест настоящего мужчины, — прокомментировал Хаджимен подарок Конана его

«возлюбленной женщине». — Я навьючил на своего верблюда одежды, которые стали мне малы, когда я в шестнадцать лет внезапно вырос. Я знаю, что женщина Конана — воин. Как только мы отъедем отсюда на достаточное расстояние, и мой отец и другие не смогут об этом узнать и прийти в ужас, я подарю эти одежды женщине-воину, которую зовут Испарана.

— Это очень любезно, — сказал Конан, — хотя ей нравятся ее роскошные наряды женщины-шанки.

«Примерно так же, как мне нравится есть крапиву», — подумал он. Значит, Хаджимен представлял либеральное новое поколение, вот как? Досадно; шанки могут измениться под его властью, когда придет очередь Хаджимена называться ханом.

— Мне жаль, что у нас нет одеяний, достаточно больших для нашего гостя,

— продолжал Хаджимен, — кроме кафии и одежды для езды на верблюде, которые мы с удовольствием преподносим ему.

— Они мне нравятся, — улыбаясь, сказал Конан, хотя, по правде говоря, ему было жарко в халате на подкладке и в кольчуге, которую ему еще предстояло омочить в крови, несмотря на то, что он владел ею уже два месяца. Поскольку шанки не носили кольчуг, Конан прикрыл свою туникой, которая сейчас приходила в полную негодность с изнанки, как и любая одежда, которую носят поверх кольчуги или чешуйчатых доспехов. Конана ожидала награда в Замбуле! Тогда, если ему захочется, он сможет нарядиться в алую тунiku, расшитую узорами!

На киммерийце были надеты широкие, раздувающиеся малиновые шаровары шанки; они были ему слишком коротки, но он не обращал внимания на это. Сапоги прикрывали ему икры; сколько же человеку нужно одежды на ногах?

— Когда я вручу это оружие Испаране, — сказал он, — мы будем готовы покинуть пристанище шанки.

— Но не их компанию. Наши верблюды опустились на колени, ожидая Конана из Киммерии.

— Называй меня просто Конаном.

— Я только что сделал это, гость моего племени. Конан, улыбаясь, повернулся и пошел к Испаране.

Она с суровым, мрачным выражением лица застегнула на талии пояс с ножнами и слегка сдвинула его так, чтобы меч свисал вдоль ее левой ноги. После этого она выразительно посмотрела на более короткие ножны у себя на правом боку, а потом на Конана.

— А мой кинжал? Ты ведь вытащил его из тела этого иоггита, не так ли?

Конан сплюнул на манер шанки и улыбнулся.

— Да, хотя это было нелегко. Слетев с лошади, он упал на раненую руку и пригвоздил ее к своей груди твоим кинжалом. Я сохранию его себе на память. Помнишь, как мы впервые встретились, Испи...

— «Спарану» я еще терплю, — заявила она. — «Испи» я терпеть не буду!

— ..Двое воров, — продолжал он, — свирепо глядящих друг на друга через эту жуткую комнату Хисарр Зула? Кто бы мог поверить тогда, что в один прекрасный день ты спасешь мне жизнь — совершенно сознательно!

— Я действовала не думая.

— Как и в тот день, когда нас схватили хорезмийцы? Ты вышибла меня из седла, и это после того, как я уложил нескольких этих собак-работников и обеспечил нам возможность бегства.

Испарана, наряженная в развевающиеся, бесформенные красные одежды, с губами, выкрашенными в черный цвет, и глазами, огромными и сияющими внутри обводящей их черной черты, — Испарана покачала головой.

— Нет, в тот день я думала! В конце концов, из-за тебя я потеряла обоих своих верблюдов и все свои припасы. А теперь отдай мне свой кинжал, вор-варвар!

— Это было через день после того, как я снял у тебя с шеи Глаз Эрлика, пока ты спала.

— Собака! Пыхтящая варварская свинья!

— А я-то опасался, что ты уже покончила со всеми этими ласковыми именами, которые я привык ожидать от тебя и смаковать, Спарана.

— И еще ты подсматривал за тем, как я раздеваюсь и купаюсь в том озерце в оазисе! И у меня на бедре навечно останется шрам, ты, коварная варварская гадюка!

Конан напомнил ей об этом специально, чтобы проверить ее реакцию. Она не кричала и не выхватывала меч.

— Теперь я жалею об этом, Испарана, — и я не имел понятия, что так случится. Я более чем рад, что фальшивый амулет был у тебя в кошельке на бедре, а не висел у тебя на шее, когда колдовство Хисарра расплавило его. Мне бы очень не хотелось, чтобы на этой красивой груди остались шрамы.

— Значит, она тебе нравится, ты, любящий распускать руки боров-варвар?

— Она мне нравится, Спарана. И я не прикоснулся к тебе той ночью в оазисе.

— А почему, Конан? Ты — уже потом — называл меня неотразимой. Я спала, а ты перед тем подглядывал за мной. Ты мог бы...

— Я не насильник, Испарана, — спокойно и с достоинством сказал Конан. Она уставилась на него.

— Лживый, вонючий,шелудивый пес! Всего несколько дней назад...

— Это было две недели назад, и это не было насилием, — сказал Конан и уставился на нее в ответ.

Когда Испарана отвела взгляд, молчаливо признавая его правоту, Конан продолжил:

— В тот день ты пыталась убить меня, и из-за тебя погибли Сарид и Хассек. Хассек был хорошим человеком, Спарана.

— Что ж... Сарид не был таким, но мне теперь жаль, что я использовала его и что он мертв. И что из-за меня он убил твоего иранистанского друга.

— Однако, если бы ты не соблазнила и не использовала Сарига...

— Мне не пришлося его «соблазнять», Конан.

— Если бы ты не использовала Сарига и не поехала на север, мы с тобой никогда не встретились бы снова и не объединили бы наши силы, Спарана. Или я должен называть тебя госпожа Килия?

Она скривила гримасу. Это было имя, которое он использовал в тот день, когда их захватил караван работников из Хорезма — в оазисе, где Конан перед тем украл у нее Глаз, а она, размахивая мечом и сыпля ругательствами, помешала ему бежать, вследствие чего ее верблюды скрылись в ночи. Хорезмийцы не поверили тому, что она была какой-то там госпожой Килией, равно как и тому, что она — родственница короля Самарры, как утверждал Конан. Он жестоко расправился с тремя или четырьмя из них — и после этого она нанесла ему такой удар, что он лишился чувств, и бежала. К несчастью, другие люди из каравана схватили ее, после чего она и Конан провели несколько дней в веренице невольников.

— А на самом деле была какая-нибудь Килия, Конан?

— Да. Девушка из Аренджуна, — ответил Конан, припоминая, как эта стерва требовала его смерти, после того, как он щедро тратил на нее выпивку и свое обаяние. — Просто девушка, Испана. Не женщина, как ты.

Испана едва ли можно было назвать жеманной, но тут она заговорила мягко, ласково, заглядывая при этом ему в глаза.

— У тебя было множество девушек, не так ли, — и женщин?

— Несколько, — сказал Конан, пожимая плечами. — Так, как для тебя существовало множество мужчин.

— Кое-кто, — сказала она, копируя его жест и думая о том, каким отвратительным любовником был Сарид. — Ты пытаешься заставить меня признать, что ты потрясающий любовник и что я больше не надеюсь увидеть тебя разрезанным на куски и скормленным собакам — твоим братьям, вороватый пес. Он покачал головой.

— Ах, ты пытаешься вскружить мне голову ласковыми прозвищами, любовь моя. Нет, я не стараюсь заставить тебя что-либо признать, — добавил он, услышав за стенкой шатра рев ожидающего верблюда, и вытащил кинжал, который прятал у себя за поясом на спине: кинжал Ферхада, королевского агента из Шадизара. — Вот. Твой кинжал, госпожа моя.

— Но это не мой... Конан! В него... в него вставлены драгоценные камни... это рубин! Это, несомненно, два сапфира... может ли это быть изумруд?

— Может. А вот здесь, на клинке, может быть серебро. Вероятно, только ослабляет лезвие. Сомневаюсь, чтобы этот хорошеный прутик мог сильно пригодиться в качестве оружия, Спарана, — он был близок к смущению, что бы это ни было. — Но ты можешь продать его и купить целую бочку ножей, которые смогут резать и колоть. Вместе с какими-нибудь роскошными замбулийскими одеждами.

Она не отрывала взгляда от ножа, вновь и вновь поворачивая его в руках.

— О, этот прелестный камень — это же пелагерен, — бормотала она. Внезапно она подняла глаза, и Конану на мгновение показалось, что алчность сделала ее взгляд как будто стеклянным. Потом он осознал, что глаза были подернуты влагой. Испана? Слезы?!! Ее рука стиснула украшенную камнями рукоять.

— Я никогда не продам этот подарок, Конан. Как ты мог подумать, что я сделаю это? Это подарок от тебя!

Конан сглотнул и почувствовал себя примерно так, словно его подвесили за большие пальцы рук.

— Ну... в конце концов, я украл его. Она улыбнулась ему.

— О Конан! Что же еще, как же еще такие, как мы с тобой, могут приобрести что бы то ни было? Мы с Карамеком оба были ворами в Замбуле; разве ты этого не знал? Вот поэтому Актер-хан послал нас так далеко на север, чтобы вернуть себе Глаз, который похитил Хисарр Зул. Если бы он пообещал нам только, что нам не отрубят руки, — потому что нас поймали, и таковым должно быть наказание, — мы бы не стали трудиться. Нам было обещано полное прощение, видишь ли, и никаких сообщений Турану, у которого везде есть свои агенты, и награда по возвращении в Замбулу, достаточная для того, чтобы у нас не было нужды воровать снова.

— Ну что ж, — признал Конан, — ты украла его у старого Хисарр Зула, а не я. Я был тем, кого он поймал!

Она рассмеялась и внезапно сжала его в объятиях.

— О Конан, дорогой, неужели ты думаешь, я поверю, что подарок от тебя будет куплен за деньги?!

— Лучше назови меня шелудивым пском или свиньей-варваром, или... даже гадюкой, — обеспокоено сказал Конан. — Я привык слышать от тебя такие обращения.

Она, все еще прижимаясь к нему, тихо сказала:

— Конан...

Он высвободился из ее объятий и повернулся к отвернутому пологу шатра.

— Идем, Испарана. Наш эскорт на верблюдах ждет нас. И хан Замбулы тоже... и награда, достаточная для того, чтобы у нас не было нужды воровать снова. А после этого... самая большая комната в самой большой таверне Замбулы?

— Да, — вскричала она с горящими глазами. — Самая большая, в Королевской Таверне Турана, для господина Конана и его... для госпожи Килии?

И они, смеясь, вышли на солнце.

13. ЗАМБУЛА

Воины на верблюдах первыми заметили людей на лошадях — или одного из них.

Мгновение спустя — после того, как шанки испустил крик и указал на приближающегося всадника, чей шлем сверкал на солнце, этот всадник придержал лошадь. Шанки тоже остановились, меньше чем в миle от человека на коне, в котором легко было узнать одетого в мундир солдата. Они увидели, как он поднес к губам медную трубу, и услышали, как он затрубил в нее. Словно в ответ вдали, слева от него, раздался звук другой трубы. За ней последовали третья, справа, и потом еще одна, гораздо дальше. И еще одна.

Хаджимен поднял руку вертикально вверх. Его люди и двое всадников на лошадях, которых они сопровождали, — придинулись ближе к его дромадеру.

— Будьте готовы к атаке или к сражению, — приказал он, — и без моей команды ничего не делайте, только двигайтесь вперед — шагом.

Конану и Испаране пришлось подождать, пока десять шанки не подтвердили вслух получение приказа. Потом одиннадцать верблюдов и восемнадцать лошадей зашагали вперед по сверкающему песку.

Несколько минут спустя всадники в шлемах и желтых кушаках, подтянувшись, взяли их в клещи, и они оказались в окружении солдат.

— Замбулийцы, — пробормотал Хаджимен. — Стойте. Ничего не делайте без моей команды.

— Привет, шанки! — воскликнул командир всадников.

Хаджимен с высоты своего дромадера оглядел каждого из двадцати солдат и не увидел вынутого из ножен оружия или арбалетов с натянутой тетивой. Он поднял правую руку.

— Хаджимен, сын Ахимена, Хана шанки, приветствует воинов Хана замбулийцев, — произнес он как нельзя более звучным голосом. — Знает ли Хан замбулийцев, что мы едем к нему, чтобы обменять лошадей на рыночной площади?

Конан прислушивался к тому, как голос Хаджимена, выходящий из его диафрагмы, уходит в пустыню и теряется в ней.

— Если эти двое с вами — Испарана из Замбулы и ее спутник, то мы посланы сопровождать их.

— Я Испарана!

Конан послал вперед коня, которого он, как и обещал ему, назвал теперь Шагающим по Барханам.

— Я Конан, киммериец. Я еду вместе с Испараной из Замбулы. Как ваш хан узнал, что мы приближаемся?

— Я не знаю, э-э, Конан. Он сказал нам, что это так, хоть и не назвал нам твоего имени, только ее. Он послал нас проводить вас в город и ко двору.

— Очень любезно со стороны вашего хана, — слегка забавляясь, сказал Конан. — Эти шанки тоже нас сопровождают. У тебя есть имя?

— Я Иабиз, префект. А это с тобой Испарана из Замбулы?

— Я сказала, что это я, Иабиз, и я тебя знаю, — крикнула она. — Мы привезли то, что желает Актер-хан.

— Хорошо. Твоим людям, шанки Хаджимен, нет нужды ехать до самой Замбулы, — у этого большеносого типа было лицо, как у хищной птицы.

— О нет, мы поедем, — сказал Хаджимен, оглядываясь вокруг. — Так много всадников, чтобы сопровождать двоих! Конан и Испарана — наши друзья, и наш хан поручил нам проводить их в лагерь замбулийцев. И мы едем менять лошадей, ты не забыл?

Замбулийский префект поднял палец и почесал подбородок в том месте, где его борода раздваивалась. Он сидел, чуть наклонившись вперед, и было заметно, что у него начинает расти брюшко. Так он восседал на своей крупной гнедой лошади и жевал усы, размышляя.

— Что ж, тогда, наверное, мы должны ехать все вместе. Мы получили подобное же поручение от нашего хана.

— Мы будем счастливы, если воины Хана замбулийцев присоединятся к нам,
— сказал Хаджимен, не проявляя при этом абсолютно никакого энтузиазма.

Конан ухмыльнулся. Один-два шанки хихикнули — и то же самое сделал по меньшей мере один человек в ярком двойном кушаке и шлеме с замбулийскими вымпелами. Киммериец взглянул вверх на Хаджимена, восседающего на своем одногорбом верблюде. Вождь шанки кивнул. Верблюды шанки начали шагать вперед. Двое, которых они сопровождали, ехали среди них, и префекту Иабизу пришлось действовать. Воспользовавшись удобным моментом, он развернул своего гнедого и шагом направился в сторону Замбулы, так что со стороны казалось, будто он возглавляет весь отряд из одиннадцати верблюдов, пятидесяти восьми лошадей, одной женщины и тридцати одного мужчины, в дополнение к своей обеспокоенной персоне. Его люди медленно подтянулись, охватывая группу верблюдов и идущих в поводу лошадей, в центре которой ехали два объекта этого мощного эскорта.

Конан оглянулся на Испарану и усмехнулся.

— Удовлетворяет ли госпожу размер нашей свиты?

— Да, господин Конан, — ответила она, и они дружно рассмеялись. * * * Несмотря на то, что замбулийцы так же осознавали важность своей миссии и так же добросовестно испытывали чувство собственности по отношению к двум своим подопечным, как и шанки, всем удалось избежать инцидентов в течение следующих нескольких дней. Наконец Конан увидел, как из пустыни вырастают башни и купола города. Потом он увидел его сверкающие белые стены. Весь этот ансамбль постепенно вырастал, и Конан смог различить деревья: пальмы и искривленные оливы. В конце концов Иабиз подозвал к себе двух своих людей и тихим голосом отдал им какие-то распоряжения. Они дважды протрубыли в трубы, обращаясь к этим медленно приближающимся стенам, а потом галопом удалились. Позади них взвихривались небольшие клубы желтоватой пыли, так что казалось, будто их преследуют песчаные демоны.

К тому времени, как вся компания достигла ворот, они стояли широко раскрытыми. Отряд въехал в них и оказался на широкой мощеной дороге, которая, как заметил Конан, была с обеих сторон надежно защищена стенами. Температура между этими стенами была высокой, хотя сам город начинался немного дальше. Некоторое умение в обращении с лошадью и верблюдом позволило Иабизу подождать, пока Хаджимен поравняется с ним.

— Ты знаешь путь к рынку, — сказал замбулиец.

— Да. Мы доедем с нашими друзьями до дворца, а оттуда поедем на рынок.

— Шанки Хаджимен, сын хана, — верблюды не допускаются на Королевскую Дорогу! И ко дворцу может приблизиться не более двадцати всадников одновременно.

Хаджимен бесстрастно глядел на него с высоты своего дромадера. Молчание охватило их, как туман, и вместе с ним возрастало напряжение.

— Префект, — сказал Конан, и Иабиз, которому опять стало очень не по себе, оглянулся на него. — Лучше забудем на сегодня про одно правило и слегка подправим другое. Нас тринадцать. Ты поступишь мудро, если ты и шестеро твоих людей поскакете вместе с нами, в то время, как остальной твой отряд поспешит вперед, или последует за нами и с подобающим отрывом, или поедете по другой дороге.

— Никому это не понравится...

— И мне в том числе, — заверил Конан беднягу. — Но я всего лишь предложил решение этой проблемы. Оно спасет твое лицо и покажет, что у тебя есть кое-какие чувства. Попытка решить проблему как-то по-другому может поставить под угрозу отношения между шанки и Замбулой.

Носатый префект оглянулся по сторонам. Его губы беззвучно шевельнулись, и теперь он, казалось, чувствовал себя не только обеспокоенным, но и попросту несчастным. Наконец он кивнул и приказал своему помощнику отобрать дюжину людей и следовать за ними, шагом, после того, как весь отряд во главе с ним, Иабизом, свернет на Королевскую Дорогу, пересекавшую их путь чуть дальше.

Вот так воровка Испарана вернулась в Замбулу — город садов, и тутовых рощ, и зданий, увенчанных куполами, и алых башен, — вернулась в окружении эскорта, привлекающего к себе столько же взглядов, что и королевский кортеж.

Вот так Конан впервые вступил в Замбулу: в шароварах, белой кафии и в разевающемся халате шанки, надетом поверх кольчуги; сопровождаемый солдатами в шлемах и воинами шанки на верблюдах; направляя свою лошадь шагом по Королевской Дороге к похожему на луковицу куполу дворца одного из верховных сатрапов Турана, который никогда о нем не слышал. И ни один из глазеющих на него горожан не мог догадаться, кем был этот явно важный человек, который был настолько высок ростом, что его ноги свисали с коня так же, как у других людей, когда они сидят верхом на пони.

Префект Иабиз, по-прежнему создавая видимость, что он тут главный, ехал с торжественным, бесстрастным видом впереди всех. Его взгляд был устремлен вперед, а левая рука картинно лежала на бедре.

Позади этой странной процессии мерно шагали шестнадцать лошадей без всадников: четыре выочных животных Конана и Испараны, тюки на которых теперь значительно уменьшились в объеме, и обученные для езды в пустыне лошади, захваченные у иоггитских разбойников. Ахимен-хан выбрал себе двух лошадей из Конановых пяти, и одного коня Конан подарил Хаджимену, так что теперь только два животных были собственностью киммерийца. Он не заикнулся Испаране о том, что он считал своей собственностью и бывших скакунов Сарида и Хассека.

Едущая рядом с ним Испарана меньше всего была похожа на замбулийскую женщину. У них, как заметил Конан, были не так сильно обведены глаза, а губы, если и были накрашены, имели красный или пурпурно-розовый оттенок. И еще он увидел, что эти женщины не имели обыкновения носить много одежды, к несчастью для обладательниц отвислых, трясущихся животов.

Дворец, приближаясь, становился все выше. Он вырастал среди беспорядочного нагромождения пристроек из серого и белого камня, отделанных по фасадам выкрашенными в желтый цвет колоннами; широкий пролет ступеней песчаного цвета был увенчен прорезанной бойницами оборонительной стеной и вел к высокой резной двери. За стеной возвышался сам дворец — многочисленные башни, стены из раскрошенных глиняных

кирпичей и огромный темный купол, подобный гигантской луковице, только что вытащенной из земли. Придворные и чиновники, в шароварах и мантиях, туниках и кафтанах, спешащие по своим разнообразным делам, останавливались и глазели на приближающуюся массу людей.

Верблюды на Королевской Дороге! Этот гигант со своей накрашенной женщины в шанкийской одежде должен быть поистине важной персоной!

У подножия широких дворцовых ступеней Конан повернулся к Хаджимену.

— Хорошо ли торгаются шанки? Хаджимен позволил своим губам растянуться в улыбке и на мгновение показать зубы.

— Шанки торгуются лучше, чем замбулийцы!

— Хорошо, — отозвался Конан, — поскольку мы в Замбуле. Так что обменяй всех моих шестерых лошадей вместе со своими — на жемчуг, или ожерелья из замбулийских монет, или что-нибудь подобное, что будет легко нести. И мечи в тюке у этого гнедого обменяй тоже.

— Для нас будет удовольствием и честью совершить обмен для Конана из Киммерии.

— Пусть сын хана назовет место, где мы встретимся через несколько часов. Скажем, на закате.

— Шанки будут у верблюжьих загонов в квартале, называемом Бронзовым, — или там будет кто-нибудь, кто встретит и проведет Конана.

Киммериец кивнул и спешился. Замбулийцы в богатых одеждах, стоящие на верхней площадке лестницы, наблюдали за ним. Конан обошел вокруг своей лошади и протянул руки, чтобы помочь Испаране. После минутного колебания ее лицо разгладилось. Она с улыбкой позволила снять себя с лошади, словно была знатной дамой. Поскольку она была представительницей своего хана, Конан решил проявить доброту; он позволит ей похвастаться своими знаниями перед своим нанимателем. Когда ее ноги коснулись земли, он задержал ее на достаточное время, чтобы прорубмогтать, пряча губы в ее волосах:

— Я ношу амулет под своей одеждой. Ты можешь сказать ему это.

— Но ты... когда ты успел спрятать его там? Она отступила назад, совсем чуть-чуть, и нахмурилась, пытаясь понять, верить ему или нет.

— Несколько месяцев назад, в Аренджуне.

— Но...

— Но ты не нашла его, когда обыскивала меня в нашем шанкийском шатре несколько ночей назад! — сказал он, сдержанно улыбаясь. — Он был там. Я повесил его себе на шею через день после того, как убил Хисарр Зула и сжег его дом.

— Но... нет! Ты хочешь сказать, что эта уродливая... штуковина?

Конан благодушно улыбнулся.

Без сомнения, некоторые из открыто любопытствующих наблюдателей спрашивали себя, почему женщина с черными губами, одетая в белое шанкийское платье поверх красного шанкского сирвала, сыплет проклятиями, поднимаясь рядом с Конаном по ступеням дворца.

Вопрос, заданный Конаном стоящему рядом с ним человеку, был небрежным:

— Кто-нибудь позаботится о наших лошадях, не так ли?

— Да, — сказал Иабиз и повернулся, чтобы отдать соответствующий приказ. Потом он заторопился вслед за Конаном и Испараной, которые продолжали идти, не останавливаясь.

— На тот случай, если тебя отпустят, когда мы все еще будем у хана, Иабиз, — сказал Конан, отвечая свирепым взглядом на взгляд какого-то сановника в шелковых одеждах,

который, должно быть, весил не больше, чем лошадь, — потом я буду подыскивать себе таверну. Ты знаешь, что я начну с верблюжьих загонов в Бронзовом Квартале не позже, чем на закате.

— А если хан пожелает задержать тебя дольше? Конан с важным видом шагал вперед; какой-то человек в великолепных одеждах отступил в сторону.

— Не пожелает.

— Я...

— Покупателем буду я, — сказал киммериец. — Не так ли, Спарана?

— ...Отродье изводящей верблюдов, пораженный гнилью в паху гадюки... да.... сын и наследник кхитайской рыжей дворовой суки...

— Я постараюсь быть там, — сказал Иабиз. — А что с ней такое, воин из Киммерии? Вы двое что, поссорились?

— Она безумно влюблена в меня и боится, что Актер-хан разлучит нас, чтобы добраться до ее прелестного ротика, — ответил Конан, и они вошли во дворец вместе с Испараной, которая все еще продолжала истощать свой запас ругательств.

14. ГЛАЗ ЭРЛИКА

Прежде всего Конан проверил, чем можно защищаться в просторном тронном зале Актер-хана и как из него можно выйти.

Его и Испарану провели через вход, закрывающийся двумя тяжелыми дверьми, которые, как заметил Конан, надежно запирались изнутри посредством огромного деревянного бруса, окованного железом и уравновешенного по оси, чтобы его было легче поднимать и опускать. В тридцати шагах слева выкрашенную в кремовый цвет стену прорезал высокий одиночный портал с обшитой панелями дверью. Такая же дверь нарушала однообразие стены в сорока шагах справа. Обе двери были закрыты, и других Конан не увидел.

Трон из фруктового дерева, с высокой спинкой и украшенной серебром резьбой, стоял на возвышении, примыкающем к стене напротив главного входа. Он стоял в центре этого возвышения, в двадцати шагах от Конана. Позади него стену прорезали четыре узкие высокие ниши, пропускающие в зал воздух и свет. Их глубина помогла Конану определить, насколько толстыми были внешние стены дворца. Каждое из этих окон, высотой по плечо человеку, было обрамлено желтыми занавесками, на которых был вышит червеобразный узор с цветками львиного зева в зеленых, алых и белых тонах. Под каждым таким окном-бойницей стоял большой горшок из неглазурованного камня, опоясанный медными обручами, и из него храбро торчало какое-то растение с восковыми на вид листьями. Эта длинная-длинная стена поддерживалась и оживлялась пятью полуколоннами, или пилястрами, с резными львиными головами и одним-единственным украшением.

Конан решил, что последнее служило не только для убранства зала. Всего в локте, или около того, слева от трона, который отстоял от стены примерно на такое же расстояние, в камень были вбиты два штыря. Каждый из них удерживал скобу, которая казалась золотой и была, скорее всего, изготовлена из менее благородного, но позолоченного металла. Скобы поддерживали — примерно в пяти футах над полом — изогнутые ножны, оббитые полосками серебра и красной кожи. Из ножен торчала украшенная самоцветами рукоять меча.

«Возможно, он принадлежал основателю Замбулы, — задумчиво пробормотал про себя Конан. — Или это Государственный Меч Актер-хана, символ его правления, который ему не хочется носить, сидя на троне. Возможно, дар государя Турана». Особого значения это не имело.

То тут, то там в зале высились огромные колонны из дерева или раскрашенного камня, по виду напоминающего дерево. Длинные руки Конана не смогли бы обхватить ни одну из них. С каждой стороны возвышения так же неподвижно стоял великолепно одетый стражник. Оба стражника смотрели в пустоту. На возвышении, с каждой стороны трона стоял человек. Советники, решил Конан, — визири. Тот, что был справа от хана, носил мантию и парчовое верхнее платье в коричневых и алых тонах. Серебряная цепь покоилась на его груди — под подбородком, который был чисто выбрит, хотя остальная часть его лица была скрыта под бородой и усами. Он уже начинал лысеть. «Не очень-то счастливый человек», — подумал Конан.

Человеку слева от хана, без сомнения, было лишь немногим больше двадцати, и его лицо под странным, высоким коричневым головным убором нельзя было назвать некрасивым. Его стройные ноги были обтянуты узкими красными штанами, поверх которых была надета

простая белая туника; на груди сверкал внушительный медальон из золота, жемчуга и солнечных топазов. «Глаза, как у змеи, — отметил Конан, — и полны гордости и ума».

У обутых в фетр ног каждого из предполагаемых советников сидел писец; один был довольно старым, а другой — удивительно молодым, крупного сложения; между ними сидел на троне Актер-хан. Его вряд ли можно было назвать уродливым, хотя, возможно, на его лице уже начинали проступать следы разгульной жизни, и его брюшко было уже довольно заметным.

Блестящий взгляд его темных глаз сместился с киммерийца на Испарану, снова на мгновение вернулся к Конану и окончательно остановился на женщине.

— Испарана из Замбулы возвращается к своему хану, — послышался голос за спиной Конана, — и вместе с ней — Конан, киммериец с далекого севера.

— Доложи визирю Хафару, префект, — произнес Актер-хан, и Конан уловил в его голосе скрытое возбуждение.

Префект Иабиз, лысеющий сановник и старый писец устремились к двери слева от Конана, прошли через портал и закрыли дверь за собой. Все было сделано быстро, но Конан успел отметить значительную толщину обитой панелями двери. Актер-хан заговорил снова.

— Почему человек с далекого севера прибыл вместе с нашей служанкой Испараной?

В этот момент Конан осознал, в насколько уязвимом положении он находился, и почувствовал внезапный озноб при воспоминании о непредсказуемости Испараны — и о нескольких причинах, по которым она могла бы испытывать наслаждение и приятное возбуждение при виде того, как его хватают, пытают-убивают.

— Он помог мне, — сказала Испарана, и напряжение Конана ослабло лишь самую малость. — Конан из Киммерии несет то, за чем я была послана.

Глаза хана, разделенные ястребиным носом, неотрывно глядели на Конана.

— Конан из Киммерии, ты находишься в присутствии Актер-хана, правителя Замбулы и окружающих ее земель во имя и в качестве сатрапа Илдиза Великого, Короля Турана и Владыки Империи. В этом зале не должно быть опасности ни для тебя, ни для меня. Твое оружие будет возвращено тебе, как только ты выйдешь за дверь, которая находится у тебя за спиной.

У Конана защекотало под мышками. Вооруженные копьями стражники, стоящие по обе стороны первой ступеньки возвышения, смотрели в пустоту, однако, казалось, были готовы ко всему. Конан оглянулся по сторонам и увидел четырех солдат в доспехах и шлемах. Они не отрывали от него глаз.

Он сглотнул слюну и почувствовал, как по его позвоночнику пробежали мурашки. Отдать оружие! Оказаться во власти этого сатрапа, этих вооруженных людей — и каприза Испараны! Ему это было очень не по вкусу. Однако за эти несколько секунд он представил себе возможную альтернативу. Правитель, восседающий на троне, приказал ему сдать оружие. Он может молча согласиться и передать хану амулет, который тот так ценит; или подвергнуться аресту; или попытаться с боем проложить себе дорогу — из дворца, в котором кишмя кишат вооруженные стражники, а потом из враждебного города, окруженного пустыней?

«У меня нет выбора», — подумал он, и его взгляд на короткое время переместился к мечу, подвешенному на стене. Как быстро он сможет до него добраться в случае необходимости; как быстро он сможет выхватить его из ножен и обернуться, чтобы попытаться дать отпор? «Пока буду идти к той двери, чтобы последовать за Хафаром и

Иабизом», — подумал он, потому что был не в состоянии не предусмотреть подобное действие. Он нашел впечатляющие слова.

— Ни один чужестранец не должен приближаться к королю в его покоях, имея при себе оружие, — сказал он и расстегнул пояс, на котором висели ножны меча и кинжала. Не оборачиваясь, он отвел оба конца пояса от своих бедер назад, и чьи-то руки, протянувшись из-за его спины, взяли их. Конан стоял безоружный, отдавшись на милость Испараны и Актер-хана.

— Покиньте нас, — сказал Актер-хан. — Зафра и Урой останутся со мной и этими нашими двумя вернувшимися слугами.

Оба стража трона, словно ожившие статуи, пересекли зал в ширину, прошагав мимо Конана и Испараны, и вышли. Конан услышал, как за ними закрылись створки большой двери. На возвышении остались стоящий человек в странном головном уборе и сидящий писец, этот молодой здоровяк.

«Почему, — спросил себя Конан, — писец остается в зале во время секретного доклада агента хана?» И тут же ответил сам себе, — принимая во внимание размеры писца: «Урой — телохранитель. Но тогда этот худощавый парень в дурацкой шляпе... что он здесь делает?» Он жалел, что задал Испаране слишком мало вопросов. Тронный зал был теперь пуст, не считая пятерых человек. Конан и четверо замбулийцев. Враги?

— Испарана — ты принесла мне Глаз Ээлика?

— Да, господин Хан.

— Принеси его сюда, моя превосходная служанка. Она взглянула на Конана.

— Он у меня, — сказал киммериец, отмечая, что рослый писец переменна позу и пристально наблюдает за тем, как он подносит обе руки к своей шее. Конан вытащил из-под одежды ремешок, на котором болталась усыпанная стекляшками капля обожженной глины, снял его через голову и протянул вперед руку. Сплющенная с одной стороны полусфера, явно не имеющая никакой ценности, повисла в воздухе, медленно поворачиваясь.

Актер-хан нахмурился было при виде предмета, совершенно очевидно не являющегося его ценным амулетом, но тут Конан присел на kortочки и осторожно постучал куском глины по полу, выложеному чередующимися красными и розовыми плитками, — еще и еще раз. Глина треснула, раскололась, распалась на кусочки. Испарана следила за происходящим так же зачарованно, как и человек на троне.

Конан поднялся на ноги. Снова он протянул вперед руку, и снова некий предмет медленно закружился на конце кожаного ремешка.

Подвеска в форме меча была примерно равна по длине мизинцу Конана. Неограненный рубин образовывал головку рукоятки. На каждом конце перекрестья сверкал большой желтый камень, вертикально пересеченный одной черной полоской. Камни, отстоящие один от другого примерно на дюйм, казалось, глядели, как жуткие желтые глаза, с обеих сторон длинного, острого серебряного носа.

— Глаза Эрлика!!!

Голос Актер-хана, едва ли громче шепота, был полон страсти. Правитель возбужденно наклонился вперед, и его ладони так сжали изогнутые подлокотники трона, что костяшки пальцев побелели. Взгляд его темных неподвижных глаз был не менее стеклянным, чем у «глаз» амулета.

Конану показалось, что сатрап собирается встать.

Однако Актер этого не сделал. Одна рука оторвалась от подлокотника трона и

протянулась вперед, ладонью вверх.

— Мне! — сказал Актер-хан все тем же задыхающимся голосом, выдающим внутреннее напряжение.

После трех месяцев опасных приключений и кажущихся бесконечными путешествий и трудов, причиной которых была эта побрякушка, Конану почти не хотелось расставаться с ней. Почти. И все же он не понес ее к этой замершей в ожидании королевской руке. Вместо этого он поймал руку Испараны и вложил в нее Глаз Эрлика.

— Это всегда было твоей миссией и твоим делом, Спарана, — сказал он достаточно громко, чтобы его услышали на возвышении. — Заверши его.

Испарана, в своем шанкийском сирвале, тунике, кафтане с рукавами — и с черной косметикой на лице, — пересекла зал, направляясь к своему повелителю. Конан увидел, что его протянутая вперед рука дрожит. Неужели действительно его жизненная сила была заключена в этой маленькой безделушке? Неужели он вот-вот станет непобедимым, неужели его теперь нельзя будет убить? Конан наблюдал за происходящим, и внезапно ему в голову пришла совершенно посторонняя мысль: что только высоким женщинам следует носить раздувающиеся шаровары.

Испарана положила Глаз Эрлика на ожидающую, дрожащую ладонь, и кулак сатрапа сомкнулся вокруг амулета. После всего этого долгого времени, и ужаса, и потерянных жизней не случилось ничего волшебного или драматического. Хан Замбулы получил свой Глаз Эрлика. Нанятая им воровка опустилась на одно колено и склонила голову, а он откинулся назад с долгим вздохом.

— Поднимись, Испарана, превосходная служанка, — приказал он, и она встала.

На груди его, поверх многоцветной шелковой мантии лежал медальон, подвешенный на золотой цепочке тонкой работы. Он представлял собой крылатый квадрат из того же самого металла, с отчеканенными на нем надписями. В центре был изображен крупный шарообразный цветок, и такие же цветки, но поменьше, украшали каждый угол. Серебряные листья загибались внутрь идерживали цветок, который представлял собой рубин величиной с глаз колибри.

— Вы оба хорошо себя зарекомендовали, — сказал Актер-хан, — и я более чем доволен. Конан из Киммерии — приблизься.

Конан шагнул вперед, размышая о том, что очень умно поступил, отдав амулет Испаране с учтивыми словами, которые предназначались как для нее, так и для сатрапа. Киммериец был безоружен. Без привычной тяжести пояса ему было не по себе; он чувствовал себя словно обнаженным — и как нельзя более уязвимым: преданным на милость женшине, отмеченной из-за него уродливым шрамом; женщины, которая, если бы не он, вернула бы амулет сама — два месяца назад. (Вернула бы? Это было неизвестно. Одну, ее могли бы схватить хорезмийцы, — а без него она все еще была бы невольницей, без сомнения, проданной в Аренджуне или Шадизаре.) Хорошее отношение этой женщины приобрело для него особое значение здесь, в тронном зале чужого города. И он не был в нем уверен. Поравнявшись с ней, он остановился и коротко кивнул головой, что должно было изобразить легкий поклон.

— А какой, — спросил Актер-хан, — была твоя роль в предприятии, занявшем у Испараны так много месяцев?

Конан — который гораздо сильнее чувствовал на себе взгляд бесстрастных глаз человека в шляпе, стоящего рядом с ханом, чем взгляд самого хана, — решил сказать правду.

— Частично это была моя вина, что прошло так много месяцев, Хан Замбулы. Сначала мы встретились как соперники, как враги, хотя теперь она знает, что я был беспомощным слугой Хисарр Зула.

Все четверо замбулийцев выказали удивление таким открытым признанием, которое киммериец позаботился смягчить, упомянув о том, что был обращен в рабство Хисарром.

— А Хисарр Зул?

— Тот, кто был изгнан из Замбулы десять лет назад, — ответил Кован, — и кто в пустыне убил своего брата Тосию, который впоследствии в образе Песчаного Чудовища наводил ужас на Драконовы Холмы, тот, кто украл амулет Актер-хана и самую душу Конана из Киммерии... он мертв, господин Хан.

Человек рядом с сатрапом заговорил в первый раз.

— Ты убил его?

— Да, и уничтожил его огнем. Его дом тоже сгорел.

— А его... знания? — напряженно спросил Зафра. — Его свитки, его приборы?

— Все, — Конан пожал плечами. — Все сгорело вместе с ним. Я не притронулся бы ни к чему.

— Превосходно! — воскликнул Актер-хан, и Конан увидел его зубы.

Он заметил, что на лице Зафры ловилось выражение разочарования и некоторого отвращения, и понял, что этот человек остался недоволен. И вот тут-то он понял, что Зафра, должно быть, волшебник, несмотря на свой молодой возраст. Да, он был старше Конана, и Испараны тоже. Но Конан прежде считал, что маги, для того, чтобы обладать всеми необходимыми познаниями, должны быть стариками. Теперь он осознал, что это было смешно. Человек становится старым, только побывав раньше молодым, и любой мастер может умереть, так, чтобы подмастерье продолжил его дело. Или, как предположил киммериец, человек может так же искусно и ловко обращаться с волшебством, как он сам — с оружием.

Он понял, что находится в присутствии не просто мага, но, возможно, главного мага в этой окруже — и что ему лучше относиться к этому человеку с уважением и опаской.

Он был прав, Актер представил Зафру как Волшебника Замбулы, упомянув, что его здесь не было, когда Испарана отправлялась в путь. Испарана склонила голову. Она узнала его медальон и поняла, что человек в феригийском колпаке занимает высокое положение. Столько перемен за какую-то треть года, прошедшую с тех пор, как они с Карамеком уехали из города, где она родилась! Ее собственный медальон беспокойно зашевелился на ее груди при этом легком поклоне. Это было напоминанием: да, действительно, столько перемен! Теперь ей не понадобится возвращаться в Переулок Захватчиков! Он произвел ее на свет и обучил ее; теперь ее карьера воровки, и лгуньи, и по временам уличной девки сделала ее богатой. Она взглянула на Конана.

— Хисарр Зул сказал, что этот Глаз — магический, — заговорил он. — Зафра поддерживал с ним магический контакт? Ты знал, что мы приближаемся к Замбуле, волшебник?

Рот Зафры растянулся в улыбке, но заговорил не маг, а Актер-хан.

— Должен ли Волшебник Замбулы сказать тебе, Конан из Киммерии, где побывал Глаз Эрлика?

— Я скажу тебе сам, — ответил Конан, хотя раньше абсолютно точно не собирался этого делать. — Мы с Испараном не намеревались утаивать что-либо от Сатрапа Империи Турана,

— Вы с Испараной были противниками, даже пытались убить друг друга. Однако теперь вы друзья.

— Вместе, — сказал Конан, — мы вернули твой амулет. Мае какое-то время пришлось служить Хисарр Зулу. Он в буквальном смысле слова владел моей душой.

— Значит, он все же добился такой способности! — возбужденно проговорил Зафра, и тут же его лицо стало выглядеть несчастным, когда он понял, что позволил себе проявить свои чувства.

— Да. Конечно же, он хотел завладеть твоей душой, Хан Замбулы. Мне пришлось добыть амулет и вернуть его ему. И я сделал это, загнав несколько лошадей и почти загнав себя, чтобы перехватить Испарану в пустыне. Я вернул амулет Хисарру, который потом попытался предательски убить меня. Я смог убить его, и...

— Было время, — произнес Актер-хан, задумчиво глядя на чужестранца, — когда вы оба повернули и вместе с Глазом направились назад, на север.

Губы Испараны были поджаты, когда она сказала:

— Мы были обращены в рабство хорезмийцами. Нам удалось освободиться.

— Но потом ты снова направилась к Замбуле, а Глаз продолжал двигаться на север, — сатрап кивнул в сторону киммерийца. — Вместе с этим человеком, как я теперь думаю.

— Это правда, — сказал Конан, прежде чем Испарана успела заговорить; он почувствовал себя в высшей степени неуютно, напоминая Испаране об этом эпизоде их прошлого. — Я обманул ее — или, скорее, ее обманул Хисарр Зул, при помощи копии Глаза.

«Мне не следовало затрагивать эту тему!»

— Она думала, что у нее настоящий амулет.

— Копия! — рука Актер-хана дернулась вверх и схватилась за талисман.

— Успокойся, господин, — без запинки сказал Зафра. — Ты носишь настоящий и единственный Глаз Эрлика, ибо я проследил его путь сюда.

— А что стало с копией, сделанной Хисарром? — спросил хан лишь с чуть меньшим напряжением.

— Уничтожена, — ответила Испарана. — Хисарр Зул сделал так, что она расплавилась, чтобы удостовериться, что Конан принес ему настоящий амулет. Копия осталась где-то в пустыне. Жаль, потому что Конан сказал мне, что камни и золото были настоящими. Но, конечно, это была просто безделушка, не обладающая никакими свойствами амулета.

Конан глянул на меч на стене и на сидящего писца, который, как он предположил, был телохранителем и у которого под одеждой должно было быть спрятано какое-нибудь оружие. Киммерийцу совсем не нравилась эта тема разговора. Испаране напоминали о ее боли, о ее шраме, а все, что ей было нужно, чтобы выдать Конана целиком и полностью, — это произнести лишь несколько слов.

— Спасибо Хануману, — сказал Актер Испаране, — что в то время ты не носила амулет на себе.

И если бы у Конана был меч, его рука сейчас потянулась бы к рукояти.

— Да, — сказала Испарана, бросив взгляд на киммерийца, — мне повезло.

Успокоенный Конан постарался, чтобы его вздох облегчения не был слишком явным. Была ли ее любовь, ее привязанность к нему истинной? Простила ли она его по-настоящему? Может, она собиралась шантажировать его; может быть, ей нужна была эта власть над ним, возможность предать, хоть я без желания на самом деле принести ему вред. Конан быстро соображал. Поскольку он предположил, что Зафра уже все знал, он подумал, что будет мудро

рассказать об этом самому, прежде чем люди на возвышении подумают, что загнали его в ловушку.

— Глаз, в таком состоянии, в котором ты его видел, когда я вошел сюда, побывал также в Шадизаре и Хауране.

— А Конан, — добавила Испарана, — ни разу не попытался убить меня и замолвил слово, чтобы меня освободили из рабства, хотя мог бы оставить меня невольницей хорезмийцев.

«Точно, я это сделал, — подумал Конан. — Какой я герой!»

Актер кивнул, взглянул на своего волшебника и улыбнулся, словно желая сказать: «Ну что ж, мы это знали; он говорит правду!» Затем хан откинулся назад и расслабился. Конан предположил, что испытание было позади, но тем не менее мысленно был настороже.

— Вы будете обедать вместе со мной, — сказал Актер-хан. — Я хочу услышать о ваших приключениях.

— Честь, оказанная нам, просто невероятна, — чуть не задохнувшись, отозвалась Испарана и наклонила голову так низко, что ее подбородок почти коснулся груди.

— Воину из Киммерии оказана великая честь, господин Хан, — сказал Конан. — Однако сын Ахимен-хана будет ждать меня у верблюжьих загонов в Бронзовом Квартале. Есть ли у меня время, чтобы поедать ему весточку?

— В этой истории появляется даже Ахимен-хан! — произнес Актер и ошеломление покачал головой. — А что, если я пошлю ему эту весточку сам? И тот же посыльный устроит вам обоим ночлег в Королевской Таверне Турана. Это, и обед будет лишь первой наградой, которую ты получишь из моих рук, Конан из Киммерии. Как уже знает Зафра, я как нельзя более щедрый правитель — для тех, кто хорошо мне служит. А, воин? Хорошо. Мы позаботимся о том, чтобы вас искупали и дали вам одежду, после чего, за обедом, вы расскажете мне о тех явно многочисленных и разнообразных приключениях, которые вам пришлось испытать, прежде чем вы вернули мне мой амулет!

15. КОНАН-ГЕРОЙ

Для тех немногих тканей, к которым привык Конан, «белое» обычно означало диапазон от определенного сорта бежевого, приближающегося по оттенку к пергаменту из кожи ягнят, до чуть желтоватого кремового. Конан видел белый цвет, который был по-настоящему белым: цвет молока. Он никогда не испытывал желания потратить на такую белую ткань деньги, даже в тех немногих случаях, когда мог себе это позволить. И шелк он раньше тоже не носил — так же, как в подарок правящего монарха.

Поэтому одеяние из кхитайского шелка, предоставленное теперь Ханом, было для киммерийца втройне в новинку. Он чувствовал, что выглядит как нельзя более благородно, почти царственно, в мерцающей белой, окаймленной красным, тунике, закрывающей ему руки до локтя и спадающей ниже середины бедра. По душе ему был и широкий, замечательно легкий пояс из красного фетра. Хотя он восхищался короткими башмаками из того же красного фетра, которые носили Актер-хан, Зафра и Хафар, и хотя он считал, что пара таких башмаков отлично подойдет к поясу, ему принесли сандалии.

И все же он оставался Конаном; он вышел, чтобы лично посмотреть, как ухаживают за его лошадью в дворцовых конюшнях, и чтобы положить свою кольчугу и остальную одежду вместе с седлом. Шагающий но Барханам трижды не отзывался на это гордое новое имя и повернул голову и взглянул на своего хозяина только тогда, когда Конан в отчаянии назвал его «Гнедыш». «Вот и давай после этого глупым животным благородные имена», — подумал киммериец.

Он вернулся во дворец через заднюю дверь, у которой его остановил стражник. Конан прошел внутрь с минимальным рявканьем и без всяких угроз.

На Испаране тоже был белый шелк. Платье без рукавов было длинным и облегающим, и Конан мгновенно заинтересовался и возбудился. Но с этим ничего нельзя было поделать; они встретились, когда их вели на обед к сатрапу.

На обеде присутствовали лишь те же пятеро: хан и его маг, предполагаемый писец с запястьями и плечами борца, Испарана и Кован. Им прислуживали мальчики, в чьих жилах текло некоторое количество стигийской крови. Трапеза была превосходной, хоть и слишком изысканной и обильно сдобренной пряностями. Им подали большое количество мяса, и Конану пришли по душе свежие фрукты. Понравилось ему и вино Актер-хана.

«Писец» Урой не произнес ни слова, чем натолкнул Конана на мысль, что этот рослый парень мог быть глухонемым, — или у него мог быть вырвав язык. Зафра говорил мало, а больше сидел, задумчиво прислушиваясь к разговорам с проницательным видом, который усиливал беспокойство Конана в такой же степени, что и льстивый змеиный взгляд мага. Актер-Хан задавал много вопросов и налегал на абрикосовое вино. Конан и Испарана вели большую часть разговоров.

То значительное количество вина, которое Конан опрокинул себе в глотку, совсем затуманило ему голову к тому времени, как они закончили трапезу и Актер подал знак, что больше не хочет слушать. И он, и Конан нетвердо стояли на ногах, и языки у обоих сильно заплетались. Сатрап, находящийся под сильным впечатлением от услышанного, подарил киммерийцу прекрасный золотой кубок и десять монет — туранских «орлов», более ценившихся и, таким образом, более внушительных, чем замбулийские деньги, — поклялся, что такого героя ждет еще большая награда.

Несмотря на то что хан подарил молодому северянину еще и роскошный широкий плащ, сшитый из многих ярдов алой материи, Конан провел ночь во дворе. Он был не в том состоянии, чтобы пересечь город пешком или верхом.

При пробуждении его встретили головная боль и мрачная, злая Испарана, и он дал обет оставить вино в покое на всю жизнь. Тем не менее он не переставал радоваться своей удаче и гордиться собой. Облаченный в одежды, подаренные ему монархом, он пообедал и напился вместе с монархом, — и на этот раз не с мелким князьком из пустыни. И он не видел ничего, что противоречило бы его впечатлению об Актер-хане как о хорошем парне.

Актер-хан был занят: правитель должен править, и принимать решения, и выслушивать многих людей, которых он предпочел бы даже не видеть. Конан и Испарана, жуя по дороге инжир и абрикосы, покинули дворец в сопровождении префекта Иабиза. Он выбрал маршрут для путешественников, показал им Замбулу и в конце концов привел их к прекрасно большой таверне, на вывеске которой был изображен золотой грифон на алом фоне: Королевская Таверна Турана. Там их не просто встретили; их прибытия с нетерпением ожидали с прошлого вечера. Хозяин таверны не знал, по какой причине их комнаты были заказаны от имени самого Хана, и поэтому был как нельзя более услужлив. Его заботливость поистине граничила с раболепием. Конан, находящийся в более чем оживленном расположении духа, не мог не напыжиться. Несмотря на то, что он провел немало времени в тавернах, его никогда так не обхаживали, и он никогда не останавливался в таком роскошном месте и не был предметом такого внимания со стороны остальных постояльцев. Не пришлось ему беспокоиться и о размерах счета за выпивку или о количестве кружек пива, которое он мог себе позволить.

Их комната была поистине лучшей в этой лучшей из таверн Замбулы. Возбужденные, опьяневшие Конан и Испарана, обращаясь друг к другу «мой господин» и «моя госпожа», удалились в эту просторную комнату, чтобы сменить одежду, и задержались там.

Внизу Иабиз много минут ждал, пока они соизволят спуститься, и когда они наконец появились, сияя, не сказал им ни слова.

Ликующая парочка направилась в Бронзовый Квартал, который, хоть и был убогим, вряд ли мог сравниться со Свалкой или Пустыней. Они почувствовали запах верблюжьих загонов задолго до того, как их увидели, и услышали трубные голоса животных прежде, чем достигли места, где они были размещены. Здесь Конан узнал, что один из его золотых «орлов» может быть достаточной платой за всех и к тому же завоевать ему уважительное обращение.

— А каким Конану показался Актер-хан? — спросил Хаджимен.

— Он в гораздо лучшем настроении теперь, чем когда мы прибыли, клянусь Кромом! И к тому же он щедр. Достаточно приятный человек, если оказать ему услугу.

Испарана бросила взгляд на жизнерадостного Конана, а Хаджимен спросил:

— Он говорил о моей сестре?

— Ну... нет, Хаджимен, — ответил Конан более сдержаным тоном.

— А он носит по ней траур?

— Да, — сказала Испарана, и Конан, взглянув на нее, почувствовал, как ее пальцы толкают его в спину под прикрытием его роскошного алого плаща. — Ты же видел у него черную повязку, Конан.

— А, да, — отозвался киммериец, до которого дошло, что она оказывает Хаджимену услугу. — Я столько всего видел, что чуть не забыл об этом.

— Это хорошо, что Хан замбулийцев носит траур по дочери шанки, — кивая головой,

сказал сын хана Хаджимен; однако он не улыбнулся.

Конан тронул желтый рукав воина пустыни.

— Он кажется совсем не плохим человеком, друг и сын друга, — сказал он с шанкийской церемонностью. И подумал: «Для правителя это странно! Хотя я бы не стал ручаться за мягкий нрав его волшебника!» * * *

— Пост капитана в твоей страже! — эхом отозвался Зафра, и Актер-хан бросил на него резкий взгляд. — Прошу прощения, мой господин, — более спокойным голосом продолжал волшебник, — но потрясение преодолело мою сдержанность, когда ты заговорил о том, чтобы взять на службу такого человека, как этот Конан, и поместить его в самом дворце, так близко к твоей особе.

Актер-хан откинулся назад и устремил на мага колючий, внимательный взгляд.

— Ты хорошо мне служишь, Зафра. Я доверяю тебе, я прислушиваюсь к тебе. Говори. Скажи же мне, какое впечатление он произвел на тебя.

— Он молод, и тщеславен, и жаждет... — Зафра оборвал свою речь. — Господин Хан, он вернул Глаз Эрлика и, совершенно очевидно, является непревзойденным воином. Крайне находчивый молодой человек, и более чем опасный в обращении с оружием. Крайне находчивый. Крайне опасный. Также совершенно очевидно, что у тебя сложилось о нем высокое мнение. Лучше я не буду говорить на эту тему.

— Зукли! Принеси нам вина! — крикнул хан, не отрывая от Зафры довольно встревоженного взгляда. — Говори, Зафра. Мои уши и мой интерес обращены к тебе. Говори, Волшебник Замбулы, которому хан верит. Он находчив, ты говоришь, и молод, и тщеславен. Все это очевидно для каждого, у кого есть глаза, и ни одно из этих качеств не является пороком. И ты собирался добавить еще что-то и оборвал себя на полуслове. Скажи это. Говори. Тебе кажется, что мне не следует доверять этому юноше-северянину, Зафра?

Зафра раздавил маленькую фруктовую мушку на своем отделанном тесьмой зеленом рукаве.

— Он нецивилизован, Актер-хан. Варвар из каких-то далеких северных земель, о которых мы ничего не знаем. Кто может сказать, какие у них варварские обычаи или кодексы? Некоторое презрение к знати, я думаю, и даже к osobam королевской крови. Он ушел из своего племени. Он ушел на поиски чего-то другого; этот юноша — ловец удачи. Он необуздан, господин Хан, и, по моему мнению, неуправляем. Я бы не стал доверять подобному человеку пост поблизости от своей персоны, независимо от его возраста. Он... не знает покоя. Что может заставить подобного типа успокоиться, расслабиться, прекратить желать большего?

— Хм-м, — сатрап взял вино, принесенное кушитским мальчиком-слугой, и сделал тому знак удалиться. — Я слышу, и я понимаю. А Испарана?

— Воровка из Переулка Захватчиков! Теперь она получила полное прощение, и более того — она была возвышена, обедала с самим Актер-ханом! Воровка, женщина, которая крала и продавала свой товар и, без сомнения, самое себя на этих вот улицах! И... тьфу! Она любит этого заносчивого киммерийца.

— Да, по-моему, я это заметил...

— Они уже сослужили свою службу. Подумай сам: у человека есть прекрасно обученная птица. Он ис пользует ее в течение многих лет, и она охотится для него, как никакая другая. Однако в один прекрасный день она прилетает с охоты и выклевывает ему глаз. Не лучше ли ему было бы сразу заметить признаки ее недовольства, решить, что теперь хороший слуга

стал опасен, и удалить его? Лучше, чтобы у Конана и Испараны не было возможности болтать про Глаз или... оказать тебе дурную услугу, господин Хан.

Актер-хан, мигая, осушил свой серебряный кубок и налил себе вина. Зафра не прикоснулся к своему вину. Он наклонился ближе и заговорил тихим, настойчивым голосом:

— Подумай. Подумай об этом человеке и его породе. В Аренджуне он сражался с людьми из городской стражи, ранил и убивал — и ускользнул от них. Он не был наказан за это, и таким образом его самонадеянность и неуважение к властям усилились. Он не раз оставлял Испарану с носом — а она любит его! Какие уроки он извлек из этого? У нас есть только слово этого варвара. Откуда мы можем знать, что великий маг не выполнил условий сделки, обещанной им

варвару, который вернул ему Глаз? В Шадизаре он каким-то образом вступил в союз с аристократкой из Хаурана. Там же он убил дворянина из Кота — дворянина, и в присутствии самой королевы! Теперь она тоже мертва. А Конан? Оказавшись снова в Шадизаре, он опять завязал стычку со стражей, и опять остался в живых, — не получив ни раны, ни царапины, ни наказания.

Актер-хан потряс головой и рыгнул.

— Настоящий мужчина. Да, и опасный. В комнате зажужжала муха. Хан сердито нахмурился; Зафра, казалось, ничего не заметил. Все его внимание было сосредоточено на хане и на его словах; голос мага по-прежнему был тихим и напряженным.

— Неукрощенный, о Хан! Скажи еще, что он и иранистанец, с которым он путешествовал на юг, намеревались привезти Глаз тебе! Иранистанец был убит. Конан оказался в компании Испараны из Замбулы. Без сомнения, он получил бы награду, если бы передал твой амулет в руки Иранистана. Но теперь человек, связавший его с Иранистаном, оказался мертв, а замбулийка была под рукой, и, без сомнения, после того, как он передал бы Глаз законному владельцу, его ожидала бы награда... Понимаешь?

Актер кивал, потягивая вино. Его глаза были прищурены. По краю его кубка проползла муха, и он даже не заметил этого.

— Итак... Конан героически вернул амулет тебе. И теперь его приветствуют, и награждают, и чествуют, как героя! Авантурюриста, необузданного и беспринципного. Он понял, что может поступать, как ему заблагорассудится, этот Конан! Кого он уважает? Что он уважает, этот человек, убивший вооруженных городских стражников, и мага, и высокородного дворянина? Какие уроки извлек он из всего этого? Почему он должен уважать вообще кого-то или что-то, кроме самого себя? Что еще показал ему его жизненный опыт? Дай ему власть, и он захочет еще большей власти. Дай ему ответственность, и он возьмет на себя еще больше, чем ты ему дал. Вскоре он начнет мечтать о полной власти. Он многое знает о тебе, господин Хан! Без сомнения, Балад захочет связаться с ним! Я думаю, что такой беспринципный, необузданный варвар прислушается к человеку, который пытается лишить тебя трона, и заключит с ним сделку!

Актер-хан налил себе еще вина. Он не видел, как взгляд Зафры оторвался от его лица, однако рука мага одним непрерывным движением выстрелила вперед, смахнула со стола муху и раздавила ее о штанину.

— Мне кажется, Зафра, — задумчиво сказал Актер, — что ты оказал мне еще одну услугу. Мне кажется, ты помешал мне совершить ошибку, вызванную слепотой моей благодарности и моего слишком доброго сердца, — Актер-хан какое-то мгновение раздумывал об этом — о чистоте и опасной чрезмерной доброте своего сердца. — Да, и я

слишком возвысил Испарану. Однако девчонка неплохо сложена, не так ли?

К радости Зафры, от двери послышался чей-то третий голос:

— О хан, визирь ждет с...

Актер-хан обратил гневный взгляд на своего адъютанта:

— Вон! Он может подождать! Я занят! Когда перепуганный бедолага адъютант скрылся за дверью, Актер снова осушил кубок и взглянул на своего волшебника.

— Да. Лучше пусть его не знающая препятствий карьера будет обуздана здесь, в Замбуле, чем еще другие городские стражники, может быть, даже мои собственные Шипы, и другие дворяне падут жертвами его несдержанности и его не вызывающей сомнений доблести. Да. Хм-м... Зафра... и не... согласился бы ты принять Испарану в дар от своего хана?

Ибо Актер-хан заметил, как Зафра смотрел на нее, а хан не был еще полным болваном.

Зафра шевельнул рукой...

— Конечно, согласишься. Хафар! Хафар!!! Ко мне! Через несколько мгновений визирь открыл дверь, и его важное лицо вопросительно уставилось на повелителя.

— Схватить Конана и Испарану. Передай это капитану, и еще скажи, что он должен выполнять приказы моего превосходного слуги и советника, Зафры.

Лицо Хафара не выразило никаких эмоций, ибо подобная способность и делала человека хорошим визирём у такого хана и еще позволяла ему оставаться в живых, а Хафар этой способностью и обладал.

— Мой господин, — отозвался он, и этого было достаточно.

— Потом избавься от всех остальных проклятых льстивых просителей, и жалобщиков, и лизоблюдов, Хафар, и принеси мне те глупые документы, которые я должен подписать и скрепить печатью.

— Мой господин.

Зафра и Хафар вышли из зала бок о бок, но не вместе. Актер-хан, с умным видом кивая головой и поздравляя себя с тем, что проницательность и здравомыслие позволили ему приблизить к себе такого человека, как Зафра, протянул руку за вином.

16. КОНАН-БЕГЛЕЦ

Остальные завсегдатаи Королевской Таверны Турана были хорошо воспитанными и денежными людьми или умело притворялись таковыми. Однако они приостанавливались, чтобы поглазеть на человека, вошедшего в таверну и целеустремленно пробирающегося между столами. Белая каффия полностью покрывала его голову, оставляя на виду лишь молодое, бородатое, покрытое темным пустынным загаром лицо. Его широкие шаровары вздувались над сапогами, в которые они были заправлены. Шаровары были малиновыми, рубашка с длинными рукавами — желтой, а на груди был приколот кусок черной материи в форме звезды.

Он подошел прямо к столу личного гостя Хана, и большинство присутствующих наблюдало за их встречей.

— Хаджимен! — приветствовал его Конан. — А я думал, что мой друг вернулся в дом шанки.

Хаджимен, лицо которого было обеспокоенным или же по-настоящему серьезным, покачал головой.

— Я остался.

Он взглянул на Испарану, сидящую напротив киммерийца за маленьким треугольным столом. Ее одежды мало что скрывали, и Хаджимен торопливо отвел глаза.

Конан подал знак хозяину.

— Мой друг Хаджимен из племени шанки присоединится к нам. Давай, — сказал он сыну хана шанки, — садись с нами.

Хаджимен сел. Вокруг них начали подниматься кружки, и возобновились разговоры. Многом хотелось бы познакомиться с этим грубоватым человеком, оказавшим какую-то очень ценную услугу их хану, но кодекс поведения клиентов, посещавших столы Королевского Турана, не позволял заговаривать с ним.

— Сын хана шанки выглядит обеспокоенным, — сказал Конан.

Хаджимен взглянул на него глазами, в которых, казалось, горе соперничало с ужасом или, возможно, яростью.

— Я расскажу моему другу Конану и его женщины. Некоторые говорят, что моя сестра вовсе не умерла от лихорадки, а была... убита. Некоторые говорят, что она вовсе не ждала ребенка, как сообщил нам хан замбулийцев, но на самом деле была девственной и отвергла его объятия.

Конан сидел в молчании, пока перед Хаджименом ставили кубок и новую большую кружку с пивом. Потом виночерпий отошел. Конан мог почувствовать переживаниям шанки, но с трудом находил подходящие слова. И еще он взвешивал вероятность рассказанного: дочь пустыни, отданная своим отцом в дар великому сатрапу Империи Турана, — и чтобы она отвергла сатрапа? Конан видел со стороны шанкийских женщин только покорность — и еще он припомнил непристойное украшение, которое носила другая сестра Хаджимена.

— В городе, где живут такие люди, как эти, — осторожно сказал он, — на каждое событие ты услышишь три разных слуха.

Хаджимен налил себе пива, сделал огромный глоток, налил снова.

— Я знаю. Я не сказал, что верю тому, что услышал. Я рассказал моему другу из

племени киммерийцев только потому, что Теба говорит: обеспокоенный человек — одинокий человек, и еще говорит, что никому не следует быть в одиночестве.

Испарана спросила:

— Но из-за чего дочь Ахимен-хана из племени шанки могла быть убита здесь, в Замбуле?

Хаджимен заглянул в свой кубок, покрытый красной глазурью, и обратился к его содержимому.

— В этом нет для нас чести. Потому что она была девственницей и опозорила себя и свой народ, предпочтя остаться таковой.

— А-а, — Конан понял дополнительную причину душевных терзаний Хаджимена. Если то, что он услышал, было правдой, то девушка опозорила себя и своего отца — и, конечно же, своего брата и вообще весь свой народ. Так будут думать шанки, ибо они были маленьkim, древним, связанным обычаями племенем. Так что было бы лучше, если бы эта история никогда не вышла на свет; это осрамило бы ее отца и его народ. Неважно, что другие не увидели бы здесь причин для позора; шанки жили для шанки, а не для всех остальных. Из того, что Конан видел, он понял, что быть шанки очень нелегко. С другой стороны, она была подарком хану от хана. Если бы этот хан был опозорен, а она убита... можно ли было одобрить такое? Без сомнения, на Актер-хане лежал более тяжкий грех. Однако, насколько Конан понимал, это могло быть иначе для Хаджимена... и, возможно, наказанием за такое поведение — девушка-подарок, отказывающая выбранному для нее мужчине, — была смерть. Конечно же, не замбулийскому владыке было приводить приговор в исполнение. И все же...

Да, Конан мог посочувствовать переживаниям Хаджимена и стоящей перед ним дилемме, хоть и не мог полностью их понять.

С большой осторожностью он сказал:

— Эта история — этот слух... Он говорит, что она оттолкнула Актер-хана, и он убил ее в порыве раздражения?

— Говорят, что она не была убита так, под горячую руку. Она сделала то, что ты сказал, да, — но была убита позже, хладнокровно.

Хладно... О! Да, Конан знал, что для этих людей это означало «бесстрастно». Он прикоснулся к скованному обычаями молодому жителю пустыни

— мимолетно, ибо не был уверен в том, что следует и чего не следует делать по понятиям шанки. Ему вовсе не хотелось оскорбить одного из тех, о ком у него было такое высокое мнение. По мнению киммерийца, это были хорошие, и благородные, и трогательные люди.

— Итак, сын хана шанки не вернулся к шатрам Своего племени, — сказал он, испытывая раздражение от необходимости излагать свои мысли таким уклончивым образом. — Что он намеревается делать?

— Оставаться среди замбулийцев, — сказал Хаджимен, едва разжимая губы, и уставился на стол. — И попытаться узнать все, что можно узнать.

— Исследовать Правду.

— Да.

— И если этот мерзкий слух — правда, то перед моим другом по-прежнему будет стоять вопрос выбора, и ему по-прежнему нужно будет принять решение.

— Да, — ответил Хаджимен, не поднимая глаз.

— Хаджимен.

Шанки тупо посмотрел на Конана и моргнул.

— Да, я обращаюсь к тебе прямо и называю тебя по имени. Хотя я и уважаю обычаи шанки, сейчас мы не среди твоего племени. И его обычаи — это не обычаи моего народа. Мы называем наших друзей по имени. Хаджимен — я Конан. И у тебя есть друзья в Замбуле.

Немного помолчав, Хаджимен сказал;

— Хан замбулийцев благоволит к Конану.

— Да.

— Пока, — вставила Испарана, которая лучше Конана знала своего правителя.

Хаджимен еще какое-то время смотрел на Конана, потом коротко кивнул, осушил свою кружку и начал подниматься на ноги.

— Я буду оскорблен, если не поставлю тебе выпить, пока ты находишься в моем временном доме, — остановил его Конан, намеренно дважды используя прямое обращение.

Хаджимен снова обратил на него свой очень серьезный взгляд. Через какое-то время он заговорил:

— Это пиво Актер-хана?

— Да.

Хаджимен кивнул, бросил на стол монету и вышел.

— Гордый человек, — сказал Конан. — И он так и не обратился ко мне прямо.

— Я думаю, ты не оскорбил его, — отозвалась Испарана.

— Надеюсь, нет. Меня раздражают их речевые условности. Я не рожден для церемоний, Спарана. И все же мне не хотелось бы обидеть его или вообще кого-нибудь из шанки. Как ты думаешь, в эту историю о его сестре можно верить?

— Да. Ты не знаешь Актер-хана, Конан. Ты видел только благодарного монарха. Конан пожал плечами.

— Я знал многих правителей. Я бы не стал протягивать голую руку, если бы кто-нибудь из них держал меч! Но труднее поверить во вторую часть этой истории, Спарана: что дочь Ахимен-хана отвергла Актера — или любого другого мужчину, которому ее пода р и л и.

— Некоторым из нас, — ответила Испарана, — не нравится, когда нас. дарят, кому угодно и кто угодно!

— Испарана, ты настоящая женщина. И ты не такая; ты не воспитывалась среди шанки, и к тому же их ханом.

— Да, это правда. Слава богам. Однако я понимаю, что ты хочешь сказать. Предположим, что в душе она всегда была бунтаркой — подобно мне — и никогда не осмеливалась проявить это или предпринять что-либо, пока она жила среди шатров шанки. Здесь... может быть, она решила попытаться.

— Думаю, это возможно, — сказал Конан. Его глаза были устремлены на человека, входящего в таверну, но не видели его. — По-моему, лучше не говорить ничего об этом. Но я попытаюсь как-нибудь узнать.

— А ты уверен, что хочешь знать?

— Знания не повредят мне, Испарана. Если этот слух — правда, то не мне, а Хаджимену следовало бы уехать домой прежде, чем он все узнает!

Она улыбнулась и коснулась его руки, распознав некоторое сочувствие в этом столь суровом юноше; потом она подняла глаза и полуобернулась, следя за его взглядом. Киммериец усвоил урок и дал себе обет, правда, неформальный, — он никогда теперь не садился в таверне спиной к двери.

Таким образом, он наблюдал за приближением человека очень обыкновенной внешности, с отвислыми щеками, в длинном, плотно запахнутом плаще из обыкновенной домотканой серовато-коричневой ткани.

— Прошу прощения. Один человек там, за дверьми, хочет поговорить с киммерийцем Конаном.

Конан остался сидеть с бесстрастным лицом, по-прежнему сжимая в руке кубок великолепной работы и в то же время изучая этого человека, который подошел к нему так спокойно. Испарана тоже разглядывала этого неприметного человечка. Вокруг них остальные постояльцы были по-прежнему верны своему рождению, или деньгам, или претензиям: они ни на что не обращали внимания.

— Ты знаешь меня, — сказал Конан. — Пусть он войдет и выпьет со мной.

— Занятой вечер, — мрачно сказала Испарана и заглянула в глубокий вырез своего темно-красного шелкового лифа, отчего на ее подбородке образовались складки. На ней был медальон, подаренный Актер-ханом; своим нижним изгибом он чуть задевал верхний изгиб ее груди. «Этот вечер должен был быть только нашим», — подумала она, но не произнесла этого вслух.

— Он поговорит с тобой за стенами этой таверны, — сказал незнакомец Конану.

— Он не хочет показываться на людях?

— Возможно. Возможно, ты не хочешь, чтобы тебя видели вместе с ним.

Конан улыбнулся.

— Хорошо сказано. Но тогда почему я вообще должен хотеть говорить с ним?

— Не делай этого, Конан!

— Разговоры никому не вредят, — сказал человек в плаще, но Конан, которому пришел на ум Хаджимен, знал, что это не так. И все же...

Он внимательно изучал незнакомца. Тот не казался особенно опасным. Он вообще не казался опасным. Он не выглядел как человек действия или силач. «Интересно, — подумал киммериец, — кто же хочет поговорить со мной по секрету?» И большая шишка его киммерийского любопытства сказала: «Почему бы и нет?»

Он откинулся назад от стола.

— Распахни плащ.

Незнакомец бросил на него короткий вопросительный взгляд и подчинился. Под длинным серо-коричневым плащом на нем была туника с бахромой, едва доходящая до колен. Его пояс был нешироким, и на нем не висели ножны меча. Конан слегка расслабился, но не полностью.

— Я хочу, чтобы ты вытащил свой кинжал левой рукой и оставил его здесь, у моей спутницы. Подумав какое-то время, незнакомец кивнул.

— Мы не собираемся убивать тебя, Конан из Киммерии. Мы вообще не желаем тебе зла.

Он положил на стол кинжал, который был таким же незамысловатым и утилитарным, как и плащ: это было просто приспособление для еды.

Испарана спросила:

— Кто это — «мы»?

— Я и тот, кто хочет поговорить — только поговорить — с твоим спутником, Испарана.

— Его зовут Балад?

— Нет.

— Конан, не ходи.

— Ты знаешь нас обоих, — заметил Конан посыльному, потом, обращаясь к Испаране, сказал: — У меня с собой меч и кинжал, а этот человек *безоружен*. Я пойду на встречу с его хозяином»

Он взглянул на незнакомца, чтобы проверить, как тот отреагирует на это последнее слово. О» не увидел никакой реакции.

— Я бы не пошла, — сказала Испарана, не скрывая своего беспокойства.

Конан поднялся на ноги.

— Никуда не убегай, Спарана — и не слишком много пей без меня! Я вернусь, чтобы осмотреть твой медальон — с очень близкого расстояния.

Он подошел к виночерпию и выпросил у него абрикос. Потом он вернулся к посыльному, который, вместе со всей своей массой каштановых волос, был на целый фут ниже киммерийца.

— Я иду за тобой.

Конан был важной персоной. Остальные постояльцы таверны украдкой наблюдали за тем, как он, жуя абрикос, исчезает за дверью вслед за худощавым человеком в длинном темном плаще.

— Ты знаешь, — сказал, оказавшись на улице, фруктоядный Конан, словно продолжая разговор, — мне нравится носить меч. Так приятно чувствовать его у своего бедра.

— Я слышу тебя и понимаю. Тебе нечего бояться.

— О, я знаю это.

— Я хотел сказать...

Незнакомец не стал утверждать очевидное и замолчал, Они поняли друг друга. Конан, возможно, по-глупому согласившись следовать за неизвестным в неизвестное — и в темноту замбулийских улиц в центре города — напомнил своему проводнику, что вооружен, и так же тонко дал ему понять, что ничего не боится. Они пересекли улицу. На другой стороне свет был скучным, а тени — более глубокими. Конан дошел вслед за своим проводником до перекрестка и сделал резкое движение вперед.

— Ты чувствуешь это?

Идущий чуть впереди проводник отозвался:

— Да. Это твой кинжал?

— *Нет*, твой. Чуть выше твоей поясницы. Если я надавлю, ты умрешь или будешь парализован. Что будет хуже?

— Это, без сомнения, мудрая предосторожность осмотрительного человека, но в ней нет нужды. Тайна не всегда означает опасность.

— А вынутый из ножен кинжал не всегда идет в дело, — хоти такой поговорки в Киммерии нет. Ты можешь понять, что у меня нет причин доверять тебе.

— Да.

Они повернули за угол, и Конан щелчком отбросил в сторону абрикосовую косточку. Его провели в дверь. Короткая передняя заканчивалась целым рядом дверей и лестниц; проводник повел его наверх — в темноте. Конан незаметно вытер измазанную абрикосовым соком руку о плащ своего спутника. Они дошли до площадки, и проводник трижды постучал в дверь, одновременно просвистев три ноты. Дверь открылась изнутри, и Конан сузил глаза, защищаясь от яркого света. В комнате были две лампы, стол и три стула, вытертый овальный ковер работы жителей пустыни, кувшин и две глиняные кружки и всего один человек. Его одежда была такой же тусклой, как и у его посыльнного, — красновато-желтого цвета.

Проводник вошел. Конан последовал за ним. Ожидавший их человек закрыл дверь.

Конан услышал снаружи какой-то шорох и встретился глазами с хозяином комнаты.

— Дозорный, — сказал тот.; он был похож на торговца, и ему было уже за сорок. Конан кивнул.

— Я вооружен.

— Если только ты не собираешься совершить убийство, Конан из Киммерии, это не имеет значения.

Конан продолжал разглядывать своего собеседника. Его волосы отступали назад, обнажая высокий, блестящий, шишковатый лоб. Седина светилась в его бороде, словно иней. Его длинная туника — или короткая мантия — красновато-желтого цвета была окаймлена зеленою вышивкой, а окруженные множеством морщинок глаза казались прищуренными из-за набухших под ними сероватых мешков. Его нос был большим, но не крючковатым.

— Я должен доверять тебе, Конан из Киммерии. Надеюсь, что могу.

— Я слышу глупые слова, — сказал Конан, отступая от своего проводника, чтобы продемонстрировать длинный клинок, торчащий из его большого кулака. Справа от себя он заметил узкое окно; в комнате не было других окон или дверей, кроме той, через которую они вошли.

— Ты доверяешь? Это я действую доверчиво. Я пришел, не зная, как зовут вас обоих. Его собеседник улыбнулся.

— Хочешь вина?

— Нет. Я покинул уютную таверну и хорошее общество. Я собираюсь скоро вернуться, чтобы выпить со своей спутницей.

Двое замбулийцев обменялись взглядами.

— Ты откровенен.

— А ты нет. Я здесь. Говори.

— Тебе знакомо имя Балад, Конан?

— Твой проводник утверждал, что он ведет меня не к Баладу.

— Значит, ты о нем слышал.

— Ему бы хотелось быть ханом над Замбулой.

— Ты все так же откровенен.

— Ты все так же говоришь ненужные вещи.

— Мы не враги, Конан. У тебя нет причин для недружелюбия. Это все, что ты знаешь о Баладе?

— По всей видимости, я здесь, чтобы узнать больше. Говори.

— Ты будешь слушать речи о Баладе, о друг Актер-хана?

Конан пожал плечами.

— Осыпанный его милостями, а не друг. Актер-хан обязан мне. Я ничем не обязан ему. И вообще, его проклятый амулет дорого мне обошелся. Если я тебя выслушаю, это почти ничего не будет мне стоить и ничего не будет значить.

Это было правдой — и к тому же, как он подумал, хорошо звучало. Очень хорошо. К нему обратились заговорщики! Да, он выслушает то, что они собираются сказать. Неужели они осмелятся вести переговоры с человеком, осыпанным столькими милостями Актера? В таком случае, они либо чрезвычайно глупы, либо поистине отважны, и Конану хотелось бы знать, какое из этих двух предположений было верным. Он молча ждал с ничего не выражавшим лицом.

— Балад считает, что Актер-хан — не лучший правитель для Замбулы и, без сомнения, не лучший для ее народа.

Говорящий сделал паузу, чтобы проверить, какое впечатление произведут на Конана его слова; по лицу Конана ничего не было видно. Двое заговорщиков обменялись взглядами.

— Тебе лучше вернуться в таверну. Проводник Конана оставил их наедине.

— Меня зовут Джелаль, Конан. Тот, кто привел тебя сюда, не знает этого.

Конан знал, что Джелаль думал произвести на него впечатление тем, что назвал свое имя. Однако киммериец цинично предположил, что этого типа могли звать вовсе не Джелалем. Кроме того, Конан ему не верил. Проводник, без сомнения, знал какое-то имя, с которым обращался к своему старшему в организации Балада, и зачем бы этому старшему называть Конану какое-то другое имя? Киммериец продолжал хранить молчание. Его лицо оставалось неподвижным.

— Акгер-хан боится собственной тени, — сказал Джелаль. — Он превращается в тупого пьяницу и не делает ничего, что должен делать правитель. Его визирь — хороший и мудрый человек, но его вытеснил этот молодой маг, Зафра. Ты знаешь, что он убил мага, у которого был подмастерьем?

«Нет, — подумал Конан, — и я не знал, что есть что-то плохое в том, чтобы быть молодым».

— В темницах замбулийского дворца, — продолжал Джелаль, — люди умирают бесцельно, беспричинно.

В глазах говорящего отразилось изумление, когда Конан, внезапно оживившись, задал вопрос. — Каким образом погибла шанкийская девушка?

— Ты многое знаешь, — сказал Джелаль и, когда Конан никак не отозвался, продолжил.: — Она была убита. Она жестоко уязвила гордость Актер-хана: какая женщина не пожелает взойти на ложе с человеком, облеченным властью? И, однако, он убил ее не в порыве ярости. В один из дней в темнице были убиты два шпиона из Иранистана; убиты Зафром и Актер-ханом, которые оставались там наедине после того, как Зафра совершил некие... странные обряды над мечом. За девушкой-шанки послали, и она была приведена к ним. Не под арестом, разумеется; просто приведена к своему господину, который находился в темнице, и оставлена там. При этом были только она. Актер и Зафра. Вскоре Актер вышел — один. Зафра и девушка остались. Больше ее не видели. Никто не видел ее трупа. То, что я тебе сейчас рассказал, — это факт, Конан. В том, что я скажу дальше, мы не можем быть уверены: некоторые считают, что она была зверски убита и что это именно ее тело вызвало такой переполох в Переулке Захватчиков, где его обнаружили. Расчлененное тело молодой женщины или девушки, аккуратно упакованное в несколько свертков, — это настолько ужасающая находка, что она была чрезвычайной даже в такой дыре, как Переулок Захватчиков, — который, кстати, Балад собирается вычистить.

Конан пропустил мимо ушей последнюю фразу.

— Ты сказал, что ее убийство — это факт.

— Да.

— Откуда ты это знаешь?

— Я не могу сказать тебе, Конан. То есть я не смажу тебе.

— У тебя есть шпион во дворце?

— У Балада, конечно же, есть. Очень и очень многие считают, что Актер-хан не годится в правители, Конан, — и видят в Зафре страшную опасность для всех нас.

— Но тогда почему Балад? Устраивайте заговоры, ибо это происходит везде, и нет правителя, который не убивал бы и у которого не было бы темниц. Убейте Актера и посадите на трон его сына Джунгира. Дайте ему надежных советников — возможно, даже Балада.

— Джунгир — всего лишь мальчик, Конан, но он будет знать, что случилось с его отцом, и в конце концов, достигнув зрелости и укрепив свою власть, он будет искать мести. Балад — сильный человек, отпрыск старой и благородной семьи — и либерал. К тому же, он осознает судьбу Замбулы. Мы не можем оставаться просто так, задыхаясь и загнивая под властью «правителя», который не делает ничего, кроме как напивается каждый вечер до потери сознания.

Через некоторое время киммериец понял, что на этот раз Джелаль не собирается продолжать, пока он, Конан, не заговорит. Он заговорил.

— Я слышал твои слова, Джелаль. Они были интересными. Я сомневаюсь, чтобы в них было что-то новое: всегда существовали плохие правители и те, кто устраивает против них заговоры. Даже при хороших правителях — я слышал, такие бывают, — существуют люди, которые устраивают против них заговоры. Я не расскажу об этой встрече Актер-хану или кому бы то ни было еще. Помни, что я не замбулиец и не собираюсь оставаться здесь. Дела Замбулы меня мало касаются.

— Ты мог бы нам пригодиться, Конан.

— Без сомнения. Как я мог бы пригодиться и Актер-хану. Испарана д его капитан Иабиз думают, что он вполне может предложить мне какую-нибудь должность, соответствующую моим занятиям, — должность воина.

— Тех, кто служит Актер-хану, редко .уважают и никогда не любят, Конан. Ты — человек отважный и молодой, у тебя нет состояния. Если бы Балад стал правителем Замбулы, ты, несомненно, получил бы командование.

— В моем возрасте? Джелаль вздернул подбородок.

— А сколько тебе лет?

— Неважно. Это интересно, Джелаль. Однако пока что я получил свою награду и пользуюсь благосклонностью Актер-хана. В Киммерии люди говорят, что зимой, когда у тебя пустой желудок и ты убил хорошего лося, не следует тосковать по пряностям и вину.

Джелаль, словно припомнив, повернулся, чтобы налить вина. Жестом предложив выпить Конану, он осушил свой кубок, глядя поверх его края на чужестранца.

— В Замбуле люди говорят, что человек, который стремится к чему-то, но не предпринимает никаких действий, — это непогребенный труп.

Конан пожал плечами.

— Конан, — Актер-хан падет. Балад будет править. Туран примет его, ибо королю-императору нужен только сильный человек на здешнем троне и та дань, которую Замбула посыпает в Аграпур. У нас в Аграпуре есть друзья...

— Агенты?

— Назовем их друзьями. Мы считаем, что те, кто противостоит Актеру, — друзья Балада. Те, кто помогает ему, могут рассчитывать на его благосклонность. Ему нужны сильные, отважные люди.

— Чтобы сражаться. Твой Балад собирается залить Замбулу кровью?

— Вряд ли. Никто в Замбуле не станет сражаться за Актер-хана! Может быть, придется вести бой за дворец, — ровным голосом ответил Джелаль. — Я имею в виду его собственную охрану — Шипов Хана.

Конан кивнул.

— Я не сказал «нет», Джелаль. Я сказал, что ты не убедил меня в том, что мне следует соединить свою судьбу с Баладом. Для меня это только имя. Я не знаю его и почти ничего не знаю о нем.

— Ты можешь встретиться с Баладом, Конан. Мы считаем, что те, кто знает о нем и не вместе с ним, — против него.

Желудок Конана сжался, его губы — тоже. Это был уже второй раз, что он слышал подобные слова, а в некотором смысле он слышал их трижды. В них была скрыта угроза. «Присоединяйся к нам, или мы будем считать, что ты против нас, и тебе придется поплатиться за это, когда мы добьемся своего». У него было чувство, что подобные слова очень употребительны во всем мире и что он еще услышит их снова, прежде чем умрет.

Размышая над ответом — и не выпуская из виду правую руку Джелала, потому что тот был заговорщиком и человеком крупного сложения, которое скрадывалось этой коричневато-желтой мантией, и потому что заговорщики очень хитры, и потому что Джелаль держал кубок с вином в левой руке, — он услышал звук, который не был словами. Кто-то поднимался по лестнице за дверью и не беспокоился о том, чтобы идти украдкой. Потом два голоса обменялись возбужденными словами у самой двери. Конан увидел, как лицо Джелала изменилось, как его рука потянулась за правое бедро, где был спрятан от посторонних глаз кинжал. Конан сделал несколько шагов влево и только потом повернулся; таким образом он занял положение, из которого мог видеть и Джелала, и дверь. Джелаль, несмотря на свои опасения, которые, без сомнения, заставили его сердце биться чаще, заметил этот маневр искусного бойца.

Дверь распахнулась внутрь от сильного удара; Конан и Джелаль выхватили оружие; вошел проводник, один.

— Не менее двадцати стражников из дворца только что покинули «Королевский Туран». Они искали тебя, Конан, и Испарану. В эту минуту они как раз уводят ее.

Конан уставился на него; по лицу киммерийца было заметно, что он искренне удивлен и потрясен. Все еще сжимая в руке обнаженный меч, он рывком повернулся к окну иглянул в него.

Немного дальше по другой стороне темной улицы из открытой двери «Королевского Турана» лился наружу свет. На ступенях таверны стояли небольшой группой завсегдатаи и глазели в противоположный конец улицы. Конан не мог видеть, на что они смотрят. «Наблюдают за тем, как ее уводят», — подумал он, страшно помрачнев. Он и не мог бы ничего увидеть, потому что угол обзора не позволил бы ему этого, даже если бы он распорол пленку высокобленных свиных внутренностей, затягивающую прорезь окна.

Он повернулся, и двое замбулийцев увидели, как юношеское лицо может стать безобразным и зловещим, а глаза — превратиться из кусочков неба в осколки льда.

— Измена, — прорычал он, и по двум спинам пробежали мурашки; причиной было не само слово, а то, как по-звериному прозвучал голос северянина. — Этот вероломный боров... я покажу ему, что он мо... Двадцать. Ты сказал, двадцать человек.

— Да. Стражники в доспехах. Лучшие воины Актер-хана. Шипы.

Конан все еще, казалось, был в нерешительности, словно в любую минуту мог выбежать на улицу и попытаться отбить Испарану у ее охранников. Меч, торчащий из кулака, превращал его руку в инструмент убийства длиной почти в шесть футов.

— Конан, — спокойно сказал Джелаль, который уже спрятал в ножны свой длинный

клинообразный кинжал. — Возможно, ты один стоишь пятерых. Я слышал кое-что о тебе и о твоей доблести, и ты, конечно же, крупнее любого человека в Замбуле. Но ты не сможешь справиться с двадцатью. Они только убьют тебя — или ранят, и потом у них в руках окажешься и ты, и твоя женщина, — а не одна она, как сейчас. Пока ты жив и свободен, у нее есть надежда. И у тебя... у тебя есть друзья в Замбуле, Конан.

Эти слова вызвали вопросительный взгляд ледяных голубых глаз из-под нависших черных бровей.

— У тех, у кого есть причины быть врагами Актер-хана, — сказал ему Джелаль, — есть и причины быть друзьями между собой.

Конан моргнул, и его взгляд застыл, словно на него снизошло откровение. Он только что услышал перефразированные прежние слова Джелалия, и однако, насколько же лучше они звучали в такой формулировке! Угроза исчезла, и теперь в них было лишь успокаивающее обещание!

Едва двигая застывшими губами над стиснутыми зубами, он сказал:

— Я бы хотел встретиться с Баладом. И протянул руку к вину.

17. КОНАН-ВОР

Дай ему плащ, — сказал Джелаль. — Бывший проводник тут же начал стаскивать с себя это длинное коричневато-серое одеяние, и Конан осознал, что они хорошо все спланировали. Без сомнения, они не могли знать, что солдаты придут за ним и Испараной; они лишь надеялись, что этой ночью им удастся возбудить его интерес к себе. Да, и они спланировали все даже еще лучше.

— Турт! — позвал Джелаль.

В открытую дверь вошел третий человек; дозорный, понял Конан. Под крупным носом Турта кустились черные усы, свисающие ниже уголков рта. Приближаясь к Конану, он поднес руку к этим усам — и, дернув лицом, сорвал их.

— На чем они держались? — спросил киммериец, которому Турт протянул усы; как он увидел, это были действительно волосы, и они казались человеческими — недостаточно грубыми для того, чтобы быть вырванными из гривы или хвоста лошади.

— На том самом воске, который будет удерживать их под твоим носом, Конан, — сказал Джелаль. — Когда на тебе будут усы и плащ, а синеву твоих глаз скроет уличная темнота, тебя никто не узнает. Ты можешь побиться об заклад, что люди Актера будут искать тебя, вооруженные твоим описанием. Ну-ка, позволь мне.

Конан застыл в неподвижности, чувствуя себя не совсем в своей тарелке, а Джелаль примерился и осторожно прижал усы к нужному месту. Конан дернул носом и, забрав у бывшего проводника плащ, накинул его на себя. Его действия были вызваны возбуждением, хлынувшим в кровь адреналином; теперь он припомнил:

— Моя комната! Мои вещи!

Худощавый человек, на котором теперь не было плаща, покачал головой.

— Несколько людей хана остались в таверне, готовые к бою. Они искали тебя в твоей комнате в таверне. Они будут ждать твоего возвращения — не на виду.

Конан выругался. Сузив глаза и продолжая бормотать проклятия, отчего его усы подергивались, он вернулся к узкому окну и задумчиво посмотрел на «Королевский Туран» по другую сторону улицы и на здания с обеих сторон от таверны.

— Как далеко нужно идти, чтобы попасть к Баладу? — спросил он, не оборачиваясь.

— Неблизко, — ответил Джелаль.

— Прекрати изображать передо мной невразумительного оракула! Я хочу знать, как далеко!

— Порядочный путь. И еще мы предложим тебе гостеприимство здесь. Тебе теперь нужно какое-то пристанище, Конан.

Конан отвернулся от окна. Замбулийцы на краткий миг увидели этот страшный звериный оскал, который заставил бы ребенка с криком броситься к своей матери.

— Тогда в путь. У меня на этот вечер есть кое-какие другие планы!

Тем не менее Джелаль вышел первым; несколько минут спустя двое других повели вслед за ним теряющего терпение киммерийца. Даже ночью и в этом чужом для него городе Конан старательно замечал путь, по которому они шли; его едва ли цивилизованные инстинкты брали верх.

«Собаки!» — думал он, сжимая зубы. Они водили его кругами, и он понял, что они пытаются преднамеренно скрыть от него путь и расстояние до дома Джелала. Дважды они

задавали ему вопросы, но он был так же хитер, как и они: он так и не сказал им, какими были его «планы на этот вечер».

Водяные часы вполне могли заполниться один раз, прежде чем они покинули район стоящих вплотную друг к другу зданий и начали подниматься на Холм Одинокого Быка среди вилл замбулийских богачей. Проводники вели Конана мимо растянувшихся по склонам холма поместий, и он видел там охранников и фонари. Лаяли собаки, слышались оклики дозорных и ответы. Они шли дальше вверх по склону холма, мимо дерева, на котором висело объявление, приколотое арбалетной стрелой: оно гласило, что всех проходящих будут считать ворами. Они прошли мимо него, и поднялись еще выше, и остановились между двумя высокими каменными столбами. Джелаль договорился с ними о пароле, и теперь Турт произнес его:

— Свободная Испарана!

Ему ответил свист; троица зашагала вперед. Из горшков, поставленных на плоские верхушки вкопанных в землю толстых столбов, вырывались языки пламени и поднимался к небу маслянистый дым. Конана и его проводников окликнули снова, и на этот раз дозорные вышли им навстречу. Огни плясали в ночи. У этих людей были арбалеты. Их облаченный в доспехи командир кивнул, узнав спутников Конана, и внимательно изучил голову и лицо, поднимающиеся над плащом, который едва ли был на Конане таким же длинным и полностью окутывающим, как на посыльном Джелала.

— Ну и большой же он, — сказал одетый в шлем и стальные латы начальник охраны.

— А еще, — негромко отозвался Конан, — он не любит, когда о нем говорят так, как будто его тут нет.

Стражник, по-видимому, посчитал за лучшее не отвечать или проглотил язык от неожиданности. Они вошли в украшенную портиком виллу с огромной, толстой, оббитой железом дверью.

— Повар оставил тебе хорошего мяса, Джелаль, — сказал начальник охраны поместья.

— О, прекрасно. Я с полудня ничего не ел, — это произнес человек, который выступал в роли посыльного и проводника.

— Джелаль? — требовательным тоном повторил киммериец. — Ты тоже Джелаль?

— Только я, — улыбаясь, ответил худощавый проводник.

— Тогда кто же...

— Я Балад, Конан.

При звуках этого голоса Конан обернулся и оказался лицом к лицу с человеком, который при первой встрече назывался Джелалем. Конечно же, он пришел сюда прямой дорогой и поэтому оказался здесь задолго до них; одежду он не сменил.

— Прости. Заговорщики бывают вынуждены лгать, ты же понимаешь.

— Черт! — сказал киммериец, сердито сбрасывая плащ настоящего Джелала на сверкающий мраморный пол. — Если бы ты сказал мне это больше часа назад вместо того, чтобы играть со мной в игры и кружить, как змея, по половине Замбулы, мы оба могли бы избавить себя от многих хлопот!

— Я — человек меченный, — сказал Джелаль-Балад, — и эти игры и змеиное кружение так же необходимы, как охрана снаружи и слова пароля. Ты заметил дорогу, по которой тебя вели, не так ли?

— Я понял, когда сделал три поворота в сторону левой руки, вскоре за которыми последовали еще четыре в правую сторону.

Балад улыбнулся — глава заговора против замбулийского трона.

— Ты действительно опасный человек, Конан из Киммерии. Мы сожалеем, что причинили тебе беспокойство. Но каким образом то, что мы привели тебя прямо сюда, могло избавить меня от хлопот? Нашим намерением было обеспечить мою безопасность — нашу безопасность.

— А теперь нам придется проделать весь обратный путь в город за ключом к твоему успеху, Балад, — за человеком по имени Хаджимен.

— Хаджимен? Шанки? Мы, естественно, прощупали его, когда обдумывали, как подойти к тебе...

— И мне будет нужно, либо чтобы меня отвели, — продолжил Конан так, словно Балад не произнес ни слова, — либо самому найти дорогу обратно в «Королевский Туран».

— «Королевский Туран»! Ты что, не понимаешь, что ты не можешь возвратиться туда? Солдаты Актер-хана ждут тебя!

— Я не останусь там надолго, — сказал Конан! Киммериец не отрывал взгляда от своего рослого собеседника.

— Балад, я возвращаюсь. И я должен быть один. Не пытайся помешать мне.

Балад долго смотрел на своего предположительного нового рекрута, гиганта-чужестранца, который отвечал ему мрачным, свирепым взглядом самых, без сомнения, странных глаз во всей Замбуле.

— Конан — почему?

Фальшивые усы киммерийца дернулись в слабейшем подражании улыбке.

— Ты знаешь о моем умении обращаться с оружием, — сказал он. — Я хорошо владею и еще одним ремеслом. * * * Длинный серо-коричневый плащ образовывал бесформенную кучу у подножия стены здания, соседнего с Королевской Таверной Турана. Под плащом лежала пара башмаков гигантского размера. А по почти плоской крыше этого здания, низко пригибаясь, шел босой человек. Его меч был привязан к спине; рукоять была надежно закреплена ремешком, пропущенным в кольцо у отверстия ножен. Человек был очень большим. На вершине пологого ската крыши он приостановился, чтобы обмотать вокруг пояса веревку, с немощью которой поднялся наверх, а потом задумчиво посмотрел на крышу таверны, отделенную от него расстоянием в пять футов. Она была плоской и находилась примерно на том же уровне, что и гребень, на котором он стоял. Свет опускающейся к горизонту луны блеснул на его зубах; его улыбка была волчьей.

Закрепив веревку вокруг пояса, он спустился обратно к краю крыши, пригибаясь, словно в низком поклоне.

Здесь он остановился и выпрямился, а потом снова присел с плавной гибкостью крадущейся кошки; мышцы его икр вздулись. Затем, несмотря на свой громадный рост, необычайно широкие плечи и массивное сложение, он легко пробежал вверх по крыше и оттолкнулся от ее гребня. Он не засучил ногами в воздухе, а лишь слегка подтянул их кверху, пролетая через пустоту на крышу близлежащего здания. Когда он приземлился, обе ноги сложились пополам, так что его голые пятки ударились о ягодицы. Глухой шлепок от его приземления был неправдоподобно тихим для человека его сложения.

На крыше «Королевского Турана» не оказалось ничего, к чему можно было бы привязать веревку. Человек знал, какое окно ему было нужно; единственным способом, какой он смог придумать, чтобы дотянуться до него и до его верхнего наличника, было повиснуть на краю крыши спиной к стене и удерживаться коленями. Он сделал это.

Вот так через несколько часов после полуночи Конан попал в свою собственную комнату в «Королевском Туране».

В ней было темно и пусто, как и должно было быть. Он отвязал меч, пристегнул его к поясу и ослабил ремешок, удерживающий рукоять. Затем он привязал свою веревку к одной из балок и вытравливал ее в окно, пока она почти не коснулась земли. Затем на ощупь нашел свою длинную, позякивающую кольчугу. Меч он отстегнул, но прислонил его к стене так, что мог во мгновение ока схватиться за рукоять. Не обращая внимания на темную, слишком узкую тунику, которую ему одолжил Балад, он, извиваясь, влез в кольчугу и снова пристегнул меч.

Превосходного качества плащ, подарок Актер-хана, лежал там, где Конан его оставил, — сложенный на чрезвычайно удобной кровати. Киммериец развернул его и начал собирать свои сокровища: монеты и золотой кубок, который скатился с плаща и с кровати и со звоном ударился об пол.

— Черт!

Не заботясь больше об осторожности, Конан присел на корточки, схватил кубок и бросил его к вещам, разложенным на плаще, который он затем быстро связал в узел. Когда он повернулся с ним к окну, дверь, ведущая в переднюю, отворилась, и в темноте ярко вспыхнул желтый мерцающий свет факела.

К тому времени, как головня и одна нога несущего ее человека оказались в комнате, меч Конана уже был в его руке.

— Кто здесь?

Человек вошел — это был солдат в шлеме. Он прищурился, взглядываясь в темноту, и высоко поднял свой факел. Его желтый свет превратил его лицо в странную, жуткую маску — и обнаружил Конана. Киммериец стоял, слегка согнув ноги и пригнувшись, с самодельным мешком в левой руке и мечом в правой, с непокрытой головой, и, хоть и вооруженный, с ничем не защищенными руками. Его неподвижный взгляд был ужасающе злобным.

— Ха! Вор, да? Я тебя по... Это этот Конан!

— Горлодер, — прорычал Конан и прыгнул; его меч взлетел по дуге вверх.

Снаружи, в коридоре, послышались другие голоса, и чьи-то ноги тяжело затопали вверх по ступенькам. Еще несколько солдат показались в дверном проеме. Первый споткнулся о своего павшего товарища, злой рок которого заставил его обнаружить киммерийца и закричать, не успев еще вынести руку с мечом из-за двери, которая открывалась в комнату. Второй и третий солдаты с живостью отскочили с пути ревущего огненного шара, который полетел в них, истекая струями пламени, со свистом пронесся сквозь дверь и врезался в противоположную стену коридора. Оба солдата, а теперь и третий, снова торопливо разбежались, когда огненный шар запрыгал по полу, угрожая обжечь им ноги. Один из них подхватил его: это был факел, ранее принадлежавший солдату, стоявшему на посту у двери комнаты чужестранца. Стражник поднял его над головой и повел своих товарищей за собой в комнату.

Первый солдат, не издавая ни малейшего стона, лежал в луже собственной крови, второй стоял у окна, выглядывая наружу и вниз. Туга натянутая веревка шла от балки за его спиной мимо его плеча и уходила через подоконник. Солдат обернулся.

— Он вылез в окно!

Один из его товарищей оказался достаточно смышенным, чтобы рубануть мечом по веревке, но та только прогнулась: она уже повисла свободно.

— Я возьму его, — сказал стоящий у окна и высунулся наружу.

— Нет' Закум, подожди! Я перерубил... Но Закум уже героически выскользнул за окно, сжимая руками веревку, подрубленную клинком его товарища. Когда обутые в сапоги ноги Закума столкнулись со стеной здания, ослабевшая веревка не выдержала. Она лопнула и вылетела в окно, как нападающая змея. Вслед за криком Закума последовал звук удара его тела о плотно утоптанную землю переулка.

— Дьяволы Ханумана! — с этими словами еще один солдат выглянул наружу и вниз.

Закум дергался и извивался на земле, держась обеими руками за ногу.

— Моя нога, моя нога...

— Эта безмозглая задница! Он сломал себе ногу! Быстрее отсюда и вниз по ступенькам, парни! Если мы позволим этому чужестранцу ускользнуть, то наверняка пострадает нечто худшее, чем наши ноги, — он нужен хану!

Они бросились вон из комнаты, пронеслись вниз по ступенькам с грохотом, напоминающим раскаты летней грозы, и через главный зал выбежали наружу. Не увидев никаких следов Конана, они разделились и стали искать его по всем окрестным улицам.

Полчаса спустя недовольный солдат приближался к двери по противоположной стороне улицы и чуть дальше от таверны, возвращаясь назад без преследуемой жертвы. Из мрака прихожей за дверным проемом внезапно появилось видение. Солдат, чуть было не вскрикнув, выхватил меч, прежде чем понял, что это человек; высокий согнутый пополам горбун в тусклом плаще серо-коричневого цвета и с драным куском тряпки на голове вместо кафии. Большая дрожащая рука вынырнула из-под плаща.

— Монетку, капитан?

— Проклятье, я не капитан, и ты об этом знаешь! Иди хныкай где-нибудь в другом месте, чертов попрошайка!

Солдат пригнулся, чтобы взглянуться в лицо горбuna, на которое падала густая тень от «кафии».

— Черные дьяволы Сета! И попроси кого-нибудь подровнять тебе эти смехотворные усы, приятель!

Солдат вернулся в «Королевский Туран» с пустыми руками. Конан — на спине которого под плащом Джелала был спрятан мешок, а голову покрывала полоса ткани, оторванная от туники, подаренной Баладом, — ухмыляясь, пошел своей дорогой. Солдату повезло, что он медленно соображал и был тугодумом; другая рука Конана под плащом Джелала сжимала рукоять вынутого из ножен кинжала.

Сгорбившись, Конан направился к Холму Однокого Быка.

18. КЛЮЧ К ЗАМБУЛЕ

У Балада была поддержка. У Балада была организация и были последователи; Балад чувствовал себя готовым («Я и народ Замбулы!», как он выражался) выступить против Актерхана. Ему нужен был только ключ: происшествие или хитрость, которая еще не пришла ему в голову или не подвернулась под руку.

Большой отряд солдат был размещен в бараках в восточной части Замбулы. Широкая мощеная дорога обеспечивала быстрый проезд через город ко дворцу. Там, в самом королевском доме и в прилегающих к нему бараках, похожих на таверны, были расквартированы еще две сотни солдат. Некоторые называли их избранными; официально они именовались Хан-Хилайим, или Шипы Хана. Предполагалось, что они должны оставаться верными Актеру, невзирая на оскорблении с его стороны или на настроения некоторых или даже большинства людей. У Шипов была хорошая плата, хорошие квартиры и хорошая еда. Их в достаточном количестве снабжали солью, превосходным пивом и женским обществом. Любой дворец — это твердыня, легко обороняемый дом правителя и последнее пристанище и крепость для его народа; дворец Замбулы не был исключением. Две сотни избранных могли выдержать долгую осаду значительно превосходящих сил противника. К тому же конные подкрепления из бараков, находящихся по другую сторону города, могли подняться по тревоге, вооружиться, оседлать лошадей и прибыть на место действия в течение часа; это время от времени подтверждалось учебными тревогами и построениями. Таким образом хан готовился к атакам из-за стен города — и принимал меры предосторожности против восстаний, от которых не застрахован ни один правитель. Хотя шпионы во дворце могли и открыли бы двери войскам Балада, им, как и нападающим, пришлось бы пройти мимо Шипов.

Поэтому Баладу, не имеющему армии или внешних союзников и магии под стать той, которой обладал ханский волшебник, — Баладу нужна была хитрость или случай, который он называл Ключом. Нужно было нечто, что отвлекло бы отряд, расквартированный в бараках, армию — и, возможно, оттянуло бы из дворца некоторых из Хан-Хилайим.

Голубоглазый чужестранец с далекого севера понял, что он сможет дать Баладу такой ключ.

Конан никогда не присоединился бы к Баладу. Замбула вряд ли была его городом, и эти люди вряд ли были его народом. У него не было намерений помогать или мешать их действиям. Эти люди не имели никакого отношения к Конану. Если бы ему дали пост среди Шипов Актер-хана, он сохранял бы верность и, без сомнения, применил бы свой ум и мастерство против Балада и компании. Вместо этого Актер-хан пригласил его на обед, угостил вином, наградил, осыпал похвалами, выслушал его историю, а потом проявил свое вероломство по отношению к человеку, который оказал ему крайне важную услугу, который считал его другом и достаточно хорошим правителем, принимая во внимание то, что этот человек знал и предполагал о правителях вообще.

Неважно, имел ли Глаз Эрлика для Актер-хана какую-то ценность или нет, но Актер-хан верил, что имел, и именно это придавало амулету ценность. Предположительно было правдой, что Глаз можно было использовать против Актера — сам факт, что амулет был украден, привел его в состояние, близкое к •ужасу.

— Жаль, что я сразу не отдал амулет тебе, Балад, — проворчал киммериец.

— Мне тоже, Конан, — не без некоторого сожаления ответил заговорщик и вновь вернулся к практической стороне составления заговора.

Неважно, что Конан все это время служил своим собственным интересам и вряд ли впутался бы во всю эту длинную цепь событий с какой-либо мыслью о том, чтобы помочь Актер-хану из Замбулы. Киммериец выбросил это из головы, заменив на праведные горечь и гнев. Он потратил много сил, чтобы сослужить службу этому вероломному и неблагодарному человеку. По сути дела, он отдал Актер-хану несколько месяцев своей жизни — полгода, если бы он отправился теперь в обратный путь к Заморе. И Испарана тоже отдала многое, пожертвовала многим. А хан, ее хан, оказался поистине вопиюще неблагодарным властелином! Теперь Испарана была его узницей где-то внутри дворца, — если она еще была жива, — а Конан оставался на свободе только благодаря случаю и Баладу.

Поэтому он испытывал горечь, и гнев, и разочарование в самом себе за то, что не заподозрил ничего со стороны Актер-хана. Ему необходимо было удовлетворение — месть. Поэтому он присоединился к Баладу. И ему не понадобилось много времени, чтобы узнать о стоящих перед заговорщиками проблемах.

Он поможет Баладу. И таким образом — ему не было необходимости говорить себе об этом — благородно и героически поможет народу Замбулы. Актер не был достойным правителем — если таковые вообще существовали, в чем Конан сильно сомневался; Актер, в любом случае, был даже хуже, чем многие из тех, у кого костенели мозги и размягчались задницы от долгого сидения на тронах. Вообще-то хан сам предоставил Баладу его ключ. Конан просто увидел, как его использовать. Актер совершил более чем предосудительное преступление, убив девочку-подростка, которая была подарком вождя шанки. Как оказалось, это убийство было еще и глупостью. Оно обеспечило ключ.

Не кто иной, как киммериец Конан сделал так, чтобы Хаджимена из племени шанки проводили в крепость революционера Балада, с которым Конан уже договорился; Хаджимен и Конан поговорят наедине в этой комнате. Они негромко разговаривали — одетый в шаровары житель пустыни и киммериец в только что сшитой тунике из простой домотканой материи коричневого цвета.

— Ты знаешь, что шанки не могут надеяться завоевать Замбулу, — сказал Конан сыну Ахимен-хана, — или даже пробить брешь в ее стенах. У шанки недостаточно сил.

— Один молодой воин шанки стоит пятерых иоггитов, — Хаджимен сплюнул, — и троих замбулийцев, несмотря на все их доспехи из железных колец!

Конан кивнул:

— Правда. Я знаю. Этого недостаточно. Лучшие воины среди замбулийцев превышают число лучших воинов среди шанки в соотношении, гораздо большем, чем три к одному, — и, кроме того, они сидят за этими стенами.

Хаджимен вздохнул, встал, походил по комнате, вернулся и опустился на подушку рядом с той, на которой сидел Конан. Киммериец решил провести разговор с шанки в манере шанки, хотя его раздражение, вызванное этим окольным способом обращения, проявлялось все более явно. Вообще-то усилия Конана в отношении этого молодого ханского сына увенчались некоторым успехом: Хаджимен уже был в состоянии временно от времени обращаться к киммерийцу, говоря «ты» и «Конан». Однако не в этот раз.

— Конан знает, что я знаю истинность того, что он сказал, — произнес Хаджимен, который выглядел мрачно, словно жрец на похоронах государственного масштаба. — Тем не менее, здесь идет речь о чести шанки и о гордости моего отца. Знает ли он, что было бы

глупо атаковать этот город?

— Суть в том, сможет ли он понять и принять, что не Замбула, а Актер и его маг убили твою сестру? Вам не нужно воевать с замбулийцами, которые не любят и не уважают своего хана. Это счеты между шанки — нет, между твоим отцом и Актером с Зафрай.

— И мной, Конан! Да, я вижу это. Я знаю это. Мне лучше не рассказывать об этом отцу. Мне лучше остаться здесь и самому отомстить за свою сестру — как-нибудь, — безрадостно добавил он, — а потом одновременно сообщить шанки подробности о ее смерти и о нашей мести Хану.

Конан покачал головой.

— Это не лучший выход. Это смело и глупо, и мы оба знаем это.

Хаджимен сердито посмотрел на человека, сидящего вместе с ним в этой комнате виллы князя Шихрана; виллы, принадлежащей теперь заговорщику Баладу, которому хотелось быть Балад-ханом. Спустя какое-то время Конан протянул руку, чтобы тепло коснуться руки шанки; гордый воин пустыни отстранился. Мысленно вздыхая при виде такого поведения, которое он считал глупым, Конан узнал кое-что о самом себе и о гордости и чести.

— Ну ладно, Хаджимен. Ты знаешь, что я имею в виду. Ни ты, ни я не верим, что тебе удастся подойти к Актеру так близко, чтобы иметь возможность убить его. И даже если бы тебе это удалось — как-нибудь, как ты сказал, — ты никогда не дожил бы до того, чтобы рассказать об этом своему отцу. Тогда он лишится не только дочери, но и сына. Ты знаешь, что он сделает потом. Пойдет в атаку и погибнет.

Хаджимен с подергивающимся лицом уставился на него. Потом он резко отвернулся и подошел к открытому узкому окну.

— Конан мудр. Во имя Тебы — сколько тебе лет, Конан?

Киммериец улыбнулся.

— Достаточно много, чтобы давать советы, которые, возможно, у меня не хватило бы благородства принять.

Хаджимен, стоя к нему спиной, фыркнул.

— И что Конан хочет, чтобы мы делали? Вели себя так, словно вообще ничего не случилось? Этот человек принял мою сестру в дар от нашего отца и убил ее, словно она была боровкой или иоггиткой!

Хаджимен сплюнул, продолжая демонстрировать Конану свою широкую спину в желтой рубашке.

— Нет. Послушай теперь меня. Самое величайшее, что человек может сделать, это хранить все про себя, чтобы помешать своему отцу в ослеплении честью и гордостью совершив глупость, — зная все это время, что месть невозможна, но может стать возможной в один прекрасный день. Я знаю, что ни Хаджимен, ни Конан не настолько велики! Нет, Хаджимен, сын Ахимена, я обращаюсь к тебе прямо. Слушай меня внимательно. Даже солдаты Замбулы не поддерживают Актер-хана. Мне бы очень хотелось, чтобы ты увидел смерть своей сестры отмщенной, Хаджимен! В то же самое время, шанки могут героически помочь замбулийцам избавиться от того недостойного существа, которое живет в их дворце. Хаджимен! Послушай! Я бы хотел, чтобы ты... я хотел бы попросить тебя, чтобы ты как можно быстрее поскакал к отцу и вернулся с отрядом воинов. Пусть они будут снаряженены для битвы, пусть под ними будут самые быстрые ваши верблюды. Они должны будут остановиться на большом расстоянии от городских стен и посыпать стрелы в стены, а не

поверх них в Замбулу. И все это время выкрикивать обвинения и вызов Актер-хану!

Хаджимен резко повернулся, чтобы взглянуть в лицо рослому человеку с голубыми глазами.

— А! — на лице воина пустыни отразились возбуждение и надежда; однако в его глазах под племенным знаком свирепого и вдвое гордого шанки таился вопрос. — Но... такой человек не выйдет нам навстречу!

— Нет, не выйдет. Он будет сидеть у себя во дворце, зная, что его солдаты вскоре отобьют эту смехотвор... эту глупую атаку. Против вас выступят солдаты из гарнизона; они будут радоваться возможности действовать и жаждать крови. И тогда шанки должны сделать нечто отважное и благородное... и трудное. Вы должны будете обратиться в бегство.

— Бегство! — Хаджимен с ужасом выплюнул это слово, чуждое его природе.

— Да, Хаджимен! — Конан позволил своему голосу возбужденно повыситься; ему необходимо было завербовать шанки для осуществления этого плана. — Да! Пусть они выйдут из-за стен и атакуют вас. Сражайтесь с ними, убегая. Бегите все дальше и дальше.

Когда они наконец перестанут вас преследовать, а это должно случиться, остановитесь, перестройтесь и наблюдайте за ними, пока они не отойдут от вас на

значительное расстояние, возвращаясь в город. Тогда бросайтесь за ними в погоню!

А! И потом мы настигнем этих шакалов, и навалимся на них сзади, и перережем их на скаку! Так мы сможем изменить соотношение сил в нашу пользу. Конан тяжело вздохнул, позаботившись о том, чтобы Хаджимен это заметил.

— Они не шакалы, Хаджимен, друг мой. Это молодые люди и юноши, как мы, отважные и служащие плохому хану. Нет, они повернутся и перестроются, чтобы встретить вашу атаку. Тогда вы должны будете развернуться и снова, не замедляя бега, ускакать прочь, так, чтобы они последовали за вами. Если это будет возможно, небольшой отряд шанки должен будет подъехать к городским воротам. Это несколько нагонит страху на тех, кто будет наблюдать за вами со стен. Может быть, они вызовут подкрепление — из дворца.

— Во всем этом я не вижу чести, и шанки так не поступают, Конан. Какова цена этих безобидных скачек по равнине за пределами этих стен?

— А! Хаджимен, ты действительно великий человек! Ты спрашиваешь, вместо того, чтобы впадать в неистовство, — это верная примета! Ты действительно станешь преемником Ахимена, Хаджимен, и у шанки будет хороший вождь! Подумай. Шанки могут вооружить и посадить в седло... сколько? Возможно, три сотни человек, если мы включим сюда мальчиков, только что вышедших из детского возраста, и тех, для кого расцвет жизни уже далеко позади?

— И сотню женщин и девушек! Наши женщины — это не слабенькие игрушки, как те, которых я видел в этом лагере, окруженном стенами!

— ...в то время, как здесь расквартировано более двух тысяч солдат. Такая армия перебьет вас всех, включая девушек и женщин, а Актер в это время будет сидеть в безопасности в своем дворце, а позже прикажет уничтожить шанки всех, до единого. Таким образом, я показываю тебе, что ты должен объединиться с теми, кто одолеет Актера. Они смогут сделать это только с помощью шанки, Хаджимен!

Хаджимен, сын хана, задумчиво посмотрел на него.

— Конан и Балад.

— Да, и другие, — энергично кивая, ответил Конан. — Я могу пробраться во дворец. Я проберусь туда. Балад может пойти в наступление, и победить, и свергнуть Актер-хана...

если ханские воины будут заняты погоней за призраками в пустыне.

— Призраки? Шанки!

— Да! — вскричал Конан; он видел и слышал возбуждение Хаджимена и начал говорить быстрее и громче, чтобы подстегнуть это возбуждение. — И тогда Балад отзовет войска и откроет им, что шанки — союзники.. и твой народ будет пользоваться любовью в Замбуле и будет союзником ее нового правителя.

— Ха! Замбулийская конница гоняется за шанкискими призраками, пока наши друзья Конан и Балад занимают дворец! Балад завоевывает корону, и замбулийцы получают нового, лучшего правителя, — а Конан и Хаджимен добиваются мести, справедливости!

Ухмылка Конана была не из тех, что делали его лицо красивым.

— Да, воин . Хаджимен подошел к нему и внезапно застыл в неподвижности с каменным лицом.

— А Актер-хан, если он останется в живых, должен быть выдан шанки для наказания!

Конан знал, что не может давать подобного обещания, и знал также, что может попасть в беду. Он нашел слова, чтобы высказать это:

— Хаджимен! Тебе следовало бы прямо сейчас скакать к шатрам твоего племени! А вместо этого... разве шанки выдали бы Актер-хана для наказания замбулийцам, если бы он совершил против тех преступление, неважно, насколько тяжкое? Подумай! Актер-хан совершил больше преступлений против своего народа, чем против твоего. Замбулийцы должны покарать его. Он принадлежит им,

он один из них. У меня нет никаких сомнений в том, что он будет казнен... если останется в живых после нашей атаки. И, конечно же, союзники Балад-хана будут присутствовать при том, как Актер умрет!

После долгого молчания Хаджимен кивнул.

— Тебе не обязательно было говорить все это. Ты мог просто сказать «да» и попытаться убедить меня позже.

— Это так. Я что, должен лгать моему другу, сыну моего друга?

Не прошло и часа, а Хаджимен и его отряд уже выезжали из Замбулы. Вместе с ними, переряженный в шанки, отправился Джелаль — человек Балада. Его собственная одежда была в одном из тюков на его вьючной лошади, а шанкиская каффия скрывала лицо, которое кто-нибудь из охраны ворот мог распознать. Через несколько дней, когда шанкиские передовые отряды окажутся меньше чем в дне пути от Замбулы, Джелаль должен будет вернуться — на лошади и в своей собственной одежде — чтобы доложить Баладу. Таким образом отвлекающий маневр из пустыни будет скоординирован с настоящей атакой изнутри стен Замбулы.

После отъезда Джелала и шанки Конан провел большую часть дня, совещаясь с Баладом и с его товарищами-заговорщиками. Это было не очень-то по душе киммерийцу, который страдал недостатком терпения, свойственным как юности, так и варвару, и предпочитал поменьше заговоров и более прямой подход, выражавшийся в решительных действиях. В данном же случае Хаджимен, упрямо настаивающий на том, чтобы проявить глупое благородство, заставил Конана выступить в новой для того роли более вдумчивого и умеющего убеждать человека. Тому, кто в один прекрасный день будет возглавлять группы, потом отряды, потом армии, а потом — целые народы, не было еще и восемнадцати, и он учился — и взросел.

Часть его дерзкого плана так же мало пришла по душе Баладу, который, вместе с

другими, указал киммерийцу на то, что его желание — решение, но они сказали «желание», — пробраться во дворец, там освободить Испарану и атаковать изнутри было глупым упрямством.

Тот, кто подавал мудрые советы настойчивому Хаджимену и сумел переубедить его, продолжал стоять на своем и не поддавался никаким убеждениям.

Так несколько ночей спустя один опытный вор, в последнее время живший в Шадизаре, и Аренджуне, и Киммерии, перелез через две стены и пробрался во дворец Актер-хана. Менее чем через два часа он был пленником того, кто стал реальным правителем Замбулы: мага Зафры.

19. «УБЕЙ ЕГО!»

Он помнил пытки. Он помнил их смутно, как в тумане, словно его дурманили или околдовали.

Он помнил настойчивое прикосновение острия меча к своей спине — в центре, над копчиком. Он помнил, как его заставили втиснуться между двумя вбитыми в пол столбами, отстоящими друг от друга менее чем на два фута. Острие меча продолжало касаться его спины, пока второй человек привязывал его ноги — щиколотку и бедро — к столбам, каждый из которых был толщиной с его икру. Острие меча прикасалось к его спине постоянным напоминанием, и он не шевелился, пока ему связывали запястья впереди. Кожаные ремни были завязаны множеством узлов. Нажатие в точку на его спине усилилось, заставляя его продвинуться вперед. С привязанными ногами он не мог никуда идти, он мог только сгибаться в поясе. Острие меча вызвало к жизни струйку теплой крови. Он почувствовал ее. Он перегнулся в поясе, наклоняясь вперед. Его связанные запястья были пропущены меж ду его расставленными, привязанными к столбам ногами. Он согнулся еще больше. Длинная веревка, прикрепленная к ремням, стягивающим его запястья, была перехвачена сзади и натянута вверх за его спиной. Он глухо заворчал. Веревка была привязана к железной жаровне, вмурованной в стену в семи-восьми футах позади него. Пол леденил его босые ноги — или это было раньше; он помнил, что потом этот пол стал приятно холодным. Его заставляли нагибаться все дальше вперед; мышцы на его широкой спине лопались от усилия, кровь жарким потоком приливалась к голове, заставляя лицо багроветь. В глазах у него помутилось; все стало красным. Прочие узы удерживали его в одном положении. Он не мог милосердно упасть вперед, потому что крепкие веревки притягивали его щиколотки и бедра к столбам. Его рот был забит кляпом, и это оказалось очень унизительным: поскольку он вынужден был стоять, низко нагнувшись вперед, он никак не мог удержать слюну, капавшую вокруг кляпа. Он помнил, что чувствовал ненависть. Он видел все в еще более красном свете, а его голова, казалось, была налита свинцом. В висках у него стучало. В конце концов его голова налилась кровью, и его сознание провалилось.

Он помнил, как просвистел бич, внезапно и резко опускаясь, чтобы стегнуть его поперек спины. Он помнил, как ловил ртом воздух, потому что удар бича заставил его задохнуться, и как пот мгновенно выступил на его лице и потек струйками по бокам из-под мышечек. Это продолжалось. Бич скользнул назад, пропел в воздухе, обрушился на его тело. Черное жало бича беспощадно рвало и полосовало плоть. Он знал, что на спине вздуваются рубцы. Его глаза жгла яростная ненависть к змееподобному бичу и к тому, кто держал этот бич в руках. Его грудь — которую стягивающие его тело веревки сделали тугой, как барабан, и твердой, как у медведя, — судорожно вздымалась; его ноздри раздувались и дрожали. Бич шипел и хлестал по его телу. Он не помнил, чтобы они задавали какие-либо вопросы; они просто причиняли ему боль.

Он знал, что у него вырывались стоны, и прилагал все усилия, чтобы не закричать вслух. Все было мутным, туманным. Это мог быть сон. Он крепко сжал зубами губу. Было больно. Это не было сном. Он не мог сдержать конвульсивного вздрагивания своего связанного тела, раскачивания своих узких бедер, судорожного стягивания небольших валиков мышц на спине. Он был обнажен. Пот ручьями стекал по его спине, бокам, капал с лица, забрызгивая

пол где-то внизу. Это была автоматическая реакция на угрозу и удары бича — неумолимый взмах и рывок, и готовность, и взмах, и резкий удар, и ужасающую тревогу, и обжигающую боль. Но он подавлял в себе даже стоны и ни разу не вскрикнул. Они вытащили кляп у него изо рта и смочили его рот водой, чтобы иметь возможность послушать его крики. Они не услышали ничего, в этом он был уверен. Ведь был?

Он помнил жгучую мазь. Он помнил, или ему казалось, что он помнит, жуткий спектакль: будто бы меч, не направляемый ничьей рукой, убил его товарища по плену. Случилось ли это на самом деле? Он не был уверен. Могло ли это случиться? Слышал ли он этот тихий, мягкий голос, сказавший: «Убей его», — и в самом ли деле меч понял и повиновался?

Он не мог быть уверен в этом. Он помнил, или ему казалось, что он помнит.

Боль от того, что его хлестали крапивой, была слабой; начавшийся вслед за этим зуд был самой худшей из всех пыток. Он был связан и не мог почесать те места, которые жгло, как огнем.

Его били по животу. Звук от удара широким ремнем был очень громким.

Он помнил, что ему сказали, что завернут его в свежесодранную коровью шкуру и выставят наружу, лицом к утреннему солнцу. Он не думал, что это случилось. Он был уверен в том, что ему на голову надели шлем и пристегнули его так, что узкий кожаный ремешок впился ему в подбородок. Кто-то колотил по шлему молотком до тех пор, пока он не начал спрашивать себя, что наступит раньше: смерть или безумие.

Ни то, ни другое. Он выдержал, и ему казалось, что он не закричал, хотя он впоследствии не был уверен в том, что не всхлипал. Он бы скорее согласился, чтобы его избили или распяли на кресте.

Возможно, кое-что из этого было колдовством Зафры: без сомнения, что-то было волшебством и не произошло на самом деле. И так же точно, кое-что из этого несомненно случилось. Конан впоследствии никогда не мог сказать с полной уверенностью, что было реальным, а что — нет. Он в самом деле укусил себя за губу; об этом свидетельствовал гладкий болезненный участок распухшего мяса. И у него болела голова и звенело в ушах.

Он проснулся затем, несколько часов или несколько дней спустя, с этим ужасным смутным чувством неуверенности, не зная, спал ли он или был одурманен, или колдовским образом лишен ясности ума; его голова начала проясняться, и ему казалось, что он не связан. Он лежал неподвижно, пытаясь почувствовать, стянуты ли у него запястья и щиколотки, и таким образом понять, связан он или нет. Сначала он не мог быть уверен. Он лежал неподвижно, пытаясь оценить себя и свое положение. О! Он был во дворце. Его схватили. Где он? Во дворце — где? Он не мог полностью осознать это. Его мозг был вялым и неповоротливым, а тело,казалось, постарело на несколько лет. Сознание вернулось к нему и разрослось в нем, словно пламя, медленно разгорающееся в комнате, где чувствуется лишь ничтожно слабое движение воздуха. В мозгу у него начало все больше и больше проясняться, словно его осветила эта тонкая, отважная свеча. Он знал, что очень ослаб, но почувствовал, как возрастают его силы — или, по меньшей мере, исчезает слабость.

Конан открыл глаза.

Он лежал наполовину на ковре и наполовину на вымощенном плитами полу — серое и бледно-красное с тонкими прожилками белого и черного. Красивый пол из уложенных в шахматном порядке мраморных плиток. Он увидел стол и предмет на нем... он вспомнил Зеленую Комнату, логово Хисарр Зула, бывшего колдуном сначала в Заморе, затем в

Аренджуна, а теперь — в ад, куда отослал его Конан. Это были такие же точно вещи. Тогда это, должно быть, комната Зафры, мага Актер-хана. Да. Рядом с тронным залом, кажется? Возможно, вон та дверь...

Конану не нравилось, как пахло в этой комнате.

Химикиалии, и травы, и омерзительный запах паленого волоса. Он согнулся и разогнул пальцы, потом обе руки. Он был прав: он не был связан. Несколько импульсов, посланных вниз по ногам, показали, что ноги тоже свободны. Он лежал наполовину на боку, наполовину на животе. Он глубоко вдохнул воздух, хотя ему не очень-то нравился запах или вкус этого воздуха в комнате колдуна.

Он успел наполовину подняться, прежде чем увидел Зафру. Маг мудро встал в таком месте, где его можно было увидеть лишь в результате сознательно направленного движения; таким образом он уловил момент, когда Конан начал приходить в себя.

Конан замер на одном колене, опираясь об пол костяшками пальцев одной руки.

— А, — улыбаясь, сказал Зафра. — Очень мило. Однако это обнадеживает: ты почтительно преклоняешь колено.

Конан с исказившимся от злобы лицом вскочил на ноги. Зафра быстро показал ему, что держит в руках меч.

— Ты ведь рассказал нам свою историю, помнишь, варвар? Я знаю, что ты за наглый, дерзкий мальчишка. Я так и думал, что ты можешь попытаться сделать то, что ты сделал: пробраться сюда, как вор, чтобы найти Испарану и снести парочку голов, ведь так? Хорошо я тебя поймал, да? Понимаешь, ты ведь варвар, и тобой движут те же самые инстинкты, что заставляют действовать собаку, или кабана, или медведя. У меня есть цели, определенные цели. В состязании между двумя такими, как мы, человек, руководствующийся разумом и стремящийся к цели, должен восторжествовать Как ты видишь; я и восторговал. И я буду жить, в то время как ты вернешься в ту грязь, которая втолкнула тебя в чрево какой-то варварской сучки. Не пройдет и года, как я буду править в Замбуле Еще через несколько лет я буду править в Аграпуре Зафра, король-император Турана! Да! Не так уж плохо для крестьянского мальчишки, которого хозяин бил. потому что он недостаточно быстро усваивал уроки.. уроки колдовства, которые я усваивал гораздо быстрее, чем думала эта старая свинья! Пьялься на меня этими своими злобными звериными глазами, сколько хочешь — но попробуй только напасть, варвар, и ты всего-навсего умрешь быстрее.

— Тогда пусть будет быстрее, — сказал Конан, делая длинный-длинный шаг в сторону и хватая тяжелую бронзовую напольную лампу высотой с него самого, с украшенным резьбой стержнем, который в самом узком месте был толщиной с его запястье. Лампа была тяжелой, а он был не в лучшей форме; он глухо заворчал и рывком перевернул ее. Кипящее масло выплеснулось на пол.

В течение какого-то мгновения Зафра смотрел на Конана с изумлением и чем-то близким к ужасу; потом он приподнял брови и усмехнулся.

— Ты помнишь этот меч? Я показывал его тебе, варвар. Я показывал тебе, как он подчиняется. Стоит приказать ему, и он не остановится до тех пор, пока не убьет. Что ж, двигайся быстрее, варвар... Убей его.

На затылке Конана зашевелились волосы, а по обнаженной спине словно пробежали крошечные ледяные ножки: Зафра разжал руку. Меч, который он держал, не упал на пол. Его острие опускалось до тех пор, пока застывшие глаза Конана не оказались на одном уровне с ним и с перекрестием рукояти позади него, — и тут меч ринулся на киммерийца.

Конан, охваченный единственным страхом, который был ему по-настоящему знаком, — страхом перед колдовством, — тем не менее не застыл на месте, что означало бы для него смерть. Вместо этого он бросился на пол — и в тот самый момент, когда меч, свернув вслед за ним, понесся вниз, наобум ударил по нему лампой. Резной бронзовый стержень ударился о сверкающее стальное лезвие с оглушительным воинственным металлическим звоном, и меч отлетел в другой конец комнаты. Тяжесть Конанова оружия — или оборонительное движение — увлекла за собой руки киммерийца, и он распластался на полу, услышав при этом, как меч со звоном отлетает от стены за его спиной. Он кое-как поднялся на ноги, сжимая бронзовый стержень обеими руками, и прыгнул на Зафру, глаза которой широко раскрылись. Потом взгляд мага скользнул мимо Конана, и киммериец уронил свое тело наземь, поворачиваясь в падении и ударяя лампой вверх. Его бок пронзила острыя боль, и он заворчал. Но снова его металлическая дубинка ударилась о нацеленный для убийства, никем не направляемый меч.

Конан внезапно ухмыльнулся, припомнив, что сказал Зафра, и эта его гримаса вызвала у мага страх и даже ужас, потому что это была жуткая, свирепая ухмылка хищного зверя. Конан, качнувшись, вскочил на ноги и бросился бежать — и не к Зафре. Он побежал к двери, ведущей в дворцовый коридор!

Секунды, отсчитываемые капельками воды, казались ему минутами; по его спине бегали мурашки. Он побежал три шага, четыре, еще один — и швырнул лампу вправо, а сам нырнул влево. Он был всего в двух шагах от большой, обшитой панелями двери; он решил, что ни за что не успеет добежать до нее, ибо этот ужасный безмозглый клинок должен был лететь острием вперед ему в спину.

Так оно и было. И на этот раз меч подлетел так близко и преследовал свою убегающую жертву с такой скоростью, что не повернулся в воздухе вслед за ней. Вместо этого он вонзился в дверь с такой силой, что острие клинка полностью ушло в дерево: на дюйм или даже больше. Конан, молча и даже не взглянув на Зафру, снова вскочил на ноги — и пока жуткий, наводящий суеверный ужас меч высвобождался из потрескивающего дерева, киммериец схватился за бронзовую ручку, рванул на себя дверь — и выскочил в коридор.

«Ну что ж, меч не остановится, пока не убьет?» — подумал он с ужасной мрачной ухмылкой и дернул дверь к себе. Она с грохотом захлопнулась. Он стоял, тяжело дыша, держась за ручку, прислушиваясь к тому, как бурчит в его пустом животе — и ожидая крика из комнаты колдуна.

А потом послышался вопль, закончившийся хриплым горловым бульканьем, и Конан понял, что карьера молодого волшебника пресеклась задолго до того, как у того появилась возможность состариться в своем ремесле, не говоря уже о захвате тронов.

— Эй, стой!

Этот голос и взгляд, брошенный в ту сторону, откуда он раздался, и показавший приближающегося дворцового стражника, помогли Конану принять решение. Он раздумывал, хватит ли у него смелости войти в комнату мага и попытаться завладеть мечом — теперь, когда тот уже нашел себе жертву. «Что ж, — подумал он, — теперь мне остается либо это, либо бегство нагишом по коридорам королевского дворца, — где я буду почти таким же неприметным, как слон в медвежьей яме!»

Он распахнул дверь, влетел в комнату и захлопнул дверь за собой. Прошло всего лишь несколько секунд, прежде чем об нее ударилось чье-то тело: Шип Хана ускорил свой бег! Конан не остановился, чтобы взглянуться в худощавое тело, неуклюже распростершееся на

красивых плитках пола. Оно не шевелилось. Не шевелился и стоящий над ним торчком меч, глубоко вонзившийся в грудь Зафры.

— Чуть влево от середины, — пробормотал Конан, чувствуя, как его рука покрывается «гусиной кожей», но тем не менее протягивая ее к рукояти этого заколдованных клинка. — Действительно, прекрасный меч! — его ладонь сомкнулась на рукояти. Та не шелохнулась. Казалось, это всего-навсего обыкновенный меч. — Что ж, Зафра, он не смог послужить тебе так, как ты ожидал, — возможно, он послужит Конану!

Действительно, прекрасный меч; он так глубоко вонзился в нижнюю часть груди Зафры, что Конану пришлось упереться ногой в тело лежащего навзничь мага, чтобы вытащить клинок.

Дверь распахнулась, и в ее проеме появился коренастый солдат в шлеме, латах и с мечом в руке; от того, в чем можно было узнать труп Волшебника Замбулы, к нему обернулся обнаженный человек, в чьем огромном кулаке тоже был зажат меч и чьи глаза и рычащий рот были глазами и ртом несущего смерть зверя. * * * Конан, облаченный в шлем и надетые поверх кожаной туники латы одного из Хан-Хилайим, шагал по внутреннему коридору замбулийского дворца. На боку у него висел меч Зафры — несмотря на то, что его клинок распорол принадлежавшие охраннику ножны из тисненой кожи, натянутой на тонкую, легкую деревянную рамку. В руке Конан держал половину буханки хлеба, умело стащенную с проносимого мимо подноса, — так, что несшая поднос служанка даже ничего и не заметила. Это был хлеб из перебродившего теста — хлеб для изнеженного обитателя дворца в изнеженном городе, — и Конан был рад этому, потому что такой хлеб можно было проглотить за один присест, а его невесомость не позволила той, у кого он был украден, что-либо заподозрить.

«Или, возможно, она поняла, но ей было наплевать, — думал Конан. — Хан-Хилайим, без сомнения, очень часто делают именно то, что им хочется. Что ж... вам недолго осталось, вы, подонки, которые служат подонку! А! Это, должно быть, та самая дверь».

Это действительно была она, и ее никто не охранял.

Она открывалась в подземелье, и изнутри, рядом с ней, горела на стене единственная головня. Внутри и внизу была Испарана, как он и ожидал. Или, возможно, он помнил; без сомнения, именно здесь Зафра пытал его самого. Теперь он...

К несчастью, Испарана была не одна. При виде ее Конан на мгновение забыл об осторожности, и когда он шагнул через площадку к лестнице, ведущей в подземелье, где лежала Испарана, он услышал судорожный вздох и, рывком повернувшись, увидел двух Шипов Хана. Они стояли, глазея на нее, — сволочи!

— здесь, наверху, слева от двери, а он, направляясь вперед и вправо, прошагал как раз мимо них. Сгибая колени в боевую стойку, он схватился одновременно за рукояти меча и кинжала и изготовился к атаке.

Двое Шипов казались озадаченными.

— Что это ты, по-твоему... — начал один из них, но Конан забыл, что на нем их форма. Он сделал то, что было крайне неожиданно для них и совершенно нормально и даже характерно для него: он атаковал этих двоих солдат.

Тот, кто начал говорить, более молодой, потерял половину плеча при встрече со взлетающим мечом Зафры, а второй получил удар кинжалом в живот прежде, чем успел взмахнуть своим клинком. Первый, без сомнения, осталбенев от шока, нашарил и вытащил свой собственный меч, — хотя его лицо было белым, а перерубленная рука повисла, как

потрепанное алое знамя.

— Ты отважный сторожевой пес недостойного хозяина, — сказал Конан, — и это меня почти огорчает.

Он сделал обманный выпад мечом — удар, который солдат отразил своим клинком, — и взмахнул вперед левой рукой.

Кинжал переломился, ударившись о кольчугу. Конан проклял хана, который одевает своих избранных стражников в прекрасные одежды и доспехи, одновременно вооружая их оружием, непригодным даже для разрезания запеченной курицы, и сердито лягнул противника в пах. Бедняга застонал, согнулся пополам, потеряв равновесие, когда его искалеченная рука качнулась вперед, и свалился с края площадки, ударившись о плотно утоптанную землю в двадцати, или около того, футах ниже. Конан, не торопясь, взгляделся в распластертое тело. Оно не шевелилось. Киммериец повернулся, торопливо подошел к лестнице и спустился по двадцати и пяти ступенькам в эту мрачную камеру, обитель невыразимого ужаса и разложения.

Только приблизившись к обнаженной, связанной женщине, Конан обнаружил, что Испарана в подземелье не одна.

Хозяин этого продымленного, забрызганного кровью царства боли отдыхал от своих трудов, прикорнув на подстилке у задней стены. Теперь Конан увидел его в первый раз; палач Балтай был человеком такого же мощного телосложения, как и сам Конан, с такими же длинными руками и, возможно, таким же сильным, но с более заметным животом. Как и киммериец, он был вооружен и мечом, и кинжалом. Разница была в том, что его большой нож не был сломан.

— А ты здоровущий, — сказал он гортанным и в то же время странно высоким голосом, — так ведь?

Конан не подумал о том, чтобы отдать приказ волшебному мечу Зафры. Не стал он и ждать, пока хозяин камеры пыток нападет на него. Он подбросил сломанный кинжал в воздух и воткнул меч в земляной пол как раз вовремя, чтобы поймать кинжал правой рукой. Плевать ему на порезы; он взмахнул рукой назад, вперед, и рукоять и около трех дюймов неровно обломившегося клинка все еще были в воздухе, когда его ладонь опустилась на рукоять меча. Весь странный маневр длился какие-то секунды. Это был акт отчаяния; Конан не хотел тратить время, встретившись лицом к лицу с человеком такой силы, с такими длинными руками, и к тому же лучше вооруженным, чем он сам.

Он бросил кинжал не в голову Балтая, а в его грудь, предположив, что палач не сможет двигаться настолько быстро, чтобы успеть увернуться, — не с этим хорошо откормленным брюхом. Он оказался прав. К тому же палач Актера сделал неверное движение: он нырнул вниз, подставляя таким образом лицо летящему снаряду. Рукоять сломанного кинжала тяжело и с громким звуком ударила его в рот. Палач зарычал от боли и потрясения; его губа была разорвана, и один зуб сломан; из обоих глаз потекли слезы, вызванные не рыданиями, и он ослеп, пусть всего на мгновение. Этого хватило.

Меч Конана, выдернутый из земли согнутой вбок рукой, взлетел вертикально вверх и распорол брюхо Балтая от пупка до грудины. Разрез был неглубоким, но болезненным, длинным и кровоточащим. Клинок, оставляя за собой кровавый след, продолжал двигаться. Не задев лица палача, он взлетел над его головой, и Конан шагнул вперед, обращая свое движение и опуская клинок вниз. Великолепный меч Зафры рассек череп замбулийского мастера пыток.

— Слишком плохо, — пробормотал киммериец. — Было бы приятно испробовать на тебе твои собственные штучки, жирная свинья!

— Прекрати... разговаривать с покойником, — с некоторым трудом выговорила связанный женщина, пытаясь освободиться, — и разрежь на мне веревки. Я достаточно долго ждала тебя, ты, ворующий верблюдов кимрийский пес-варвар с куриными мозгами.

— Киммерийский, черт возьми, киммерийский, — отозвался Конан, разрезая веревки и восхищаясь про себя ее мужеством. Ей пришлось кое-что вытерпеть, и ничто из этого не было приятным. — У тебя довольно-таки ужасный вид, Спарана, любовь моя, — хотя я клянусь, что даже покрытая рубцами и грязью и с этим клеймом на теле ты все равно лучше выглядишь обнаженная, чем десять любых других женщин.

Она неуверенно села, морщась и растирая ободранные веревкой запястья.

— У этой толстой свиньи там, около подстилки, есть немного мяса и вина,

— сказала она. — Как мило ты разговариваешь, возлюбленный, с бедной, нежной и невинной девушки, которую ты оставил в таверне Актеровым свиньям и псам. О-о... Конан... прости, но, по-моему, я сейчас потеряю сознание.

— У нас нет на это времени, Спарана. И вообще, это у тебя просто кровь отхлынула от головы, — как давно ты не стояла на ногах?

Он принес вино, встряхивая кувшин и улыбаясь плещущим звукам, и дал ей сделать первый долгий глоток, а потом помог ей встать на ноги, и внезапно она неистово сжала его в объятиях.

— Ох, — вырвалось у нее тут же, и она отшатнулась.

— Я понимаю твою благодарность и неумирающую любовь, Спарана, но я бы ни за что не стал обнимать человека, одетого в кольчугу.

Она подняла глаза и взглянула на него исподлобья.

— Ты действительно варварская свинья с мелкой душонкой, Конан. Ты знаешь об этом?

Его лицо напряглось. Все это ни к чему не вело; может быть, лишь слегка снимало напряжение; однако время не стояло на месте, а кроме того, ее голос начинал звучать слишком уж серьезно.

— Возможно, моя милая дама из Замбулы, но я только что убил Зафру, троих Шипов Хана и весящего несколько сот фунтов палача, чтобы прийти и вытащить тебя отсюда.

— О-о... о, Конан, — сказала она, сжимая его предплечья — липкие от чужой крови, — и опуская взгляд. — Не нужно ни с того ни с сего обращаться со мной так серьезно; ты знаешь, что я благодарна тебе и что я люблю тебя.

Он ничего не ответил, и через мгновение она взглянула на него блестящими глазами.

— Зафру?!

— Да. Его собственным мечом — вот он. Я расскажу тебе об этом как-нибудь в другой раз. Ты готова снова стать женщиной-воином, Спарана?

— Нагишом?

— У мастера пыток очаровательная, мягкая и душистая подстилка... Похоже, она состоит из одежд и других женщин, кроме тебя. Хотя я. узнал то красивое красное воздушное платье, которое было на тебе в ту ночь, когда они пришли за тобой.

— Уф... Я бы предпочла не носить то, на чем он спал... — она оглянулась вокруг. — Однако, похоже, у меня нет выбора. Только бы у этой мрази не было вшей, — она скрылась нагишом в полумраке в той стороне темницы, где раньше спал Балтай. — Я не могу описать тебе, Конан, как я рада тому, что ты сказал насчет Зафры, — и как мне жаль что ты подарил

этой свинье Балтаю такую быструю смерть. Знаешь, они сделали гораздо больше, чем просто попользовались мной.

Конан кивнул. Он знал, что «просто попользовались» означало бы несравненно больше для другой женщины — или девушки, которой Испарана не была. Возможно, ей удалось получить от этого хоть какое-то удовольствие. Он надеялся на это. Он был рад, что он мужчина и что ему никогда не придется говорить о том, что им вот так «просто попользовались».

— Ты воин, Испарана, — негромко сказал он.

— Ты внезапно заговорил так церемонно.

— Ты произвела на меня впечатление, — ответил Конан. — А как бы ты отнеслась к окровавленной кольчуге?

— Хорошая идея, — отзвалась она, одеваясь. — Ты не мог бы немножко вытереть ее его туникой или еще чем-нибудь?

Конан как раз снял тунику с более молодого покойника с искалеченной рукой и сломанной шеей, когда боковое зрение сообщило ему о каком-то движении высоко наверху. Он поднял глаза и узнал Фаруза, одного из телохранителей Актер-хана. Плотный, средних лет стражник улыбнулся ему сверху вниз.

— Прекрасно. Я в любом случае всегда чувствовал отвращение к этому подонку Балтаю.

Конан, опускаясь на корточки, обхватил ладонью рукоять лежащего рядом меча и мрачно уставился на Фаруза, который стоял у самой двери. Стражник успел бы выскочить за дверь и запереть ее за собой гораздо раньше, чем Конан смог бы добраться до него.

— Хорошее место для тебя, варвар. Я просто закрою эту дверь, пока мой господин Хан не решит, что он пожелает сделать с вами обоими!

Конан вытащил меч.

— Иог бы тебя побрал, Фаруз, надо же было тебе прийти именно сейчас! Ты уверен, что не готов поменять хозяина?

— Вряд ли. Обо мне хорошо заботятся, Конан. Увидимся с вами обоими позже — и нас будет несколько.

Необъяснимым образом едва заметная улыбка приподняла уголки губ киммерийца. Он направил меч на человека, стоящего в двадцати футах над ним, пробормотал: «Убей его», и разжал руку.

Меч Зафры упал на дно темницы.

Фаруз расхохотался.

— Ага, я так и думал, что это... Значит, для варвара это не работает, а, варвар?

— Черт! — рявкнул Конан. — Этот пес Зафра... заклятие работало только для него! Это просто меч!

Когда он опускался на корточки, чтобы поднять меч, из полумрака в неосвещенном углу темницы, крадучись, высунулась изящная рука и подобрала кинжал Балтая. Конан подхватил меч Зафры и в отчаянии швырнул его вверх в тот самый момент, когда Фаруз начал отступать за дверь. Клинок со звоном отлетел от каменной стены. Фаруз рассмеялся и насмешливо помахал рукой в знак прощания — и кинжал, брошенный Испараной, доказал, что для оружия, летящего снизу, кожаная пола туники стражника не была достаточно длинной. Кинжал Балтая вонзился в пах Фаруза, и тот, хрюкая и давясь блевотиной, с огромными, остекленевшими в агонии глазами, опрокинулся на спину.

Конан резко повернулся к Испаране. Она вышла на свет в наряде, который был

смехотворно разношерстным даже для этой камеры.

— Я не знал, что ты можешь бросить нож таким манером дважды!

— К счастью для тебя, могу. Много раз я с удовольствием бросила бы кинжал в тебя, мой дорогой, если бы только у меня была такая возможность. Я не сделала этого — опять же к счастью для тебя.

Они с наслаждением обгрызали мясо с большой жирной кости.

Конан смотрел на нее, припоминая все те разы, когда она легко могла убить его — в то время, когда ей еще этого хотелось, — если бы у нее был кинжал, уравновешенный для метания. Эта спокойно жующая женщина убивала с душевной непринужденностью и самоуверенностью киммерийца!

— Уф! Хвала всем богам за то, что все, что ты когда-либо использовала против меня, — был меч! Надо бы не забыть поговорить об этом — как-нибудь в другое время. А этот кинжал был еще и тяжелым.

— Да. Меня нельзя назвать слабой. Однако мне пригодится твоя помощь, когда я буду надевать эту кольчуту.

— О!

Пока он помогал Испаране натянуть через голову и копну черных волос, — которые в данную минуту были грязными и слипшимися от пота, — тридцать, или около того, фунтов сработанной без единого шва кольчуги, она задала ему нескромный вопрос:

— А что это была за странная история с мечом? Ты сказал: «Убей его» — и уронил меч на пол?

Он коротко рассказал ей, как Зафра использовал меч, и что он сказал о нем, и как меч гнался за ним, Конаном, — и как пронзил того, кто его заколдовал.

— Клыки Иога, — слегка вздрогнув, сказала женщина, — какое ужасное волшебство! Я рада, что он умер и что меч теперь у нас, — а ты думаешь, что он был заколдован так, чтобы подчиняться только приказу Зафры?

— Ну, — сказал Конан, направляясь вместе с ней к лестнице, — моему приказу он не повиновался! И бросил я его отнюдь не удачно, — если бы не ты, мы были бы пленниками и ждали бы появления полчищ вооруженных стражников.

— Двоих было бы вполне достаточно, — заметила Испарана, — с луками или арбалетами. Значит, Зафра собирался захватить все, — а Актер-хан непременно потребовал бы себе такое оружие, как этот меч, если бы он знал о нем!

Конан мрачно усмехнулся и кивнул. Несколько минут спустя они ногами спихнули Фаруза в подземелье пыток, а сами надели доспехи и взяли по паре мечей и кинжалов. Испаране не подошел ни один из шлемов — у нее было слишком много волос. Беглецы повернулись к открытой двери, и тут Испарана поймала Конана за руку.

— Я не могу поверить, что мы когда-нибудь выберемся из дворца живыми, Конан. Я хочу сказать тебе, что...

— Тогда пойдем искать себе помощь, — сказал он и широко распахнул дверь.

— Подожди... Конан! Я хотела сказать... искать помощь? Что ты имеешь в виду? Конан!

Он не остановился, чтобы подождать ее, и она с угрожающим выражением лица поспешила вслед за ним в коридор.

— Что ты имеешь в виду — «искать помощь», черт бы тебя побрал?

— Ты, без сомнения, права в том, что мы никогда не сможем вырваться с боями из дворца, и, конечно же, мы не сможем высколизнуть отсюда украдкой. Ни один человек,

видевший нас больше, чем мельком, не поверит, что мы — Хан-Хилайим! Так вот, здесь есть один человек, который может помочь нам выбраться наружу, — тем, что будет нашим пленником! Мы найдем его в тронном зале.

У нее перехватило дыхание.

— Но ты же не можешь иметь в виду, что собираешься похитить Ак... — она замолчала на полуслове, и по ее лицу медленно расползлась улыбка. — Можешь! Ты это и имеешь в виду! И если кто-нибудь вообще и может сделать это

— то это мы, Конан!

— Ты могла бы попробовать называть меня Фузл, или как-нибудь еще, — сказал он, выйдя из себя. — Нет нужды трубить повсюду мое имя, чтобы проверить, сколько внимания оно может привлечь!

— Прости, Фузл, — отозвалась она, и они зашагали по залам дворца так, словно были здесь хозяевами.

Одна, потом вторая, а вскоре и третья служанка бросилась бежать при виде того, как они приближались с суровыми лицами — одетый в доспехи гигант и одетая в доспехи женщина со спутанными волосами, чье лицо и ноги были измазаны грязью и жиром. Еще одна, четвертая служанка увидела их, заколебалась и пустилась наутек. Двоим солдатам из Хан-Хилайим следовало бы сделать то же самое. Конан и Испарана оставили одного мертвым, а второго — стонущим в луже собственной крови, а сами приблизились к дверям, ведущим в королевский зал Замбулы.

— Как мило с его стороны, что он не поставил здесь охрану, — сказал Конан со скверной ухмылкой. — Готова?

— Готова.

Конан и Испарана рывком распахнули две огромные створки и вошли в широкий и длинный тронный зал.

Почти в пятидесяти футах от них сидел на троне Актер-хан в царственных одеждах и алых туфлях. Между ним и двумя незваными гостями стояло одиннадцать стражников. Они были изумлены; Конан и Испарана были хуже, чем изумлены. На них уставились двенадцать пар глаз. Над глазами одного из них был шлем, из которого торчали желтые перья, именно этот человек заговорил:

— Взять их.

20. МЕЧ НА СТЕНЕ

— Стойте!

Этот контрприказ был отдан Актер-ханом, и десять его Шипов замерли наготове, держа руки на рукоятях оружия. Хан наклонился вперед на своем отделанном серебром троне из фруктового дерева. и на лице его отразилось возбуждение.

— Конан, — продолжал он, — Испарана, отойдите в сторону — оба. Освободите проход к двери. Капитан Хамер — выведи своих людей в коридор. Всех. Я желаю поговорить с этими двумя.

Человек в шлеме с перьями, не поворачиваясь, рывком обратил лицо к Актеру.

— Господин Хан! Это враги — и они вооружены! Конан внимательно наблюдал за сатрапом и капитаном. Он не заметил, чтобы они обменялись каким-либо знаком. Офицер вроде бы искренне был в ужасе о» кажущегося безумия своего повелителя. Актер взглянул поверх его плеча на Конана.

— Ты сдашь свое оружие? Я не собираюсь обманывать тебя, Конан. Я действительно хочу, чтобы мы трое остались одни в этом зале.

— Зачем?

Это единственное слово, произнесенное киммерийцем, пронеслось, словно рык, сквозь тишину огромного зала.

— Я скажу тебе, — ответил Актер-хан, удивляя всех, кроме Конана. — Возможно, ты кое-что знаешь о том, почему небольшой отряд воинов на верблюдах в эту самую минуту доставляет столько беспокойства моей армии. Я помню, что ты прибыл в Замбулу в сопровождении некоторых из этих шанки... и мне искренне не хочется уничтожать их всех до единого, хотя и ты, и я — оба знаем, что я могу это сделать. Я буду говорить с тобой и с Испараной наедине.

Испарана еле слышно произнесла:

— Не верь ему!

Конан сказал вслух:

— Я ему верю.

— Господин Хан... — начал капитан Хамер умоляющим тоном.

Актер взмахнул рукой, выказывая некоторые признаки гнева.

— Довольно! Вы покинете этот зал и останетесь поблизости в коридоре, капитан, ты и твои люди. Я готов стерпеть некоторое неуважение со стороны этого могучего воина, Хамера, который считает, что я предал его. Но я не стану спорить с тобой, человеком, которого я назначил на пост только потому, что он — брат одной из бывших шл... любовниц. Помни: оставайтесь рядом за дверью; и так уже достаточно моих Шипов покинуло дворец, чтобы помешать этим крысам пустыни на их паршивых верблюдах внезапно атаковать ворота!

И Актер-хан снова перевел взгляд с Хамера на Конана.

— Ваше оружие? Ты же понимаешь, что я не могу позволить вам остаться здесь наедине со мной и с оружием в руках.

— Я понимаю. Ни один чужестранец не должен приближаться к королю в его палатах, имея при себе оружие.

— Ко-нан... — сделала еще одну попытку Испарана. Конан обратил на ее уверения не больше внимания, чем Актер на мольбы Хамера. Восседающий на троне сатрап империи

Турана и семнадцатилетний юноша-горец из Киммерии, словно два могущественных властелина, пристально глядели в глаза друг другу

— пока Конан наклонялся и клал на пол оба своих длинных клинка. Он некоторое время поколебался, не отводя взгляда от глаз Актера, потом положил туда же и оба кинжала. Хан и двенадцать замбулийцев наблюдали за ним, затаив дыхание; воздух в просторной комнате, казалось, сгустился от напряжения.

— Испарана, — сказал Конан.

— Конан... мы только что...

Он оторвал взгляд от лица Актера на достаточно долгое время, чтобы дать ей почувствовать жар этих вулканических голубых глаз, пылающих на его суровом лице. Она уставилась на него в ответ и попыталась выразить взглядом разумную мольбу.

— Я безоружен, Хан Замбулы, — произнес он, не отрывая глаз от Испараны.

— Поскольку эта замбулийка отказывается, пусть она покинет зал вместе с Хамером и его колючей командой.

Теперь ее взгляд был исполнен мрачнейшей угрозы — и она, медленно и с неохотой, повторила действия киммерийца. Четыре меча и четыре кинжала лежали на гладких плитах пола. Конан оставался в полусогнутом положении, готовый подхватить длинный и короткий клинки.

Хамер снова взглянул на своего хана — с надеждой. Его люди были наготове. Слово, знак — и они выхватят мечи и бросятся, чтобы пролить кровь этой бывшей воровки из их города и этого громадного, рычаще-мрачного, надменного чужестранца, от которого их хан принимал намеренное пренебрежение. Конан, вдруг осознав, что сдерживает дыхание, выдохнул, снова втянул в себя воздух, выпустил его; ему потребовалось направлять эти действия усилием воли.

— Капитан Хамер, — сказал Актер-хан, и мускулы Конана напряглись — как и мускулы свирепо глядевших на него охранников, — оставь нас.

Конан заставил себя расслабиться — чуть-чуть.

— Ты пойдешь последним, капитан, — продолжал Актер-хан. — Возьмешь эти их клинки.

Десять человек колонной промаршировали мимо Конана и Испараны; все их движения были настолько проникнуты контактом ненавидящих глаз и напряжением, что казалось, будто они делятся целые часы. Глаза киммерийца встретились с глазами Хамера.

— Будь так добр, отойди в сторону, Конан, — крикнул хан.

— Нет. Сначала ее клинки.

Испарана запротестовала. Конан, не отрывая взгляда от шемитского стражника, продолжал настаивать. Теперь он стоял, выпрямившись; если бы капитан начал сейчас вытаскивать меч из ножен, внезапный бросок и сокрушительный удар коленом и предплечьем заставили бы его распластаться на полу. И тут бы все началось: его люди, толпясь и пихаясь, бросились бы обратно в зал...

— Испарана! — рявкнул Конан. — Отойди! Испарана с подергивающимся лицом повиновалась. Капитан, приблизившись на два шага, поставил ногу на ее кинжалы и разделил их. Потом этой же ногой он один за другим отправил их в коридор. За ними последовал ее меч. Второй ее меч. Ожидающие не отводящие от этой сцены глаз вооруженные люди подняли их; двое при этом спрятали в ножны свои собственные клинки.

Хамер посмотрел на Конана, и их глаза встретились. Киммериец отступил на один шаг в

сторону.

— Мои кинжалы, — сказал он и проследил за тем, как шемит делает осторожный шаг и потом толчком ноги посыпает один из ножей вслед за остальными клинками. Второй кинжал последовал за первым — раньше он принадлежал Балтаю.

Прошла целая минута, прежде чем оба меча Конана оказались в коридоре. Он был уверен в том, что Испарана и Хамер почувствовали в эту минуту, как возрастает их напряжение. Для него самого это был критический момент; его собственное напряжение уменьшилось. Только он знал, что если Актер произнесет слова предательства и Хамер начнет вытаскивать свой меч, то пах капитана пронзит боль, а его лицо окажется разбитым всмятку. Конан ждал. Капитан ханской охраны, опустив руку на рукоять меча и отступив на два шага, повернулся и вопросительно взглянул на своего повелителя. Конан, слегка позывая доспехами и едва слышно ступая по полу обутыми в башмаки ногами, сделал два шага вперед, по направлению к Хамеру.

— Капитан Хамер... убирайся... вон. Прежде чем хан успел договорить последнее слово, Конан промчался на десять шагов вправо, потом вперед и остановился. Теперь он был на таком же расстоянии от хана, что и Хамер, и далеко от одетых в мундиры шемитов.

Капитан — на лице которого дурные предчувствия смешивались с желанием убить, заявлявшим о себе блеском глаз, — проследовал за своими Хилайим прочь из зала.

— Закрой двери, — скомандовал Актер-хан.

— Мой господин Хан...

Актер-хан вскочил на ноги и ткнул пальцем:

— Закрой двери!

Казалось, хан в конце концов сошел с ума. Возможно, виной тому было его хорошо всем известное пьянство. Он отдал приказ, и тринадцать человек были тому свидетелями. Его действия граничили с самоубийством — и это после того, как он жестоко оскорбил и унизил Хамера перед его собственными солдатами и врагами. Хамер мысленно пожал плечами. Если этот проклятый пьяница, его хан, которого называют Заколотым Быком, желает совершить самоубийство... пусть. Он сделал знак.

Капитан Хамер самолично принял участие в закрывании дверей.

Это было сделано.

Двое воров были одни в тронном зале с Ханом Замбулы.

Они были безоружны, и оба полностью отдавали себе отчет и в этом, и в том, что совсем рядом, по другую сторону этих открывающихся дверей, толпятся вооруженные солдаты. Конан сосредоточился на своем дыхании, упорно не позволяя своему взгляду перескакивать на меч с красиво отделанной самоцветами рукоятью, висящий на стене слева от трона. О да, он знал, что этот меч висит там. Возможно, Актер-хан думал, что он забыл о нем или не заметил его. Возможно, он думал, что Конан отметит положение меча и утратит бдительность. Но Конан был не из таких; он помнил, что Актер-хан — левша.

Напряжение висело над тишиной просторного зала, словно смертоносный орел, парящий над своей осторожной жертвой.

Хан сообщил Конану, что его план вступил в силу. Все началось.

За стенами города шанки выполняли свою часть плана. Солдаты из гарнизона преследовали их; люди из дворца стояли у ворот, далеко отсюда. Неизвестно где Балад и его войско двигались по направлению ко дворцу. А во дворце — Конан и Испарана стояли перед Актер-ханом, наедине с Актер-ханом, и Конан знал о мече, на который он не смотрел. Не

смотрел на него и Сатрап Замбулы.

«Ему никогда это не удастся», — думал киммериец. Он, Конан, будет там прежде, чем Актер успеет наполовину вытащить меч из его богато украшенных ножен.

Если уж на то пошло, то киммерийцу лучше было бы самому придвинуться поближе к оружию. Возможно, Актер спрятал какой-нибудь меч в этом своем парадном троне с высокой спинкой. А эта расширяющаяся книзу мантия шахпурского пурпуря могла скрыть под собой какой угодно кинжал. «Нет, — думал Конан, — мне не нужно бояться этого меча на стене; если кто-то и пустит его в дело, то это буду я».

Конечно, стражники все еще ждали совсем рядом с высокими дверьми...

— Испа, — позвал Конан, не отрывая взгляда от хана, — опусти перекладину на двери.

Актер-хан только улыбнулся и откинулся назад, и Испарана опустила огромный, снабженный противовесом брус в скобы, прикрепленные к дверям по две с каждой стороны. Теперь слегка улыбнулся Конан, пытаясь представить себе лицо капитана и то, что будет твориться в его мозгу, когда он услышит, как его полностью отрезают от его хана.

Да, в эту самую минуту славный шемитский капитан должен быть как нельзя более обеспокоен! Вопрос был в том, почему улыбался Актер-хан. Знал ли он о том, что бурлило у Конана в уме?

— Итак, киммериец. Ты видел меч Зафры.

— Я видел его. Я смог ускользнуть от него и победить его. Я использовал его. Брат твоей прежней потаскухи только что вытолкнул его в коридор.

Пальцы хана сжались на подлокотниках трона. Это инстинктивное движение не ускользнуло от взгляда Конана.

— Этот меч, — выдохнул Актер-хан. — Ты... Конан кивнул.

— Ах, так. — сказал Актер, — И Зафра...

— ...направил его против меня. Я уклонился от него, и выскоцил из комнаты, и закрыл за собой дверь, — сообщил Конан, отмечая без особого беспокойства, что здесь у него под рукой не было ничего похожего на светильник, который он использовал, чтобы отразить направляемую волшебством сталь.

— Пока я держал дверь, чтобы она не открылась, меч Зафры продолжал свое дело. Он выполнял то, что ему было приказано. Зафра сказал, что он должен был убить. Он и сделал это... в то время, когда был в комнате наедине с Зафрай.

Услышав о смерти своего подопечного, своего советника, своего высокоценимого молодого мага, которого он сделал Волшебником Замбулы, Актер-хан зажмурился и заскрипел зубами. В конце концов ему удалось овладеть собой, и он открыл глаза и рот. Его голос был очень мягким.

— Очень... ловко с твоей стороны. У Зафры не было способа защитить себя от своего собственного заклинания?

— Об этом я ничего не знаю, — пожимая плечами, ответил Конан. — После того как я выскоцил из комнаты, там остался только один человек — и меч, которому был отдан приказ. Зафра сказал, что меч не остановится, пока не убьет. Он приказал: «Убей его». Зафра, а не я, стал «ким». Актер-хан вздохнул.

— Мне будет не хватать его, хотя это был человек, которому я никогда не мог доверять. Полностью — никогда. Без Испараны — которой мне не следовало доверять, — я прекрасно могу обойтись.

— Попробуй пройти мимо меня, чтобы добраться до нее, Хан Замбулы.

— Да, это я, — многозначительно, нараспев протянул Актер. — Я — Хан Замбулы. Некто по имени Балад, и с ним куча недовольных изменников противостоят мне, и им никогда не одержать победы. Ты там, в пустыне, подружился с шанкийскими варварами, и теперь они выступили против Замбулы. Я

— Хан Замбулы.

Конан внимательно следил за тем, чтобы его лицо оставалось бесстрастным. «Да, ты — хан, Актер, в этот час, в эту минуту. Ты еще не связал воедино Балада, меня и „атаку“ шанки, ты связал только шанки и меня. Продолжай тратить время на меня, Хан Замбулы, — продолжай оставаться глупцом».

Актер-хан улыбнулся.

— Да, я — Хан Замбулы. А ты... бедный варвар. Как мало ты знаешь. Это просто хорошо развитые мускулы и умение владеть мечом, ведь так?

— Это правда, гением меня не назовешь. Всего несколько дней назад я уставал и злился, когда вы, выросшие в городах шакалы, которые думают, что стены вокруг собранных в кучу домов создают нечто, именуемое ими «цивилизацией», — когда все вы называли меня варварам. Теперь я совершенно не зол; я горд. Называй меня варварам. Я убиваю в честном бою, но никогда — из-за угла. Ты, Хан Замбулы, убиваешь исподтишка. Как видишь, я учусь.

— Ты учишься, парень с холмов... чего бы там ни было. Но, Конан, ты узнал недостаточно — и недостаточно быстро. Без тебя я преспокойно обойдусь.

Конан только посмотрел на него свирепым взглядом. Он заставлял себя расслабиться и быть готовым ко всему. Он не смотрел на Испарану. Независимо от того, в какую сторону сделает движение Актер, он, Конан, прыгнет прямо к мечу на стене. Ему незачем было бояться этого меча; бояться нужно было хану, считает он так или нет.

— Зафра сказал тебе, Конан, что меч не разбирается ни в родах, ни в местоимениях и не останавливается до тех пор, пока не убьет, — после чего нужно только приказать ему снова? Для него и Испарана, и ты — это «его».

Киммериец дерзко пожал плечами.

— Что бы это все ни значило — какая от этого польза? Меч не прорвался бы сквозь эти двери, даже если бы Зафра был жив, чтобы отдать ему приказ. Но Зафра мертв.

Конан не видел причин говорить Актеру, что меч, вероятно, повиновался — повиновался и в тот раз, не заботясь о том, кем была его жертва, — только покойному колдуна. А между тем... почему Актер был так уверен в себе, почему казалось, что он торжествует?

«Что он планирует? Что знает он такое, чего не знаю я?»

Конан глянул на стену справа от себя. Он знал, что эта дверь вела в комнату Зафры. Возможно, капитан собирался... — нет. Конан был уверен, что хан и Хан-Хилайим не обменялись никаким сигналом; и у них не было оснований полагать, что он и Испарана, вырвавшись с боем из подземелья, направятся к этому залу, а не к ближайшему выходу. Тем не менее, киммериец подошел на шаг ближе. К Актер-хану. К мечу на стене.

Он попытался послать свои мысли на поиски. Он не мог внимательно осмотреть комнату, потому что не осмеливался отвести глаза от вероломной кровожадной мрази, оскверняющей трон, который она занимала. Что придавало Актеру такую уверенность в себе? Почему он улыбался? Почему он был в состоянии улыбаться? Он хотел остаться здесь наедине с Конаном и Испараной не для того, чтобы спросить об атаке шанки, как он сказал; он не боялся этой атаки и не подозревал, что это был обманnyй маневр, результат трехстороннего плана, составленного Конаном, Баладом и Хаджименом. Конан и Испарана

были нужны ему здесь по другой причине. По какой? Почему он улыбался? Это была торжествующая улыбка. Почему-и как?

Конан не знал. «Актер прав», — думал киммериец. Он молод и знает недостаточно. Его ум недостаточно изворотлив, хотя он считал себя блестящим стратегом, составляя план, который должен был опрокинуть этого пьянистующего, вероломного правителя. Актер был прав. Оружием Конана были быстрота, и сила, и меч, а не мозг.

Ему оставалось только ждать — напряженно приказывая своему телу не напрягаться, — пока он узнает, какая хитрость может быть в запасе у Актер-хана. Что он прячет за спиной... может быть, в буквальном смысле? Кинжал? Неважно. Этот человек не сможет бросить его быстрее, чем может двигаться киммериец. К тому же практически невероятно, чтобы он умел метать кинжал так же, как Испарана; и он не был в достаточной степени мужчиной, чтобы попытаться вступить в бой с рослым и мускулистым юношей, которого он так бойко называл «варваром». Терпение Конана было далеко не безграничным, далеко не таким, каким оно станет в более зрелые годы, — если он переживет нынешний день.

Он начал медленно подходить к возвышению, и к стоящему на нем трону из мерцающего серебром фруктового дерева, и к сидящему на этом троне человеку в фиолетовой мантии.

— Ах, Конан, Конан! Видишь ли, варвар... видишь ли, Зафра наложил заклятие Скелоса на два меча. И хан улыбнулся, почти сияя.

— Конан! — встревоженный крик Испараны. Взгляд Конана немедленно метнулся к висящему на стене спрятанному в ножны мечу и застыл на нем. В этот миг киммериец понял, что он пропал, что он погиб, а в следующий — подумал, что может спасти хотя бы Испарану. Меч ведь не различает родов и местоимений, а? Значит, он убьет их, одного за другим, получив два приказа... если только она не откроет двери, и стражники капитана Хамера не ворвутся толпой в зал, окружая ее со всех сторон. Станет ли тогда меч, убив Конана, набрасываться на них, словно кося на заманчиво раскинувшееся хлебное поле?

— Спарана! Открой дверь!

— Конан! Меч...

— Убей его.

На теле киммерийца выступил пот и побежал по его бокам, заструился по лбу. Глаза Конана не отрывались от прикрепленного к стене меча, окутанного заклятием меча, который должен был стать его окончательной погибелью, пережив человека, заколдовавшего его и встретившего свою собственную погибель. Конан смотрел на меч. Голубые глаза киммерийца были словно прикованы к усаженной самоцветами рукояти тяжелыми цепями.

Миг жгучего напряжения растянулся. Конан ждал, и все его тело дрожало мелкой дрожью. Он смотрел на меч.

Тот не шелохнулся.

Это был просто меч, висящий в ножнах на золотых скобах на стене тронного зала. Как висят тысячи других во всем мире...

— Убей его! — на этот раз хан заговорил немного громче. Его требование граничило с просьбой.

Испарана стояла, застыв в неподвижности у огромных запертых дверей, подняв руки на уровень противовеса, повернув голову, устремив взгляд на меч.

Меч не шелохнулся. Ладони Актер-хана стиснули резные львиные головы на подлокотниках его высокого трона, и, когда он резко обернулся, чтобы взглянуть на меч, костяшки его пальцев были белыми.

— Убей его! Убей его!

— Опусти брус, Испарана.

Брус с грохотом упал на свое место. Хан уставился на того, кто бросил ему вызов. Меч продолжал висеть на стене.

— Актер-хан — собственный меч Зафры повиновался ему, но не мне.

Пот затекал Конану в глаза и заставлял его жмуриться и дергать головой. Киммериец жалел, что не может присесть. Он чувствовал озноб. Напряжение оставляло его; пот улетучивался.

— Либо заклятие потеряло силу вместе с его смертью, либо...

— Эта вероломная собака!

По залу раскатился нервный женский смех.

— Господин Хан? Тебе не приходит в голову, что, хотя ты превосходно судишь о людях, но, тем не менее, ты учишься чересчур медленно? Ты мог бы доверять нам. Получив награду, мы были бы счастливы и преданны. Зафре ты доверять не мог!

Актер припомнил... в подземелье, когда он подозгал к себе Балтая... и направил меч на эту аквилонийскую девушку, Митралию. Зафра отступил назад, встал рядом с ним, но за его спиной. Актеру показалось, что он услышал его быстрый свистящий шепот, но тут чудесный меч бросился вниз, в подземелье, чтобы выполнить его, Актера, повеление — так он думал, — и он, восхищенный, окрыленный, перестал обращать внимание на что бы то ни было. Его повеление? Нет! То, что он слышал, должно было быть голосом, тихо произносившим: «Убей ее»... или «его».

Теперь он смотрел на двоих, вторгшихся в его тронный зал, двоих, которых он приказал оставить наедине с собой, двоих, которым он даже в своей самонадеянности и уверенности в Мече Скелоса позволил запереть двери, — и внезапно он почувствовал себя очень одиноким на своем троне и словно скохся под своей мантией.

— Не зови своих людей, Актер-хан, — сказал Конан, приближаясь при этом к трону. — Ты будешь задушен и начнешь разлагаться к тому времени, как им надоест пытаться разрубить дверь мечами и они пошлют за топорами или тараном. И что это даст тебе?

Конан шагал к восседавшему на возвышении хану, и в этот момент по другую сторону громадных запертых дверей послышались звуки: крики и лязг оружия.

21. ТРОН ЗАМБУЛЫ

Конан остановился на расстоянии двух длин своего тела от возвышения, на котором стоял трон Замбулы, и уставился на огромные двери, как уставились на них Испарана и Актер-хан. Снаружи, в коридоре, люди выкрикивали проклятия, предупреждения, угрозы. Люди кричали и громко стонали, получая ранящие их удары. Доспехи бряцали и лязгали. Острые клинки со звоном отлетали от шлемов, доспехов и других острых клинков. Один с глухим стуком врезался в дверь: кто-то собирался нанести могучий удар, а его предполагаемый получатель увернулся. Опыт Конана подсказал ему, что дерево, из которого сделана эта дверь, удержало клинок, и киммериец решил, что тот человек, который нанес этот несчастливый удар, уже мертв или ранен, потому что в бою нескольких секунд беспомощности было достаточно. Возгласы и лязганье стали продолжаться. Теперь киммериец был уверен, что слышит меньше воплей, меньше криков боли или тревоги и — да, слышит меньше ударов клинков. А потом их стало еще меньше. Кто-то упал на дверь. Конану был знаком звук, который он услышал потом: безжизненное тело медленно скользнуло вдоль створки дверей на пол. И потом наступила тишина.

Конан взглянул на Испарану и увидел, что она смотрит на него.

— Балад, — пробормотал он.

Кулак — нет, определенно рукоять меча — забарабанила по двери, которая почти не заметила этого благодаря своей толщине, высоте и моши. Огромная перекладина даже не задребезжала.

— Актер! — взревел чей-то голос, и Конан узнал его. — Твои стражники убиты или сдались, Хан-Хилайим больше не существует. Хамер лежит тяжело раненный. Иабиз давно уже сдался и предложил присоединиться ко мне и служить мне! Это Балад, Актер; помнишь меня, твоего старого друга? Дворец наш. Открой двери, Актер-р-р!

В течение долгого времени Актер, некогда хан, сидел в оцепенении, глядя на резные двери.

Конан неторопливо прошел мимо него, без труда снял меч со стены и начал было пристегивать ножны к своему поясу, но тут же остановился, нахмурившись, а потом отшвырнул спрятанный в ножны Меч Скелоса. Тот с лязгом заскользил по розовым и красным плиткам пола и остановился в нескольких футах от запертой входной двери.

Актер даже не взглянул на киммерийца. Он смотрел на двери, по которым снова с грохотом ударила рукоять меча.

Наконец, очень тихо, он сказал:

— Открой двери.

Испарана, не так тихо, сказала:

— Нет.

И зашагала прочь от высокого портала и лежащего перед ним меча в ножнах.

Актер какое-то время смотрел на нее, потом повернул изнуренное лицо к Конану. Киммериец стоял, сложив руки на груди, и спокойно глядел на него.

— Конан...

— Нет, Актер-х... Актер. Ты сам поднимешь перекладину. То, что ты причинил зло девочке-шанки, было твоей великой ошибкой. То, что ты причинил зло Испаране и мне, — предпоследней. То, что все твои надежды основывались на вере в этот заколдованный

меч, — последней. Я понятия не имею, скольким людям ты причинил зло, скольких ты убил в дополнение к девушке-шанки или скольких разорил. Но... пришло время тебе расплатиться. Ты перестал быть сатрапом, Актер, ты перестал быть ханом — перестал править. Ты сам откроешь двери тем, кто представляет народ, который ты оплевывал и топтал ногами.

В течение долгого времени Актер продолжал смотреть на Конана. В этих темных глазах не пылала ненависть или гнев; казалось, они умоляли. Потом голова в короне медленно повернулась снова к деревянному порталу, отделяющему его от тех, кто сверг его. И опять множество долгих секунд поползло улитками, пока он невидящим взглядом смотрел на дверь, погруженный в мысли о поражении. И об угрызениях совести? Конан в этом сомневался Актер поднялся, тяжело оттолкнувшись обеими руками от подлокотников своего парадного трона, и по ступенькам спустился с возвышения на вымощенный плитками пол. Машинально сжимая в левой руке несколько складок своей мантии, он прошагал — почти проскользил эти пятьдесят футов. Поколебавшись всего несколько мгновений, он поднял небольшой рычаг, который, в свою очередь, заставил подняться огромный брус, перекрывавший створки дверей. Потом Актер повернулся, взглянул на Конана и Испарану и на лежащий на полу поблизости меч и направился назад к своему трону. Конан взглядел проследил за тем, как он поднимается по ступенькам походкой старого, усталого человека, поворачивается и тяжело опускается на свой высокий трон. Спустя еще мгновение Актер поставил ступни ног вместе, опустил локти на подлокотники кресла и выпрямился.

Конан был поражен мужеством и достоинством этого человека. «Правда, сам я поднял бы этот меч и встретил бы их, как воин, чтобы пасть в бою, — подумал Конан. — Но ведь я не король и не сатрап, и во мне нет королевской крови. В Актере она есть — и у него есть достоинство». Киммерийцу не очень-то нравилось, что на него произвел такое впечатление этот человек — такой человек, — но не в его характере было испытывать в данный момент какое-то другое чувство.

Актер-хан отдал свой последний приказ:

— Войдите.

Обе высокие створки распахнулись настежь под напором вооруженных людей в доспехах, которые не ввалились шумной толпой в тронный зал, а остались стоять в дверях, и в самом их центре был одетый в кольчугу Балад. Его голова была не — покрыта, но мокрые пряди волос свидетельствовали о том, что он только что снял шлем, который носил в сражении.

В тронный зал влетело стройное женское тело в лохмотьях шелка. Оно приземлилось с мягким глухим стуком, его шея безвольно мотнулась, и глаза Тигрицы Чиа, казалось, уставились на ее хозяина.

Балад поднял руку; в ней был лук с наложенной на тетиву стрелой. Он поднял другую руку, быстро прицелился — и послал стрелу в человека на троне. Актера отбросило назад, к спинке его большого кресла, и он крякнул; потом, цепляясь пальцами за подлокотники, поднялся на ноги. Балад снова отпустил тетиву. Позади него приверженцы заметались, и на некоторых лицах отразился ужас. Вторая стрела вонзилась в тело Актера с хлюпающим глухим звуком.

Два тонких древка с серо-белыми перьями торчали теперь из его живота.

— Балад! — взревел Конан. — Он открыл тебе двери — он сидел с достоинством короля! Он даже не вооружен! Это не честный бой — это бойня!

Он пылал яростью, и Испарана не видела ничего красивого в его лице.

— Солдаты! Будете ли вы продолжать следовать за ханом-убийцей? Кто же клянется на верность человеку, который завоевывает престол и убивает его обладателя не в поединке и не в бою, а предательски — на расстоянии?

И солдаты зашептались между собой. А Балад перевел свой блестящий взгляд на киммерийца, который стоял совсем один.

Встревоженная Испарана предостерегающе сказала;

— Ко-нан...

Балад и Конан мерили друг друга свирепыми взглядами, а Актер в это время осел, скатился по ступенькам, ведущим на возвышение, и остался неподвижно лежать на плитках пола.

— Конан? Я теперь хан! Хан Замбулы! — Балад воздел вверх руки, одна из которых сжимала орудие убийства. — Ты должен будешь получить награду, приятель!

— Актер, — сказал Конан, — правил, как скотина, но он был правителем и только что доказал это. Он сидел, как король, готовый принять свое смещение,

— и был убит, как преступник, человеком, который пустил в ход оружие, действующее на расстоянии, оружие труса или самого подлого охотника!

Балад сделал несколько шагов вперед, входя, как хозяин, в тронный зал, на который заявлял права. Он небрежно поставил ногу на кончик ножен заколдованных мечей, взглянул на Конана и заговорил голосом, который казался еще более зловещим из-за того, что был таким спокойным.

— Не говори со мною так, Конан. Это чудовище заслуживало только смерти, и у нас нет времени на судебные процессы! Нужно столько всего сделать для Замбулы! Что касается тебя, Конан, чужестранца, но верного помощника, — как будет звучать для твоих ушей пост личного телохранителя Хана?

Испарана смотрела на Конана, закусив губу. Балад смотрел на него и ждал, и в нем уже чувствовалась холодная надменность правителя. Конан отвечал ему хмурым взглядом. Солдаты в доспехах, вооруженные и окровавленные, ждали в широком проеме дверей.

Наконец Конан сказал:

— Я не стану охранять твоё тело, Балад. Ты встретил меня ложью, боясь даже сказать мне, что это был ты, а не какой-то Джелаль. Ты смог захватить дворец благодаря мне и Хаджимену и его воинам на верблюдах. Когда мне понадобится престол, я тоже убью ради него, — но только если у правителя будет в руках клинок. Я присоединился к тебе, чтобы выступить против неправедного убийцы — и я не стану теперь охранять убийцу!

В огромном зале снова, как свинцовые тучи, повисли напряжение и тишина.

Потом Балад, на скулах которого перекатывались тугие желваки, поднял руку, чтобы достать из-за плеча еще одну стрелу.

Он вытаскивал ее из колчана, когда его глаза покинули лицо Конана и уставились на что-то за его спиной. Конан обернулся, чтобы бросить взгляд, и задержался, чтобы взглядеться более внимательно. Распахнулась дверь. На полу появилась ладонь. В тронный зал, помогая себе правой рукой, вполз окровавленный Зафра. Глаза Конана расширились, округлились и потемнели, а на его затылке зашевелились волосы. Он медленно отступил прочь, так, чтобы видеть и Зафру, и Балада, поворачивая только голову.

Голос Зафры был не громким, прерывающимся, скрипучим. Он возвышался и затихал короткими неровными порывами между приступами боли. Зафра лежал на боку, и его левая ладонь была прижата к окровавленной груди.

— Человека, настолько... искушенного в... волшебстве, как я... не... не так-то... не так-то легко уби-и-и-ть, ким-мериец. Нам с-следовало быть союзника-ми... Балад, ведь так? — даже распостертый на полу, истекающий кровью, несомненно умирающий человек мог насмехаться. — Только заклятие... наложенное давным-давно-о-о... удерживает меня в живых, чтобы... чтобы посмотреть на тебя, Бала-ад. Балад на этом т-троне? Даже... этот пес Ак... был бы лучше! Уб-бей... его.

Где-то в зале вскрикнул солдат, подобравший трофеи, и этот крик оборвался жутким хрипом, когда меч Зафры безошибочно нашел его сердце. В то же самое время меч на полу выскользнул из ножен, на которые опиралась нога Балада. Тот так и не шевельнулся, застыв во время доставания другой стрелы, которая должна была оборвать жизнь и успокоить язык киммерийца. Но теперь именно Балад умолк навеки, потому что у меча совсем рядом была жертва, и ему не пришлось принимать решение; он поднялся, выровнялся в воздухе и, как искусно брошенное копье, вонзился в грудь ближайшего к нему человека.

Конан, увидел, что он ошибся в одном своем предположении: убив, каждый меч бездействовал, пока ему не приказывали снова. Зафра, лихорадочно глотая воздух, лежал на полу; Балад лежал неподвижно, и над его телом стоял Меч Скелоса.

В зловещей тишине киммериец прошел через широкий зал к пораженной ужасом кучке людей у двери. Они убили короля; человек, которым его хотели заменить, пережил его лишь на какие-то минуты.

— Ну-ка, дай мне это, — сказал Конан и выкрутил меч из вялых пальцев одного из сторонников Балада прежде, чем тот смог очнуться.

Конан не пошел обратно; он подбежал к обмякшей фигуре Зафры, и теперь все наблюдали за тем, как этот варвар с Севера взмахнул позаимствованным мечом над головой. Зафра смотрел на него снизу вверх.

— Уб-бей... — судорожно выдохнул колдун, и Конан сделал это.

Ему пришлось ударить дважды, и на второй раз меч со звоном ударился об пол, высекая из него искры. Голова волшебника Замбулы еще не прекратила своего омерзительного вращения по полу, когда Конан резко обернулся и заговорил.

— Я предлагаю вам сжечь это, — сказал он. — С этими волшебниками осторожность не помешает.

Он помолчал еще одно долгое мгновение, потом заговорил снова.

— Мне не нравится ваш город, и я покину его и буду клясться, что никогда даже не слышал о нем. Что ж. что случилось со всеми вами, бравыми защитниками Замбулы? Трое негодяев лежат мертвыми, и по справедливости, и Замбула и весь мир будут чувствовать себя гораздо лучше без всей этой троицы! Неужели никому не придет в голову сказать... да здравствует Джунгир-хан!

Через мгновение Испарана выкрикнула эти же самые слова, а потом кто-то в коридоре — это был визирь Хафар, — и вслед за ним другие подхватили этот клич, и вскоре это был хор, отдающийся эхом по всему городу, пока Хафар и Испарана разыскивали мальчика, который стал Ханом Замбулы. По пути они договорились; ни один из них так и не рассказал ему, как один чужестранец сделал его королем и Сатрапом Империи. * * * Могучий молодой человек сидел верхом на лошади, к седлу которой был привязан повод пяти тяжело нагруженных вьючных животных. Его окружали люди на верблюдах. Все они были одеты в белые кафии и халаты поверх красных шаровар, и все смотрели сверху вниз на женщину, которая подошла к всаднику.

— Что у тебя на выючных лошадях, Конан? Киммериец улыбнулся и взглянул через плечо на своих животных.

— Привет, Испа. Вода, которой, надеюсь, хватит, чтобы доехать до Заморы или этого оазиса, как он там называется. И... несколько безделушек, которые я... подобрал. Я боялся, что Джунгир-хан может забыть наградить меня за ту службу, что я сослужил его отцу, когда вернул ему тот амулет! Ты же знаешь, нам пообещали награду.

Она улыбнулась ему мимолетной, измученной улыбкой, потом сказала:

— Он хорошо переносит смерть своего отца. Он заверяет Хафара и меня, что простит заговорщиков, если они принесут ему клятву на верность. Боюсь, нам пришлось убедить его в том, что Балад был колдуном, подчинившим их всей своей воле... и никто не упомянул при нем о некоем киммерийце.

— Мы с ним никогда не видели друг друга. Надеюсь, что и не увидим. Мне не нравится его поганый город и его поганый, плетущий заговоры народ, и я уверен, что мне не смог бы понравиться никакой сын Актер-хана, даже если бы его шаги направляли ты и Хафар. А насчет того, что он всех простит и никогда не станет никого карать... я поверю, когда увижу это, — сказал Конан, потому что он еще немного повзрослел, и встретил еще несколько королей и неудавшихся королей, и стал немного мудрее. — Лучше бы они седлали лошадей и ехали, ехали, ехали. — Испытывая некоторую неловкость, он потянул за повод, и его выючные лошади зашевелились. Он, сузив глаза, наблюдал за тем, как смещаются тюки на их спинах. — Мне бы очень не хотелось, чтобы они соскользнули. Мы с Хаджименом уезжаем, Спарана. Я, может быть, задержусь у них на день или два. Шанки — самый лучший народ из тех, что я встретил за этот год, а я встретил слишком многих. Ты знаешь, никто не присматривает за конюшнями. Там много прекрасных животных. Я беру только шесть, и Хаджимен настаивает, чтобы я принял от него одного или двух верблюдов. Оседлать еще одну лошадь — для тебя?

— Значит, ты действительно уезжаешь.

— Да. Я предпочитаю места, подобные Шадизару, где человек знает, что ему делать: все открыто порочны и признают это, и поэтому никто не устраивает заговоров и не прикидывается!

Она улыбнулась — с легким сожалением.

— Какой же ты мужчина, Конан из Киммерии.

— Какая же ты женщина, Спарана. Они долго смотрели друг на друга; потом она сказала:

— Хафар назвал меня Соратницей Хана, и вся знать подтвердила этот титул. Я — первая женщина Замбулы, Конан. Боги, как нам нужен генерал, который не был бы ничем обязан никакой группировке! Возможно, могучий чужестранец.

Конан сжал губы, приподнял брови, подумал. И покачал головой.

— Только не в Замбуле! Только не я! Действительно, что за женщина... а вообще, сколько тебе лет, Спарана?

— Двадцать и шесть, — ответила она так свободно, что он был уверен: она говорит правду. — А сколько лет тебе, Конан, тебе, кто может отказаться от того, чтобы быть генералом и... чем-то большим для меня?

— Восемнадцать, — сказал он, продвигая свой возраст за следующий день рождения, и развернулся лошадь. Шанки ждали его, сидя на верблюдах, обрадованных тем, что можно стоять спокойно. Лошади непрерывно хлестали себя хвостами по бокам, отмахиваясь от мух.

Конан оглянулся вокруг.

— Хаджимен?

— Я готов, — отозвался шанки. Конан взглянул на Испарану.

— Едешь?

— Восемнадцать!

— Ну... почти.

Она потрясла головой. Жемчужины сверкали в ее волосах и на ее широкой нагрудной повязке из желтого шелка.

— Почти восемнадцать, — выдохнула она. — Каким же мужчиной ты станешь.

Конан напряженно улыбнулся.

— Раньше ты сказала «какой же ты», Испарана, а теперь говоришь «каким же ты будешь». Значит, ты не едешь. Прощай, Испарана. Я рад, что тебе не удалось убить меня.

— Я не так уверена, — мягко сказала она. Конан рассмеялся.

— И ради чего? Ради амулета, который должен был защитить Актер-хана? Он оказался замечательно эффективным, не правда ли? То, что мы привезли Актеру этот амулет, защитило его — прямо в гроб! О боги, спасите меня от подобных амулетов.

— Конан... как ты думаешь, ты когда-нибудь вернешься в Замбулу?

— Спарана... — он обернулся и взглянул на Хаджимена. — Послушай меня, Хаджи. Я клянусь киммерийским Кромом и замбульским Эрликом и шанкийской Тебой, что я никогда даже не признаюсь, что был в Замбуле! Это обет! Я буду отрицать, что побывал здесь. Я забуду о Замбуле так быстро, как только смогу. И об этом проклятом Глазе Эрлика тоже!

— И обо мне.

Она казалась маленькой, Соратница Хана, стоя на земле в то время, как Конан восседал на лошади из личных конюшен хана.

— И о тебе, Испа. Если когда-нибудь я забудусь и все-таки вернусь в Замбулу, Испарана, нянька и Со ратница Джунгир-хана, ты будешь покрытой морщинами матерью нескольких детей. Можешь быть уверена.

Голубые глаза долго вглядывались в карие, и он увидел, как карие глаза подернулись пеленой, и вздрогнул, словно просыпаясь.

— Хаджимен! — окликнул Конан и дернул повод своего скакуна.

Она стояла и смотрела, как он уезжает прочь.